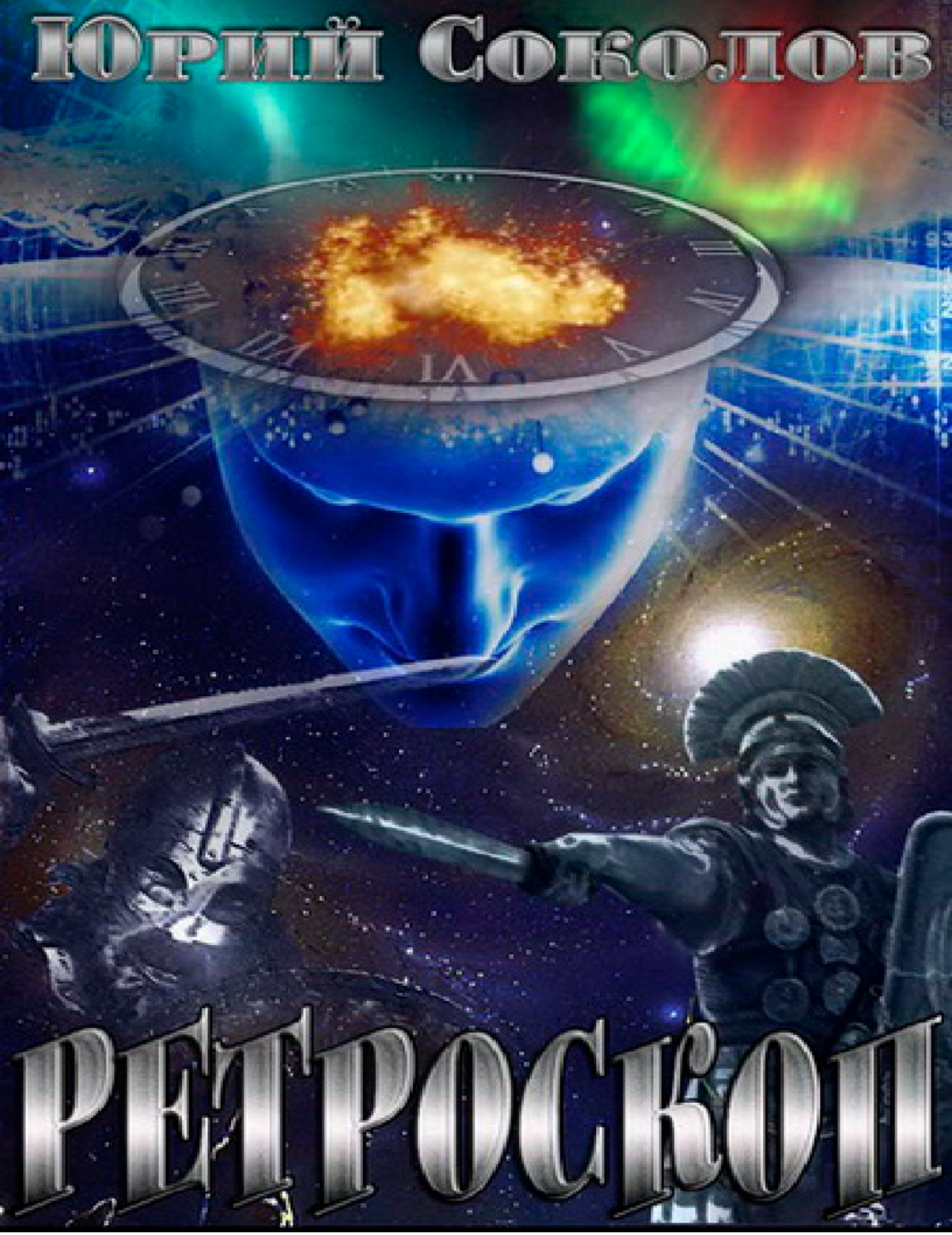
Юрий Соколов
РЕТРОСКОП

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что произойдет, если в распоряжении людей окажется общедоступная машина времени? Не частное изобретение, находящееся в единоличном владении Путешественника, как в известном романе Герберта Уэллса, не контролируемая отдельно взятой Компанией Машина Рэя Брэдбери, билет на которую возможно приобрести только богачам, а машина времени с маленькой буквы, которой будут пользоваться путешественники с маленькой буквы. Рабочие, мелкие бизнесмены, служащие… Не единицы, а миллионы. Не избранные, а кто угодно. Просто пошел в магазин, приобрел за скромную сумму, принес домой и включил.

Как люди распорядятся подобным приспособлением? Какие эпохи, какие события и персонажи заинтересуют их больше всего? И какова должна быть машина, чтобы сотни тысяч ежедневно отправляющихся в прошлое путешественников не изменили события настоящего?

- Юрий Соколов
  - Часть первая. ПРОБЛЕМЫ КЛИЕНТОВ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Часть вторая. ПРОБЛЕМЫ АГЕНТОВ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - Часть третья. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3

- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Эпилог
- Другие книги автора
- Информация об издании

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24

Юрий Соколов
РЕТРОСКОП

Агент — человек, реально существовавший когда-то в прошлом. Используется в качестве носителя сознания человека из будущего.

Клиент — путешественник во времени. Способен пассивно включаться в жизнь агента, используя его тело и органы чувств.

Часть первая. ПРОБЛЕМЫ КЛИЕНТОВ

Глава 1

Забудь о повседневных делах! Оторвись от надоевшей скучной действительности! Ретроскоп — универсальное средство для развлечений любого рода, равных которому нет и не было! И раз уж ты зашёл к нам в гости, мы полагаем, что сам прибор с поддержкой параметров YR или XR уже стоит у тебя дома. В таком случае — не медли!

Жизнь в Древнем мире глазами реально существовавших людей! Их ощущения станут твоими! Агент-носитель абсолютно ничего не заметит, что гарантирует неприкосновенность и неизменяемость прошлого, но не уменьшает твоего удовольствия. Расслабься и наслаждайся! Обратись к нам прямо сейчас. Рыцарские поединки! Роскошные женщины! Королевские пиры! Вернувшись, ты не отличишь пережитое от реальности!..

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром». Лист «Романтическое путешествие».

— Это «экстра»??? Срочно нужна помощь! Мой сын… — Кену Стурво услышал по связи короткий взрыв безудержных рыданий, а потом глубокий вздох. Женщина, дозвонившаяся до диспетчерской ЭМП[1], пыталась взять себя в руки. — Ретроскоп. Он пробыл в прошлом… не знаю, сколько. Я была в отъезде…

Говорила она с трудом, и Кену понял, что женщина едва сдерживает приступ истерики. Он нажал на кнопку «немедленный вылет» на пульте, потом ткнул пальцем во впадину за ухом, включая правый канал мыслесвязи и, продублировав вызов коротким, но ёмким пси-образом, сказал:

— Группа прибудет к вам через несколько минут. Постарайтесь успокоиться, госпожа, и назовите свой адрес.

— *Кену?* — произнёс голос у дежурного в голове. — *Мы готовы. Что там?*

— *Как обычно в последнее время,* — подумал-ответил дежурный, не прекращая разговора с женщиной. — *Ещё один парень завяз в прошлом. Дополнительных сведений по его состоянию нет. Действуйте исходя из обстановки.*

Кену выключил правый канал, немного жалея, что не может вырубить и левый тоже. Он недовольно втянул и вытянул губы, задев при этом микрофон профессиональной телефонной гарнитуры. Лёгкое нажатие в ямочку за левым ухом, и… Безмятежность, свобода от изнуряющей самодисциплины, которой требует прямая мыслесвязь; неспешные думы о вещах

более приятных, чем чужие беды и случаи с летальным исходом; тишина в голове, не нарушаемая десятками упущенных мыслей-возгласов специалистов ЭМП, работающих на местах происшествий…

И — увольнение с работы. Диспетчер не имеет права выключать левый канал до последней минуты вахты.

Врачи-универсалисты Ранбах и Элкис прибыли по указанному адресу через две минуты с небольшим. Икар[2] с эмблемой ЭМП прошёл по одной из зарезервированных для этой службы траекторий над столицей и приземлился на крыше мегабилдинга в элитном районе Сестрории. Быстро прошагав между рядами машин, стоящих на частных посадочных площадках, врачи вошли в кабину скоростного служебного лифта. В небольшой, но роскошно обставленной квартире на пятьдесят шестом этаже их ждала ставшая привычной в последние годы картина. Плоский монитор и строгий параллелепипед генераторного блока ретроскопа выделялись непритязательным дизайном среди прочих изящных предметов обихода. Между столом и креслом лежал молодой парень, затянутый в сбрую сенсуального синхронизатора. На голове вместо обычного обруча пси-трансцессора[3] надет специальный шлем, во рту зажат мундштук автономной системы питания, подключённой к подаче биоконцентрата из домашней хозяйственной линии… Судя по всему, парень, включив ретроскоп, намеревался провести в прошлом не один день и постарался подготовиться к этому. Ведь синхронизатор, помогающий в полной мере насладиться пищей, которую поглощал в древности какой-нибудь гурман, не приносит ничего ощутимого для организма, кроме активного выброса желудочного сока.

Элкис мельком взглянул на тянувшийся в кухню тонкий шланг, успев подумать, что раньше удлинителями для автономок пользовались преимущественно инвалиды и люди, страдающие повышенной чувствительностью к погодным аномалиям — в периоды обострений. Теперь же число желающих обедать без отрыва от кресел и диванов постоянно пополнялось за счёт любителей бесконечных пси-сериалов и фанатов ретроскопии.

Перегрузка нервной системы спровоцировала судороги, поэтому мальчишка и выпал из кресла. Он лежал на полу в неестественной позе, словно был не человеком, а дешёвой пластмассовой куклой, у которой суставы сгибаются и разгибаются в какую угодно сторону.

— Вы сможете что-нибудь сделать? Вы сможете его спасти?..

Ранбах осторожно отстранил заплаканную женщину с дороги,

что-то сказал ей, стараясь успокоить, а Элкис сразу прошёл к ретроскопу и вывел монитор в активный режим. Взгляд сенситива[4] первого класса, мозг которого привык моментально впитывать большие объёмы информации, разом охватил содержимое рекламного блока боевого листа «Ретродрома» — крупнейшего нелегального сайта временщиков в «Глобале», а имплантированный в мозг трансцессор продублировал увиденное в пси-режиме:

Почувствуй себя настоящим мужчиной! Кто сказал, что прошлое мертво? Мы оживляем прошлое! Перенеси своё сознание в тела реально существовавших героев!

Триста спартанцев! Атилла! Воины Рамзеса! Хочешь быть в рядах полчищ Чингисхана или же противостоять ордам его кочевников?

В числе наших агентов — люди, воевавшие в любой войне, на любой стороне! Захватчики городов и защитники неприступных крепостей! Великие полководцы и простые солдаты!

Официальной науке и не снилась та глубина погружения в прошлое, та степень реальности ощущений, которую предлагаем мы!

Мы подробно отследили жизни тысяч людей. Ты можешь быть уверен, что на любом выбранном пути тебя не ожидают увечья и смерть. Только победы, пиры, удовольствия! И прекрасные женщины — все они действительно жили когда-то. Хочешь провести ночь с Клеопатрой? Хочешь узнать о любви столько же, сколько знали настоящие японские гейши? Обратись к нам!

Дальше шли такие соблазнительные предложения о сеансах секса с самыми известными красавицами прошлого, что Элкис засомневался, стоило ли создателям сайта именовать листок «боевым», и в каком вообще смысле они употребили это понятие. Впрочем, на подпольных сайтах (как и на официальных) боевые листы часто переходят в эротические. Разница только в содержании предложений.

Здесь содержание не оставляло сомнений в том, что именно предлагается пережить человеку, выбравшему услуги нелегалов. Никаких ограничений — ни возрастных, ни этических:

Римская империя периода расцвета… Римская империя — император Тиберий. Сексуальные утехи с прекрасными и развратными римлянками. Хочешь побывать в роли Калигулы? А в роли тех, кто приводил в исполнение приказы Нерона? Обратись не откладывая! Надёжные, проверенные агенты…

Легионеры после взятия Карфагена. Войска Тамерлана в Тбилиси. Разграбление Рима норманнами… Ты — в захваченном городе в роли победителя! Доступные города (список, 1600

названий). Изнасилования, поголовное истребление жителей…

Элкис подключил к ретроскопу портативный стабилизатор линии, имеющий выход через спутник на полицию Сестрории. Может быть, соответствующей службе удастся накрыть нелегалов или хотя бы попортить им нервы. Напугать, заставить на время уйти со сцены, залечь на дно… Однако он знал, что за последний год удалось найти и привлечь к ответственности владельцев лишь двух подобных сайтов, а в «Глобале» их тысячи. «Ретродром» же и вовсе казался неуязвимым. Не успевали органы правопорядка должным образом прижать ретродромовцев, как они переползали на другой сервер, где их детище возрождалось в прежнем виде, словно бессмертная птица Феникс.

— *Ну что?* — мысленно позвал Элкис своего напарника. Мыслесвязь позволяла общаться почти мгновенно, экономила время, и все врачи ЭМП были сенситивами класса не ниже второго.

— *Мальчишке конец,* — ответил присевший на корточки возле тела Ранбах, не отрывая взгляда от экрана диагностера. Судя по его тону, сейчас он занимался не человеком, не пострадавшим, а именно телом, в котором едва угадывалась жизнь. — *Организм ещё функционирует, но полное нервное и физическое истощение наступило около восьми часов назад. Парень держится только на концентратах и стимуляторах, которыми его пичкает домашний ИР.*

— *Значит, его агент жив.*

— *Жив, но неизвестно чем занимается сейчас. Этим сосункам, лезущим в прошлое, невдомёк, что их здоровье не сравнить с возможностями организма викингов, которые могли на пирах пьянствовать, обжираться и трахаться по три дня без перерыва…*

— *Я подключусь к ретроскопу и попробую обнаружить агента.*

— *Мало шансов. Но если найдёшь, то можем успеть его спасти.*

Отодвинув в сторону кресло, чтобы не мешать Ранбаху, Элкис уселся в него и развернул к себе монитор. Выходить на связь с нелегалами, которые продолжают «вести» пострадавшего по глубинам веков, — бесполезно. Они просто прервут контакт.

Хотя они могли сделать это уже давно, подумал Элкис. Некоторые деятели, предоставляющие свои услуги новичкам, рвут контакт сразу же, обрекая экскурсанта развлекаться в одиночестве. И ни о каких проверенных агентах, все этапы жизни которых хорошо известны, речь, как правило, не идёт. Случайные люди из прошлого с яркой, необычной или просто занимательной жизнью, которые в своём времени вполне способны в любую минуту отправиться на тот свет — вот кто является агентами

нелегалов. А оказаться в шкуре любовника Клеопатры, которая, как известно, приказывала под утро казнить своего очередного бойфренда — и вовсе участь незавидная… К сожалению, большинство пользователей, забавляющихся с ретроскопом, слишком увлечены собственными фантазиями и рекламой, а историю знают совсем плохо. Нелегалы же сводят свои услуги к выискиванию более-менее значительных личностей (иногда это и вправду достаточно известные люди, вроде того же императора Нерона) и составлению упрощающего алгоритма внутренних переходов. С его помощью клиент может перескакивать через малоинтересные промежутки жизни своего агента, минуя периоды, необходимые тому для сна и так далее. Алгоритм внешних переходов, обеспечивающий возможность перемещения к другим агентам, предоставляется за отдельную плату. Вначале новичка «ведут», потом он работает с полученными формулами самостоятельно, а проводник-нелегал просто исчезает.

Опытные путешественники используют соответствующие поставленным задачам ресурсы «Глобала» лишь для выхода в нужную эпоху, предпочитая выбирать носителя своего сознания лично. Человек из прошлого ничего не чувствует, продолжая спокойно жить своей жизнью; о клиенте он ничего не знает. Но клиент, присосавшись к его сознанию и сенсорике тела, чувствует всё, что чувствует агент: видит окружающий мир его глазами и переживает все его приключения вместе с ним. Хорошо составленный алгоритм внутренних переходов гарантирует, что такая жизнь, взятая взаймы, будет состоять из самых интересных и острых моментов. Накапливая опыт, пользователь начинает распознавать и избегать людей, которых ждёт скорая смерть или разного рода неприятности; усваивает тактику повтора, с помощью которой можно многократно пережить понравившийся эпизод; учится переходить от одного агента к другому, если заметил рядом потенциального носителя поинтереснее… Фактически — свободно кочует из сознания в сознание. «Иммунитет ретро» крепнет, угроза синхронной смерти вместе с агентом слабеет, и впоследствии человек может, при желании, побывать в роли палача, а затем и его жертвы, без всяких вредных для себя последствий. Видимых…

Парень, которым сейчас занимался Ранбах, подсоединивший к нему медицинскую аппаратуру, к разряду опытных не относился. Иначе и не оказался бы в подобном положении.

Элкис подключился к ретроскопу. Экран монитора и сама комната поплыли в тумане и как бы раздвинулись в стороны, открыв сознанию развёрнутую копию страницы сайта. Текст, сойдя с экрана, висел в пространстве, вокруг мелькали кадры

нескольких рекламных клипов в режиме просмотра. Давление на психику оказалось настолько мощным, что врач поспешно выставил пси-фильтры на максимум. Следовало бы помнить, что нелегалы не признают рекламных ограничений, предусмотренных СБИС[6]… Пси-натиск ослаб, и Элкис изолированной частью своего сознания услышал, как Ранбах читает протокол, предназначенный для информатория ЭМП: *«…состояние пациента крайне тяжёлое. Мозговые имплантаты, кроме стандартных, отсутствуют… Двадцать три часа сорок одна минута по часовому поясу столичного округа. Врач Элкис готовится к гипервременному переходу в эпоху предполагаемого пребывания пострадавшего…»*

Сосредоточившись, Элкис принялся разбираться в содержимом рекламы. Очевидно, парень долго выбирал эпоху, а найдя то, что хотел, так увлёкся, что ушёл в прошлое, позабыв закрыть поисковики. Куда он отправился? Ах, вот же…

Элкис дал старт, и его сознание полетело по открывшемуся каналу. Темнота со сверкающими звёздами, несущимися навстречу… Сполохи северного сияния! Водовороты спиральных галактик! Вязкая вата туманностей!.. Пустота, пронизывающая насквозь всё его существо, потом спад, полёт замедляется… Остановка. Дальняя временная зона.

Как он и подозревал, на выходе не было никаких признаков присутствия рядом проводника-нелегала. Зато агента пострадавшего паренька Элкис обнаружил почти сразу. Даже контролируй мальчишка себя, врачу он никак не смог бы помешать — уровень не тот. Элкис аккуратно прощупал внутренний мир человека из далёкого прошлого. Агент был что надо — обладатель целого букета сладостных пороков, с расшатанной безалаберной греховной жизнью психикой. К такому индивиду можно подселить хоть сотню чужих сознаний — он их с радостью примет.

Элкис собрался, сгруппировав собственную личность… Провалился в тёмную яму, на секунду позабыв всё, для чего здесь находился, и…

И ощутил себя идущим по коридору.

Точнее — шёл его агент-носитель. Тело облегала богато расшитая одежда. На голове — чалма. На Элкиса накатили волны спокойствия, довольства, чувства собственной значительности и только что пережитого сексуального удовлетворения. Ненадолго поддавшись этим ощущениям, врач привычно взял эмоции под контроль и постарался сосредоточиться. Получалось плохо. Грузное тело, небольшая отдышка… Мозг дурманили лёгкие галлюцинации. Похоже, агент только что принял хорошую дозу

опиума. Этого ещё не хватало!

Махараджа Бхуришрава прошёл через широкий двор своего дворца, мощёный мраморными плитами и, отмахнувшись от поспешившего к нему слуги, не торопясь направился в свои покои. Первый день после свадьбы его сына; первый день после завершения длительных церемоний, растянувшихся почти на неделю, и отъезда многочисленных гостей… Он хотел просто отдохнуть. Для дел вполне подойдёт и завтрашнее утро…

Элкис лихорадочно пытался отстроиться от благостной расслабленности, переполнявшей существо индийского раджи, и обрывков его бессвязных мыслей. Одна из трудностей ретроскопии состоит в невозможности установления прочного телепатического контакта между агентом-носителем и клиентом при одновременных сильных мыслепомехах. Клиент не способен глубоко проникнуть в сферу сознания агента из-за слишком большой разницы в способах конструирования пси-образов по одним и тем же предметам у людей разных эпох; в то же время чужое подсознание создаёт мощный шумовой фон, чертовски мешающий клиенту связно мыслить, особенно на первых порах. Ну ничего…

Махараджа Бхуришрава пересёк двор и двинулся по другому коридору, не менее длинному, чем первый. Элкис старался отыскать хоть какой-то след личности своего пациента в недрах подсознания раджи, на всякий случай запоминая план помещений дворца. Неизвестно, сколько придётся бродить здесь, а на составление алгоритма переходов потребуется время. Только бы махараджа не лёг спать прямо сейчас!.. А он, судя по всему, именно это и собирался сделать. Идёт явно с женской половины дворца, если Элкис всё правильно понял.

Прошло всего шесть минут по внутреннему времени ретроскопа. Неплохо бы установить поточнее эпоху, в которую он попал. Древняя Индия — это ясно, а какой год? Какой период, хотя бы — до британской колонизации или после? Иногда такие мелочи полезно определить как можно раньше. И ещё Элкису очень хотелось точно назвать наркотик, который принял раджа. Он думал, что опиум, но кто поручится? Врачу просто невозможно знать все времена и все эпохи, из которых приходится вытаскивать своих пациентов. Да и не только же владельцы ретроскопов составляют контингент подопечных ЭМП. Возможно, что высокородного индуса и вовсе отравили неким сладким ядом его собственные любящие и почтительные приближённые.

Следующие несколько секунд прошли в борьбе между индийцем из далёкого прошлого Земли, никаких внутренних

противоречий вовсе не замечавшим, и Элкисом, который всё больше ощущал себя махараджей Бхуришравой. Он был первоклассным сенситивом, но в данный момент как раз в этом заключалась его слабость, поскольку для «настроек на волну» раджи ему даже не требовался синхронизатор — всё происходило само собой. «Именно поэтому среди современных историков так мало сенситивов», — подумал врач, спешно готовя сознание к обратному переходу в своё время. Махараджа точно собирался спать, и слишком высока была вероятность заснуть вместе с ним.

Снова темнота, полёт сквозь звёзды, движущиеся навстречу, и комната в квартире на пятьдесят шестом этаже мегабилдинга в Сестрории. Приходя в себя, Элкис огляделся. Рядом стоял внимательно глядевший на него Ранбах. Никаких следов дворца в Древней Индии и готового к отключке махараджи, в теле которого он только что находился. Вот так это происходит в наше время…

— *Агент собирался заснуть,* — сообщил Элкис Ранбаху, как только обрёл способность к мыслесвязи. — *А я не успел составить алгоритм переходов. Жуткое невезение. Придётся нырять снова, по другому каналу, и ловить момент его пробуждения. Без твоей помощи мне не обойтись.*

— Нет необходимости, — ответил Ранбах вслух, и Элкис невольно вздрогнул. Мыслесвязь используют, в основном, ради экономии времени на передачу информации, и раз уж врач ЭМП начинает разговаривать с напарником на вызове…

— Кризис у парня начался сразу после того, как ты ушёл в прошлое. Я уже вызвал эвакуатор.

— Мой сын умер? — глухо и неожиданно спокойно спросила подошедшая поближе хозяйка квартиры.

— Кризис — это ещё не смерть, госпожа, — ответил Ранбах. — Мы стабилизируем состояние сознания вашего сына с помощью виртуальной ретропрограммы — я только что её активировал. Так мы сможем безопасно разорвать его связь с агентом. А потом снова попытаемся вывести его в наше время, но уже в условиях медцентра.

— А если у вас не выйдет?

— Остаётся ещё Восстановление. Что касается тела, то его мы сохраним без труда, вы же знаете. И большинство жизненно важных функций приведут в норму задолго до начала регенерации личности.

— Но после Восстановления он уже никогда не станет прежним! — сдавленно и тяжело воскликнула женщина. — Он будет похож на моего сына… но не он! Вы это понимаете?..

В комнате повисла долгая тишина, потом Ранбах негромко

сказал:

— Мы это понимаем, как никто другой. Мне очень жаль, госпожа, но ничего большего мы сделать не в силах.

В открытую дверь квартиры вполз медицинский эвакуатор, похожий на большой гроб, самостоятельно передвигающийся на шести многосуставчатых лапах. Сзади шёл санитар с пультом дистанционного управления.

Перед тем, как начать процедуру отключения пациента от ретроскопа, Элкис взглянул в лицо парня. Оно посинело и пошло жёлтыми и синими пятнами. «Синдром ретро» успел нанести мозгу потерпевшего серьёзный ущерб, началась медленная мутация тканей. Что ж, тело его, может, и удастся сохранить, а вот регенерация личности вряд ли окажется возможной. Но Ранбах прав — матери пока говорить об этом не стоит. Она и так узнает правду слишком скоро.

Глава 2

Применение сенсуальных синхронизаторов для учёных-исследователей, кроме ретропсихологов, крайне нежелательно. Я упоминаю об этом в связи с высказываниями некоторых историков, которые утверждают, что синхронизация чувств и эмоций помогает им «проникнуться обстановкой» выбранного исторического периода или даже развивает особое чутьё, помогающее переходить по цепочке агентов-носителей. Я не могу признать подобный подход научным, не признаю и близким к научному… Согласно моему собственному опыту, синхронизаторы ощущений лишь мешают ясному восприятию действительности выбранного исторического периода… Об опасностях, подстерегающих исследователя в случае внезапной болезни или смерти агента-носителя его сознания, не стоит и говорить.

Профессор Оллентайн, руководитель проекта «Ретроскоп — всё прошлое». Статья «Корректный подход» на официальном сайте Академии Времени в Галактической информационной сети «Глобал».

Этим хмурым туманным утром Стейбус Покс добирался до Института сравнительной истории в Дилойме воспользовавшись услугами Транслайна.

Являясь головным отделением Императорской Академии Времени, этот её филиал был ни чем иным, как своеобразным государством в государстве: номинально зависимый от центра, он всегда оставался более-менее суверенным в вопросах внутренней политики, которая, в первую очередь, определяла особую стратегию исследований, остававшуюся неизменной на протяжении последних сорока лет.

Старина Олли, подумал Покс. Непотопляемый флагман ретроскопии. Именно ему мы обязаны…

В вагончике мини-состава, стремительно мчавшегося по монорельсу над кварталами столицы, было до ужаса тесно, однако приходилось терпеть. Новенький икар Стейбуса сегодня остался в своём боксе, как и машины большинства его соседей по вагону. Туман, окутавший столицу и её окрестности, в сочетании с низкой облачностью и мелким дождём, сделал полёты личного авиатранспорта по низким траекториям небезопасными. Все диспетчерские СБД[7] работали под двойной и тройной нагрузкой; все высокие траектории были заняты потоками машин тех, кто не рискнул лететь по низким, но, тем не менее, спешил к месту работы, или просто желал выбраться из зоны ППУ[8] и

насладиться солнцем. И все три вида общественного транспорта — Транслайн, Трансаэро и Трансавто — также оказались перегружены.

Поезд мчался сквозь туман, следуя замысловатым зигзагам монорельса. За окном скользили, однообразно чередуя друг друга, молочные, тёмные и оранжево-чёрные, расцвеченные разноцветными огнями пятна. Стейбус, погрузившись в раздумья, машинально отмечал: молочное пятно — открытый участок дороги — густая пелена, липнущая к окнам… Тёмное пятно с огненными змеями встречных поездов и стремительными голубыми болидами многоместных икаров — туннель. Оранжево-чёрное — тоже туннель, но проходящий сквозь мегабилдинг или объединённый жилой квартал — огни внутреннего транспорта, блики витрин, узоры сигнальных систем пешеходов, переходящих с одной скоростной дорожки на другую…

Покс оглядел попутчиков. У некоторых на головах эластичные обручи пси-трансцессоров, что сразу выдавало в них обычных людей. У других на голове ничего нет, но это не обязательно сенситивы или имплантёры[9] — так ходят и беднейшие служащие без категории, которым приличный трансцессор просто не на что купить. Многие используют только телефонную гарнитуру, иногда дополненную полупрозрачным мини-монитором, частично закрывающим правую сторону лица, а в их обручи встроены обычные компьютеры.

Лет шестьдесят назад, когда самые дешёвые трансцессоры опустились в цене ниже верхнего предела покупательской способности основной части населения, аналитики пророчили полный крах не только всем прочим средствам связи, но заговорили и о грядущем отмирании устной речи как таковой. Однако всё оказалось не так просто, и не только потому, что мыслесвязь требует дисциплины сознания и набора определённых качеств. Просто многие люди ей не доверяют, по крайней мере — вне стен своих квартир. Дома — да, там внешняя нейротехника используется по полной. Что и говорить — художественный фильм, сделанный в формате пси-постановки, когда зритель оказывается одним из героев по своему выбору, это такое удовольствие, которое любой предпочтёт простому просмотру. Информация тоже усваивается во много раз быстрее, так что… Да ещё все стараются использовать вместо обручей шлемы. Понятно — в шлем производители засовывают в десять раз больше начинки. Но на улице или на работе средний обыватель разве что новости просмотрит, а уж в шлеме не ходит никто, хотя он и выглядит вполне эстетично… Разговаривать вслух тоже меньше не стали. А встроенные в мозг нейроимплантаты, аналоги

трансцессоров и синхронизаторов, до сих пор отваживаются ставить очень немногие. Исключение составляют сенситивы. Им бояться нечего, они люди привычные.

Да, разговаривать мы меньше не стали, подумал Стейбус. Мы стали больше бояться своих ближних. Сто лет назад сенситивов с природными способностями было не меньше, чем сейчас, и на них мало кто обращал внимание. Сегодня же, когда люди на практике узнали, что такое двусторонняя пси-трансляция, уже не встретить человека без браслета сканера на руке, позволяющего отличить нормала от сенситива или имплантёра. Нередко в переполненном вагоне Транслайна можно увидеть человека, скучающего в одиночестве на тройном сиденье, со свободными местами по обе стороны от него. Можно быть уверенным — это сенситив, даже на сканер не надо глядеть. И это при том, что уже более полувека действует закон, по которому каждому гражданину Империи защитный экран устанавливают на следующий день после рождения. Да и есть ли разница для сенситива — прощупать человека рядом с собой или стоящего в пяти метрах? Чтобы спрятаться от него, нужно в соседний вагон уйти. А то и вовсе выйти из поезда.

Просто мы боимся. Боимся, что какие-то особо важные наши мысли (особо секретные? особо низменные?) просочатся-таки сквозь этот экран, стопроцентная надёжность которого тысячекратно доказана, проверена, адаптирована против любых, самых сильных сенситивов с любыми имплантатами…

Или… нет? Самому Стейбусу не так давно установили в правое полушарие мозга синхронизатор эмоций, настолько мощный, что даже без взаимодействия с дополнительной нейротехникой он мог демонстрировать своему хозяину эмоциональную сферу других людей в виде цветного пятна вокруг головы и более слабого ореола, окружающего тело. В отдельных случаях Покс мог достаточно точно угадать настроение человека, анализируя спектр оттенков. Ему предлагали вживить и трансцессор тоже, но эту штуку, завязанную на левое — логическое — полушарие и делающую обычного человека способным к прямой мыслесвязи, Стейбус ставить не решился, продолжая по необходимости пользоваться обычным трансцессором. Но и его включал лишь в крайних случаях.

Он взглянул на своего ближайшего соседа по вагону. Тот стоял, держась за потолочный поручень, и экран сканера на его браслете был хорошо виден. На нём не высвечивалось указание, что рядом с его владельцем стоит имплантёр, то есть Покс.

Стейбус внутренне улыбнулся. Если бы люди знали, сколь ненадёжна гарантия изготовителей браслетов, стремящихся

удовлетворить бешеный спрос, они не доверяли бы так безгранично своим неизменным талисманам. Даже сенситив второго класса более чуток на мозговые имплантаты, чем эти побрякушки. Не последнюю роль играло и то, что фирма, изготовившая «продукт», поселившийся чёрным арбузным зёрнышком в голове Стейбуса, не значилась в списках легально существующих и заботилась об анонимности своих клиентов так же хорошо, как и о собственной безопасности.

Сканеры сканерами, а личные экраны, прикрывающие мыслительные процессы левого полушария и блокирующие посторонние вторжения в эмоциональную сферу правого, всё-таки надёжны, думал Стейбус. Правительственная разработка, а не частная, что говорит само за себя. Именно поэтому я и вижу чужие ауры в таком непрезентабельном виде. Если взломать защиту экрана, то синхронизатор эмоций высветит ауру во всех подробностях, что уже будет почти равно чтению мыслей… если не лучше. Не так уж трудно догадаться по чувствам, о чём думает отдельно взятый индивид. Опытный сенситив вообще всегда предпочитает работать именно с эмоциями. Нонсенс, но они более информативны, чем чёткие, но вторичные по отношению к сознанию в целом мыслеобразы левого, рассудочного полушария. Хороший шанс узнать о постороннем человеке больше, чем он сам знает о себе, забраться в самые потаённые комнаты подсознательного…

Внушить любые желания.

Заложить мины пси-программ, обязательных для выполнения, вплоть до самоубийства наиболее мучительным способом.

Вот поэтому и необходимы экраны…

«Мы живём в эру теснейшего общения». Фраза из какого-то рекламного ролика. Какая там эра общения… Никогда ещё люди не были так одиноки. Закончив работу, каждый спешит уединиться в своей берлоге и включить продолжение любимой пси-постановки. Или…

Или погрузиться в мир ретроскопа.

Стейбус глубоко вздохнул, отгоняя захватившие его не очень связные образы, и опять улыбнулся про себя, на этот раз — с оттенком горечи. Ну какая, к чёрту, прямая мыслесвязь при такой культуре мышления? Точнее — при полном её отсутствии? Да тут никакой дисциплинатор[10] не поможет. Лучше брать пример со своего друга и соседа Кену. Он бы ни за что не потерпел подобного бардака в своей голове.

Стейбус вспомнил первый урок по теории трансцессии в школе. Всем детям, и ему в том числе, учитель предложил снять обручи трансцессоров, заглушить имплантаты (у кого они были),

выйти в другую комнату и при помощи тестовой аппаратуры создать мыслеобраз, предложенный инструктором. Позже им дали просмотреть результаты, и они узнали, что образ всем предложили один и тот же — «дерево». А вот результаты поражали разнообразием, и весь класс просто покатывался со смеху. На картинках было что угодно — от действительно деревьев любых пород, до струганых и неструганных досок, сучковатых палок, генеалогических деревьев, и даже одного мальчика, которого его сосед по парте считал тупым как дерево. Большинство же картинок вообще изображали полную чушь.

«Вы думали, что представив себе дерево, обязательно создадите и сможете передать его изображение, — сказал учитель, — но это справедливо только по отношению к тем из вас, кто обладает врождённой дисциплиной мысли. У остальных подсознание чаще всего отбрасывает придуманную красивую картинку и выводит на первый план привычную, значимую ассоциацию. И лишь трансцессор, обработав её, может перевести даже нечитаемый образ в понятный всем символ. Только на этом уровне для обычных людей и возможна нормальная мыслесвязь. — Учитель нажал кнопку на пульте, и все картинки, как по волшебству, превратились в деревья, включая те из них, где вначале ничего не было понятно. Нерасшифрованными остались лишь две. — Вот так, видите? Мы все слишком разные, и по-разному ощущаем окружающий мир, — продолжал он. — Только опытнейшие сенситивы могут общаться между собой без помощи трансцессоров, но в таком случае и у них иногда возможно непонимание, словно у людей, говорящих на разных языках. Остальным для полноценной мыслесвязи или просмотра пси-постановок необходимы трансцессоры — эти универсальные переводчики мыслеобразов».

Единственная область, где традиционная трансцессия помогает очень слабо — это ретроскопия, подумал Стейбус. Если уж своих современников сложно понимать, то что говорить о людях прошлого? А программы-оптимизаторы всех проблем не решают.

Он взглянул в окно. Поезд прервал череду бесконечных поворотов и пошёл по дуге над пригородом, набирая скорость. Мелькание разноцветных пятен внутренностей мегабилдингов и объединённых кварталов стало реже, прервалось совсем. Теперь снаружи потянулась сплошная серо-белая полоса тумана — открытая местность за городской чертой столицы… Сто сорок километров до города-спутника Дилойме. Узловая станция. Покс вышел из вагона, но пересаживаться не стал. Не из опасения нового этапа толкучки в новом вагоне — линии Дилойме никогда

не бывают перегружены — ему просто захотелось пройти пешком, хотя путь от главного узла Транслайна до института и занимал около часа. Но, опасаясь задержек в пути из-за ППУ, Покс вышел из дому, имея хороший запас времени. Вначале он думал, что вообще не удастся втиснуться в Транслайн, и придётся ждать очереди на общественной аэролинии.

«Давным-давно пора переселиться сюда, — думал Стейбус. — Новый город, построен с размахом, в расчёте на стократное увеличение населения. Все системы проектировались с хорошим запасом ресурса, и ещё резерв… Впрочем, все новые города таковы. Так что же меня держит в столице?»

Работа здесь, почти все коллеги и друзья — здесь. Город нравится: очень уютно, случаев аномальных ППУ значительно меньше, и они слабее. Вот и сейчас — туман реже, чем в Сестрории. Низкая облачность, но так сейчас над половиной континента.

Он невольно поёжился от непривычной утренней прохлады. «Ни за что не подумал бы сегодня, что живу в тропиках… На широте столицы температура ни разу не опускалась ниже плюс пятнадцати за последние сто лет. А сейчас, наверное, градусов десять».

Стейбус неторопливо брёл по стационарной пешеходной дорожке, в просторечии именуемой «стоячей». Похоже, выйдя из дому как никогда рано, он ухитрится опоздать на работу. Неважно… Пять процентов сотрудников института сегодня задержатся из-за проблем с транспортом, ещё двадцать или тридцать пришлют медицинское уведомление. Из оставшихся более половины будут двигаться как с глубокого похмелья, и так же хорошо соображать. Аномальные ППУ и сами по себе достаточно неприятная вещь, но на коренных жителей Алитеи действуют просто губительно.

Всё из-за того, что у нас тысячелетиями держался ровный, благоприятный климат — без всплесков, подумал Стейбус.

Приезжие, особенно провинциалы с планет Гойи, чувствуют себя нормально. Настоящими алитейцами, нежными и чувствительными к погодным колебаниям, они становятся лишь в третьем или четвёртом поколении. Участившиеся в последние сорок лет ППУ-аномалии привели к тому, что теперь на Алитее и полицейские подразделения, и армейские на семьдесят – восемьдесят процентов состоят из жителей планет-провинций. И всё больше провинциалов выдвигается на ответственные государственные посты. Предпочтение, оказываемое приезжим, понятно. Никому не нужно, чтобы мэр города или лорд-наместник был недееспособен восемь – десять раз в году по три –

четыре дня кряду, а то и дольше. Ходят упорные слухи о грядущем законопроекте, который предоставит права гражданства представителям иных рас, и всё по той же причине. Если это произойдёт, то на некоторых планетах Империи, особенно в провинциях, люди окажутся в меньшинстве по отношению к негуманам и гуманоидам. К счастью, Алитее подобная участь пока не грозит…

Покс посмотрел налево, через бордюр, отделяющий стационарную дорожку, по которой он шёл, от мобильных. Рядом ползли транспортёры медленной полосы пешеходной зоны, дальше бежали ленты быстрой. Тут и там ехали люди, некоторые из них — с нездоровыми, измученными лицами. Первый признак, по которому можно с первого взгляда узнать коренного алитейца в период ППУ-аномалий. Сам Стейбус чувствовал себя прекрасно, несмотря на то, что принадлежал к переселенцам аж в седьмом поколении. Редкое исключение из правил. Впрочем, и среди истинных алитейцев, чьи предки жили здесь тысячи лет, встречаются исключения. Их около десяти процентов. И ещё сорок относятся к числу относительно подверженных.

Свернув на дорожку, ведущую к Центральному городскому парку, Стейбус ещё раз пропел про себя гимн Дилойме. Как просторно во всей пешеходной зоне! В столице в этот час забиты и «стоячие» тротуары, и транспортёры всех скоростей. Частные икары и машины Трансаэро заполняют воздушные трассы даже и сегодня… Сегодня будет множество аварий.

Нет, надо бросать сумасшедший мегаполис и перебираться в Дилойме. Здесь новейшая система управления и регулирования. Никаких объединённых кварталов — только отдельно стоящие здания. Теоретически, благодаря возможности экстренной концентрации ресурсов, здесь не может случиться перегрузки транспортных линий, даже если все жители вздумают двигаться в одном и том же направлении или разом покинуть город. А древнюю столицу Алитеи как ни модернизируй, всё равно она останется беспорядочным железокаменным муравейником периода Нового Расцвета.

До здания института, возвышающегося прямо за парком, осталось совсем немного, и Стейбус невольно прибавил шагу. Нехорошо всё-таки опаздывать на работу, выйдя за час раньше против обычного. Поэтому как следует насладиться красотами главного сквера Дилойме он не успел. Ничего, такая возможность представится по пути домой.

Обычную проверку на контрольно-пропускном блоке Стейбус прошёл за тридцать секунд до условного начала рабочего дня (присутствие сотрудника в учреждении). Сканирование сетчатки,

соответствие формы черепа и так далее — всего десять параметров.

— Что ж, доктор Покс, теперь я уверен, что это действительно вы, — криво улыбнулся охранник. Он был коренным алитейцем и чувствовал себя неважно.

Стейбус улыбнулся в ответ и прошёл к скоростному лифту. Весь коллектив считал нужным время от времени отпускать язвительные замечания по поводу принимаемых мер предосторожности. Но ретроскопы класса «X», установленные в Институте сравнительной истории, до сих пор относились к приборам, разработанным в рамках секретных проектов, и доступ к ним регулировался жёстко. Пережиток — следующий созыв Сената наверняка снимет печать запрета с XR-технологий. Ведь официально разрешённые ретроскопы класса «Y» есть уже почти в каждом доме, а усовершенствованный умельцами чёрного рынка «Y» почти ничем не отличается от «X», разве что количеством разнообразной сбруи, которую приходится на себя цеплять тем, у кого нет имплантатов. Стейбус мог бы за это поручиться. Ведь подпольный «игрек» стоял у него дома.

Он вошёл в свой персональный отсек и опустился в рабочее кресло буквально за долю секунды до того, как из динамика раздался голос главного ИРа института по имени Пантеон или, попросту, Тео: «Вниманию всех сотрудников! Реальное начало рабочего дня. Просьба лично подтвердить присутствие на рабочем месте… Приветствую вас, доктор Покс».

— Привет, Тео, — отозвался Стейбус, включая и выключая для проверки трансцессор.

Одновременно он подсоединил к обручу системный кабель аппарата внешней поддержки и послал уведомление о своём присутствии контролёру штата учреждения. В ответ пришёл сигнал блокировки средств частной коммуникации. С этого момента и телефонные звонки, и мыслесвязь стали возможны только в пределах стен института, и то не напрямую, а через центральный коммутатор. Впрочем, звонить тут некому и незачем, поскольку для деловых переговоров все используют служебные каналы, а трансцессоры временщики в рабочее время принципиально не включают. Нет таких дураков. И так вся жизнь у начальства на виду, так ещё и… Хорошо хоть на время работы с ретроскопом ячейка экранируется — тогда даже Тео ничего не видит.

Стейбус поднял руку, коснувшись пальцами правого виска. Со стороны жест казался вполне естественным, словно он хотел таким образом помочь себе сосредоточиться, но на самом деле лёгкое нажатие в височную впадину, продублированное

мысленным приказом, включало синхронизатор эмоций.

— С добрым утром, доктор! — жизнерадостно поздоровался с Поксом из соседнего отсека ячейки Скай Вамис. — Вы что-то припозднились сегодня?

— Замечания боссу делать невежливо и небезопасно! — беззлобно парировал Стейбус. — Лия в этом смысле поумнее тебя — она всё больше молчит.

Визуализацию своих ассистентов Стейбус у Пантеона никогда не запрашивал, предпочитая в перерывах общаться лично, но сейчас очень живо представил обоих. Скай нетерпеливо ёрзает в своём кресле, рот до ушей: предвкушает очередную вылазку в неизвестную область прошлого. И Лия — молоденькая красавица с умными испуганными глазами. У неё вечно такой вид, словно она каждую минуту боится сделать что-то не так. Обманчивое впечатление. На деле ничего подобного не происходит, а по ориентированию в нестандартных ситуациях у неё показатель повыше, чем у Ская, из которого самоуверенность хлещет, словно струя из водостока во время ливня. Но оба — настоящие трудоголики.

— Лия, ты здесь? — позвал Стейбус.

— Конечно!.. — испуганно и удивлённо отозвалась она. — Разве мой индикатор у вас на панели не горит? Возможно, он неисправен.

— Горит, я просто хотел услышать твой голос.

— Ты ужасный ощущенец, Стейбус, — приятным баском сказал аналитик ячейки Рид Кастл. — Тебе надо либо увидеть, либо услышать, либо потрогать.

— Вот тебя я не хочу ни слышать, ни, тем более, трогать, — в тон ему откликнулся Покс. — Как говорили наши предки-земляне: «Не трогай лихо, пока спит тихо». Вольный перевод известного ранее выражения, которое очень точно характеризует…

— Но-но! Полегче, доктор! — возмутился Рид, но тут же заинтересовался: — Где ты это откопал?

— Россия, девятнадцатый век. Побывал на частном сеансе во время выходных. Источник выражения — крепостной крестьянин из Воронежской губернии… Использовал его в качестве агента в течение шести с половиной часов реального времени.

— Ого! — изумился Кастл.

— Тема заинтересовала, — пояснил Покс. — Потом хотел пройти по цепочке вверх, до декабристов, но не вышло. Год начала продвижения подходящий — тысяча восемьсот девятнадцатый. Или я ошибаюсь?

— Не знаю, я царской Россией вообще не интересовался. Но,

по-моему, девятнадцатый год — далековато, если интересует само восстание, а если предыстория… А что тебя понесло туда? Ты же фанатик Тёмного периода.

— Я и хотел выскочить как можно ближе к Тёмному, но меня отбросило. Сбило до девятнадцатого века, и я застрял — стало интересно.

— И ты ещё работал после такой регрессии? Силён… У тебя какой ретроскоп?

— Обычный. «Игрек шесть-два-ноль».

— Рассказывай сказки. Поди «Супер» подпольной сборки.

— Ничего подобного, — хладнокровно соврал Стейбус. — И вообще — чего привязался? Начинаем работу. Все готовы?

— Всегда к вашим услугам! — воскликнул Скай.

— Готовность аппаратуры — две минуты, — сообщила Лия.

В её голосе Стейбусу послышалась усталость. Не та, которая является наградой за умеренный добросовестный труд, но хроническое утомление, накопленное служащей третьего класса. Десятичасовой рабочий день и один выходной в неделю. Сам Стейбус позавчера отдыхал, а Лия — работала. И Скай. И даже красавчик Рид. Они все — третьяшки. Готовили платформу для нового исследования по сегодняшней теме.

Стейбус спохватился, что даже не спросил, какая будет тема. Что там ещё придумал Ведьмак, то бишь господин ведущий исследователь Макферсон? Впрочем, сейчас Скай даст вводные.

— Скандинавия, десятый век, — сказал Скай. — Макферсон заинтересовался экспансией викингов.

— Чёрт бы его взял, — сквозь зубы ответил Стейбус, но тут же спохватился: — Ячейка уже экранирована?

— Да, шеф! — жизнерадостно ответил Скай. — Ведьмак вас не услышал.

Лен Макферсон был начальником отдела; имел под командованием восемь ячеек и прыгал с одной темы на другую с резвостью блохи на раскалённой сковородке.

— Я ничего не имею против, чтоб он услышал, — усмехнулся Стейбус. — Но всегда предпочту сказать ему лично, что о нём думаю.

— Джентльменский набор изменён, — сообщила Лия. — Оптимизатор[11] «Нордик-8». Плюс адаптированный комплект лингвистиков[12], серия шестьсот четыре, номер…

— Откуда восьмой? — перебил Покс. — Я о нём не слышал. И чем плох был седьмой «Нордик»?

— Не следите за институтскими новостями, доктор, — ответил Скай. — Восьмая версия вышла на прошлой неделе. Платформочку мы вам подготовили чудесную, но она не

проверена, и агента вам придётся выбирать на ходу. Когда нам, наконец, разрешат самостоятельные вхождения в новые зоны?

— Тебе — когда рак на горе свистнет, — ответил Стейбус. — Остальным — несколько скорее, я надеюсь.

— Но дома я на своём ретроскопе постоянно делаю это!

— Дома — хоть на ушах стой, а здесь…

— Внимание, доктор Покс, — прервала его Лия. — Канал готов. Подключение — старт — тридцать секунд. Сохранение копии личности в информационном банке института. Соединение с «Кроносом»… Повторное сохранение… Готово!

Устал от скучной и серой жизни? Обратись к нам! — рванулась в мозг Стейбуса вездесущая реклама «Ретродрома». — *Хочешь побывать на месте турецкого султана? Обращайся прямо сейчас! Через пару минут в твоём распоряжении будет гарем в триста наложниц! Самые прекрасные и обольстительные женщины!*

Ничего не поделать — Институт сравнительной истории имеет прямой выход на «Глобал», где на сервере Академии Времени в обязательном порядке сохраняются последние, свежие копии личностей исследователей на случай потери аналогичных данных института. Нелегалы периодически ломают внешний слой защиты официального «Кроноса», регистрирующего любые новые вхождения в прошлое, а просмотр пси-рекламы подпольного «Ретродрома» является расплатой за вживлённый в мозг синхронизатор. Глава института, профессор Оллентайн, ужаснулся бы, узнав о секрете Стейбуса. Жаль старика — серьёзный учёный, но желает вести исследования по старинке. Так можно совсем отстать от жизни.

Султаны знали толк в любви. Они в совершенстве владели методикой задержки эякуляции. Ты не поверишь на слово — но они имели до сорока девушек за одну ночь! Мы предлагаем проверить! Вернувшись в реальность, ты не сможешь отличить свои переживания от настоящих!

Пси-поток прервался внезапно, и сознание Стейбуса понеслось в глубину прошлого по открывшемуся каналу. Знакомые сверкающие звёзды, похожие и не похожие на настоящие звёзды космоса; ощущение лёгкости — дальняя временная зона…

В первую секунду на выходе он растерялся. Вокруг клубилась неистовым ураганом ярость, ярость!!! Боль, жажда убийства, злорадство и веселье! Довольные снисходительные возгласы. Ободряющие азартные крики!

Ну и платформу ему подготовили… Но ребят винить трудно — они работают вслепую.

Или возвращаться в своё время, или немедленно искать агента наугад — но любым способом спастись от многоголосого мысленного рёва невидимой злой толпы, желающей порвать его на части, на части, на части!..

В такие вот моменты и начинаешь отчасти признавать правоту старика Оллентайна относительно синхронизаторов.

Не было времени прощупывать чужие сознания — шквал эмоций был слишком силён. А пси-фон потенциальных агентов почти одинаков — словно бурлящие озёра магмы. Стейбус нырнул в первое попавшееся, и…

И едва успел увернуться. Меч со смертельным ледяным свистом прошёл над головой, тут же возвратился, но теперь Стейбус (человек из прошлого?) успел подставить под удар щит.

Прямо перед собой он увидел оскаленную пасть в обрамлении всклокоченной бороды, бешеные глаза и крупные капли пота на лбу своего противника. Удар! Удар! Щит гудел от принимаемых им тяжких ударов; правая рука Стейбуса (его агента?) начинала неметь.

Удар! Стейбус парировал последний выпад и сделал ответный.

— Ка-нут! Ка-нут! — орали вокруг. — О-дин!.. Один, молодец! Ты победишь! Ты победишь!

— Э-э-эх!!! — Бородач напротив нанёс ещё один удар. Стейбус увернулся, отчаянно защищая своё (агента) тело от рассекающего воздух железа и своё сознание — от натиска чужих эмоций. И вдруг уловил то, что помогло ему отстроиться от происходящего — тяжёлый запах давно не мытого тела, разгорячённого боем. Проще сказать — отвратительную вонь.

Стейбус не смог бы определить, от кого она исходила — от бородача или от его агента, но сам факт, что он почувствовал омерзение, помог ему сосредоточиться. Воняло, скорей всего, от обоих, но это уже собственная мысль Стейбуса. Для бойцов из прошлого это был привычный, вполне естественный аромат.

Вокруг случайно пойманной спасительной мысли он и начал собирать свою личность, осознавая окружающее всё более детально. Он снова становился доктором исторических наук Стейбусом Поксом — исследователем, работающим по теме «Древняя Скандинавия». И в то же время оставался одним из двух яростных бойцов — то ли Канутом, то ли Одином.

— Э-э-эх!.. — Шагнув назад, Стейбус отразил удар бородатого. — Э-ххх!!! — Вместе с выкриком из оскаленной пасти противника вылетели крупные капли слюны, и Покс мысленно скривился от отвращения.

— О-дин! О-дин! — орала толпа. — Покажи ему, Один!

— Ка-нут!..

Уворачиваясь от ударов, Стейбус всё более вникал в происходящее, усваивая мыслеобразы своего агента.

Поединок. Без доспехов и шлемов — до смерти. Неизвестно, по какому поводу, но дерутся Один — лучший воин в дружине, и Канут — тоже неслабый боец, но до Одина куда ему…

Агент Стейбуса был слишком занят боем, чтобы можно было вытянуть из него личностную ассоциацию и разобраться, кто есть кто.

— Один! Давай! Убей его!

— Сдавайся, Канут! Ты обречён! Ты обречён!

— Ничего не обречён! Нажми, Канут!

Худшую ситуацию для исследователя с синхронизатором эмоций трудно представить.

Симпатии толпы были явно на стороне Одина, хотя возгласами поддерживали попеременно обоих. Стейбус поверхностно просканировал пси-фон зрителей — всё-таки наличие имплантата давало ему некоторое преимущество, ведь у людей из прошлого никаких экранов нет. Ни у кого из присутствующих не было сомнений, что победит Один. Канута здесь не уважают и не любят, хотя многие побаиваются. И никто не считает, что у него есть хоть один шанс на победу.

«Если я — Канут, мне крупно не повезло, — подумал Стейбус. — Умереть мне ребята не дадут, но после Восстановления я буду совсем не тот».

Рёв в толпе нарастал. Стейбус и его противник двигались по кругу. Их мечи кромсали воздух с такой скоростью, что казалось — пространство между бойцами вот-вот развалится на части.

Не в силах сосредоточиться и попытаться уйти по цепочке в сознание другого человека или активировать канал возврата в своё время, Покс впервые пожалел, что, согласно основному закону ретроскопии, воздействие на сознание агента принципиально невозможно. Это гарантировало исследователя от неправильных шагов и, как следствие, изменения прошлого, но сейчас могло стоить Стейбусу жизни. То есть, той, к которой он привык. При Восстановлении некоторые фрагменты личности неизбежно теряются, а насколько важным окажется утерянное — бог весть…

Ах, как бы он сейчас помог Кануту! Покс уже не сомневался, что он именно Канут — слишком уж уверенно действовал другой викинг, слишком большой перевес над ним имел и всё время наступал. Лучший боец в дружине… Канут явно нуждался в помощи, а Стейбус в свободное время увлекался классическим фехтованием — не то же самое, что бой на мечах, но сейчас

именно резкая смена стиля могла помочь одному из поединщиков победить. Один раз — только один раз достать вонючего здоровяка напротив длинным, на одну треть заточенным мечом! Стейбус и сам не замечал, как всё больше и больше отождествлял себя со своим агентом, теряя только что обретённую пси-независимость.

— Нидинг! — заорал бородатый, не прерывая серии рубящих ударов. — Низкий трус! Хватит бегать от меня! Остановись и сражайся!

Стейбус почувствовал, как мозг затопляет неудержимый поток слепой ярости. То ли это была реакция викинга на оскорбление, то ли его личный ответ на угрозу психической смерти в чужом теле. Он не просто остановился — начал стремительно наступать, окончательно позабыв, кто он такой и где находится. Всё ещё не имея никакого понятия, за что его агент хотел убить потного бородача, Стейбус вдруг почувствовал с ним полную солидарность. Постоянно отступая и экономя силы во время первого этапа поединка, его агент чувствовал теперь не усталость, а невероятный душевный и физический подъём. Викинг по-прежнему предпочитал не наносить удары, а парировать чужие, а то и вовсе уходить от них, ловко уклоняясь в стороны; но теперь он перестал отступать и кружил вокруг бородача, без конца тревожа его многочисленными ложными выпадами.

— О-дин, О-дин!.. — сканировала толпа вокруг. — Ка-нут!

— Чтоб тебя взял Локи! — заорал бородатый, когда чужой меч слегка задел его живот, проведя по обнажённому торсу кровавую черту. Он широко размахнулся и шагнул вперёд, намереваясь одним мощным ударом покончить с открывшимся противником, но Стейбус в очередной раз уклонился в сторону и неожиданно ударил концом меча в красное от натуги лицо врага.

И — раз! И — ещё раз!

Викинг зашатался. Всклокоченная борода дёрнулась вверх.

И ещё раз!!!

Меч Стейбуса вонзился в толстую шею, завершая простой прямой выпад, и бородатый захлебнулся собственной кровью.

И ещё!..

Меч со свистом описал широкий полукруг, начисто снеся бородачу верхнюю часть головы. Безжизненное тело секунду стояло на месте, потом рухнуло к ногам Стейбуса кучей мёртвого мяса.

— О-о-о-о!.. — орали зрители. — О-о-о-дин!

Победитель обвёл торжествующим взглядом бесновавшуюся толпу. Знакомые лица… Его друзья, его соратники. Оскаленные,

бородатые — кое у кого на голове шлемы, остальные простоволосы. Коренастые крепкие тела, закованные в панцири и кольчуги, но большинство в шерстяных или кожаных рубахах. Однако вооружены все. Сколько походов — и всегда вместе. Сколько удачных набегов на низкие земли…

Кольцо зрителей разомкнулось, и викинг двинулся по короткому людскому коридору навстречу человеку, восседавшему на груде кожаных тюков, словно на троне. Он наблюдал за боем поверх голов своих воинов, и теперь одобрительно похлопывал ладонью по колену.

— О-дин! О-дин!.. — Возгласы дружинников становились всё более ритмичны; воины ударяли в щиты, без конца сканируя имя победителя. — О-дин! О-дин! О-дин!

Стейбус, приходя в себя, подумал, что он ошибся. Он находился вовсе не в сознании Канута. Канут убит — как и следовало ожидать. А победил, конечно, Один — лучший поединщик в дружине ярла Харальда. Измотал противника, заставил поверить в свою слабость, что привело того к потере осторожности. И победил.

Один остановился перед грудой тюков с добычей, без всякого смущения взглянув в глаза вождю.

— Она моя, великий ярл? — спросил он, кивнув в сторону. Только тут Стейбус заметил стоявшую рядом с тюками красивую черноволосую девушку с понуро опущенной головой. — Так она моя?

Харальд смотрел на Одина не без гордости. Да, этот боец один стоил целого отряда. Что и говорить — если бы при дележе добычи и пленников дело не дошло до ссоры, он отдал бы эту рабыню Одину и так. Ярл никогда не забывал проявлять разумную щедрость по отношению к достойным. Но если уж представился случай навсегда избавиться от склонного к бунту смутьяна Канута — разве можно было упустить такую возможность?

— Не уступишь её потом мне, а, Один? — весело крикнул стоявший неподалёку рослый рыжеволосый парень, кивнув на девушку. — Послезавтра — или когда там насытишься? Какая красотка!

— Молчи, дуралей, — ответил ему крепкий коренастый воин средних лет, стоявший рядом. — Ты слишком молод, и ничего не понимаешь. После того, как Один с нею всласть поразвлечётся, она уже не будет никуда годиться.

Дружина разразилась хохотом — очевидно, все здесь хорошо знали и сексуальные предпочтения Одина, и его манеру обращения с пленницами. Стейбус, уже пришедший в себя и

успевший прощупать внутренний мир своего агента, мог бы подтвердить правоту коренастого викинга. Пора уходить из сознания этого извращенца. Иногда неплохо заняться сексом прямо на «рабочем месте» — в этом и состоит одно из преимуществ профессии ретроскописта — но только не в такой форме. По мнению Стейбуса, его агент был настоящим маньяком с садистскими наклонностями. Лучше повнимательней присмотреться к Харальду…

— Так она моя, великий ярл? — повторил свой вопрос Один.

— Ну конечно, она твоя, — милостиво повёл рукой вождь. — Боги свидетели — поединок был честен.

— И мы свидетельствуем! — заревели голоса в толпе. — Честен, честен!..

Стейбус, не отвлекаясь на происходящее, готовил алгоритм перехода, пользуясь общностью эмоций, которые в этот момент испытывали все присутствующие. Выбирай любого… Но его интересовал только ярл. Он скользнул бесплотной невидимой птицей в сознание Харальда за миг до того, как Один отвернулся от вождя и пошёл прочь. Он даже не взглянул в сторону девушки, которую только что выиграл в качестве приза, но Стейбус, уходя из внутреннего мира викинга, ещё успел почувствовать охватившее того бешеное возбуждение. Теперь он смотрел (уже глазами Харальда), как Один, подойдя к большой кадке, услужливо поднесённой одетым в лохмотья траллсом[13], положил рядом с ней окровавленный меч и стал умываться. Конечно, он не тронет девушку теперь же — гордость не позволит. Сначала — разнузданный пир и безудержное пьянство с соратниками, а уж потом, хорошенько разогревшись, можно приступить к любовным утехам. В Древней Скандинавии доктор Покс уже бывал, и достаточно хорошо знал обычаи.

Очутившись в менее возбуждённом сознании вождя, Стейбус наконец смог охватить всю картину. Действие, косвенным участником которого он только что стал, разворачивалось на широкой бревенчатой пристани, где была грудой свалена добыча, привезённая из удачного набега на Волланд[14]. Пленницы — а их было немало — оттуда же. Дурачина Канут позарился на ту, что по закону дележа и волей ярла доставалась Одину; предложил бросить жребий сразу по прибытии на берег; не удовлетворился результатом, который опять оказался в пользу Одина, и вызвал того на поединок. Стейбус подозревал, что дело не только в пленнице, но и в неприязни, которую Канут испытывал к товарищу по оружию. И вот результат — он поплатился головой, а девушка досталась тому, кому она первоначально и предназначалась. Как сказали бы местные жители — не стоило

старине Кануту так долго испытывать терпение Богов. Закон дележа священен. Даже ярл не посягает на него, хотя мог бы попросту приказать оставить красавицу для самого себя.

Харальд легко спрыгнул с груды тюков, затянутых в тюленью кожу для предохранения от морской воды, и не спеша пошёл от пристани вверх по холму — по дороге, ведущей к укреплённому городищу. Туда же потянулись воины и вереница траллсов, нагруженных плодами грабежа, учинённого ярлом и его дружиной на побережье Волланда.

Когда Харальд оглянулся, Стейбус насчитал у пристани пять больших драккаров[15]. Серьёзная команда у местного конунга — очень. Покс был доволен, и больше всего тем, что ему удалось столь удачно убраться из сознания сексуального садиста Одина и так легко перескочить к более ценному агенту. Внутренний мир Харальда был куда более организован и упорядочен. Ну конечно — вождь как-никак. С таким агентом можно получить ценную информацию…

Внезапно Стейбус почувствовал страшную усталость. Поединок, в ходе которого он едва не растворился в жгучих эмоциях викинга, здорово его опустошил. Но это не страшно. Платформу в прошлом можно считать окончательно подготовленной. Теперь он может вернуться к Харальду в любое время. Лучше всего сделать это дня через четыре по внутреннему времени ретроскопа. Сегодня дружина во главе с ярлом будет пьянствовать и веселиться до упаду — никаких стоящих данных не получишь. Всё это Покс уже видел, и не раз. Завтра пьянка продолжится, а послезавтра Харальд будет отходить с похмелья.

Стейбус не торопясь приготовил канал обратного перехода. Кому-то идея от души попировать пару дней, а потом смыться в своё время, избежав действия похмельного синдрома, показалась бы удачной, тем более что в реале пройдёт всего несколько минут. Но…

Очутившись в рабочем кресле своего модуля, он подумал, что хотя обратный переход не так интересен, но зато намного безопаснее. Точно знаешь, что никто не станет размахивать мечом у тебя перед носом сразу же по прибытии на место.

— Ну что, доктор? — полюбопытствовал из своего отсека нетерпеливый Скай, едва дав ему перевести дух.

— До сих пор мы напрасно считали, что имя «Один» было зарезервировано для верховного бога скандинавов, и людей так не называли, — ответил Стейбус. — Всё-таки называли — и я только что познакомился с одним из них. Но при таких обстоятельствах, что вряд ли открытие того стоило.

Глава 3

Иисус Христос — существовал ли он на самом деле? Сотворил ли все те чудеса, которые ему приписывают? Как именно он выглядел? Не стоит спорить по этим вопросам — ведь мы уже знаем ответы. Обратись к нам! Мы поведём тебя в страну чудес!

Будда и Кришна — кто они? Люди? Боги? Пришельцы с других планет, посетившие в древности нашу прародину Землю? Зачем гадать, если ты можешь увидеть всё собственными глазами! Присоединяйся к сообществу избранных!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром». Лист «Вера и Разум».

До Старого Квартала столицы, где он жил, Стейбус добрался к шести часам вечера.

Интересная штука — время, думал он. И ещё интереснее наше отношение к нему… Оно сродни священному трепету. Его догматы неприкосновенны. Один только период Нового Расцвета, с начала которого ведётся современное летоисчисление, продолжается более четырёх тысяч лет; до сих пор никто не может с точностью сказать, как долго длилась эпоха мрачного безвременья, о которой толком неизвестно ничего, и которая впоследствии получила название Тёмного периода; а мы всё продолжаем измерять свою жизнь так же, как на давно исчезнувшей старушке-Земле. И плевать на то, что у нас секунды длиннее — ведь период обращения у Алитеи другой.

Другая планета, другая галактика даже; но всё равно по-прежнему делим сутки на двадцать четыре часа, хотя дураку понятно, что проще перевести систему счёта в десятичную, которой и пользуемся во всех остальных областях. Десять часов дня и десять — ночи. Но нет. Нам требуется сохранить двенадцать. Будем считать дюжинами… Интересное, древнее слово — дюжина. После изобретения ретроскопа пошла мода и на старые слова, и на старые имена.

Войдя в дом, Стейбус первым делом сварил себе чашку кофе и устроился в кресле, положив рядом на столик традиционную вечернюю сигару. Он всегда начинал вечер таким образом, стараясь не менять привычки. Своего рода медитация, помогающая забыть о том, что произошло в течение рабочего дня в институте и настроиться на свои личные исследования, которые он вёл в свободное время.

А сегодняшний день выдался нелёгким. Даже если забыть про первый экстремальный выход прямо на поединок Одина и Канута,

потом он сделал ещё четырнадцать заходов в прошлое. Своего рода институтский рекорд. И нарушение правил. Больше десяти заходов в день делать не полагается. Если Макферсону не удастся его прикрыть, предстоит неприятное объяснение с Оллентайном.

Стейбус отхлебнул глоток ароматного напитка и поставил чашку рядом с незажжённой сигарой. Хороший кофе — с плантаций Лидии. Из опыта своих вылазок в прошлое Стейбус знал, что именно лидийский кофе более всего соответствует по вкусовым качествам тому, что когда-то выращивали на Земле. А вот табак лучше свой, алитейский. Впрочем, всё это имеет значение только для завсегдатаев «Кроноса», вроде него.

Правда, таких завсегдатаев становится больше и больше с каждым годом. Не только на Алитее, но и на других планетах Империи. А недавно пакет хронотехнологий закуплен родиной современного хорошего кофе — Лидией. Ещё один межпланетный альянс, заселённый в основном людьми… Заявки подали также Союз Джадо и планета-государство Сунгай. Ретроскоп начал победное шествие по Человеческим Мирам, и недалёк тот день, когда мы продадим технологию негуманам. А почему нет? Ксеноморфов в Империи полно, рано или поздно ретроскоп к ним так или иначе попадёт.

Стейбус допил кофе и взялся за сигару. Одновременно он дал команду домашнему ИРу открыть на экране стереовизора окно ГИС[16]. Заставка стартовой страницы в «Глобале» полностью соответствовала интересам и вкусам хозяина — объёмное изображение галактического скопления, которое некогда именовалось Местной группой галактик. Впрочем, название употреблялось ещё и сейчас. А вот в составе галактической семьи произошли существенные изменения. В том месте, где когда-то находился Млечный Путь, зиял чёрный провал, поглотивший не только материю, но и пространство.

Что могло послужить причиной катастрофы такого масштаба?

Это никому не было известно. Ни людям, ни всем остальным расам, населяющим галактики Местного скопления.

Провал, именуемый Хаосом, не смог исследовать никто. Он не просматривался с помощью приборов, а корабли, пытавшиеся проникнуть внутрь, просто разворачивало по вектору движения, с какой бы скоростью они ни шли и какой бы способ передвижения в пространстве ни использовали. В последние двести лет вылазки предпринимались не только людьми, но и негуманами. Были совместные экспедиции. Но Хаос упрямо хранил свои секреты, пресекая любые попытки проникнуть внутрь себя. Граница пространственного провала была очерчена очень чётко; сам он

двигался в космосе вместе с галактиками Местной группы. Исследования, произведённые в непосредственной близости от Хаоса, не выявили никаких аномалий вне его неприступных владений.

Считалось, что центр Хаоса находился примерно в том месте, которое некогда занимала Солнечная система. Но это предположение было скорее из области преданий. Точный момент катастрофы также никто не мог определить, хотя учёные полагали, что он соответствовал периоду расцвета Земной Гегемонии.

Стейбус глубоко затянулся и выпустил табачный дым через ноздри.

Величайшая тайна Вселенной. Только этим и стоит заниматься в жизни.

Катастрофа произошла внезапно, похоронила в чреве Хаоса галактику Млечный Путь, оставив сиротами многочисленные колонии землян в Андромеде, Треугольнике и карликовых галактиках Местного скопления. Оторванные от метрополии, детища Земли быстро скатывались в яму анархии, мрака и междоусобных войн. Многие колонии исчезли навсегда. Из других в период Нового Расцвета возникли существующие ныне планеты-государства и межпланетные альянсы вроде Лидии, Союза Джадо и Алитейской империи. Они не очень-то дружили между собой, но, по крайней мере, прекратили междоусобицы, предпочитая решать спорные вопросы на Совете Великого Содружества.

Такова была, вкратце, Новейшая история Человеческих Миров. Что же касается периода, лежавшего между ней и Известной историей Земли, то он так и остался Тёмным — как по названию, так и по существу, и таким же загадочным, как Хаос.

Известная история Земли имела шаткое основание в виде немногих сохранившихся архивов бывших колоний и множества преданий. После возникновения Содружества выяснилось, что архивы по большому счёту подтверждают друг друга, но никак не подкрепляются данными из истории известных гуманоидных и негуманоидных цивилизаций. В период, предшествующий Тёмному, они или ещё не существовали, или не имели контактов с Землёй.

Новую волну интереса к Тёмному периоду поднял ретроскоп. Его изобретение открывало перед исследователями такие возможности, о которых раньше не приходилось и мечтать.

Однако сразу же выяснилась одна пренеприятная для историков особенность Тёмного периода — он не просматривался даже с помощью ретроскопии. Имелись ограничения и для самих

исследователей — прошлое удавалось увидеть только чужими глазами, и эти глаза должны были принадлежать людям. Последний факт дал повод множеству учёных говорить о необходимости поделиться технологией с негуманами, и совместно с ними исследовать перспективы применения коррекции человеческого сознания, для получения возможности использовать в качестве агентов-носителей других разумных существ и животных.

Положительного решения по данному вопросу историки дожидались уже около сорока лет, и конца ожиданию не предвиделось.

Хватало разочарований и без этого. Например, не принесли результатов попытки проникнуть в ближнюю временную зону, то есть в период, соответствовавший всей Новейшей истории, хотя путешествия во вчерашний день Алитеи многим казались весьма заманчивыми. Стейбус подозревал, что тут сказывается влияние Тёмного периода или же проявляют себя особые свойства близкого прошлого. По мере продвижения вниз по временной шкале учёные выявили ещё один ограничитель — сверхдальнюю временную зону Известной истории Земли. Её верхний рубеж находился на границе пятого и шестого тысячелетия н.э. по старому летоисчислению, принятому для всей Известной истории, и проникновение за него оказалось весьма проблематично. Чем глубже, тем сложнее становилось подселение к агенту; установить устойчивый контакт с его пси-сферой не помогали никакие оптимизаторы; зачастую пропадала связь со зрением, осязанием и другими органами чувств.

В остальном ретроскопия, как способ путешествия во времени, казалась идеальной. Это был тот исключительный случай, когда исследователь никак не влиял на объект исследования и весь окружающий его материальный мир, поскольку сознание агента не взаимодействовало с сознанием клиента.

А наоборот — пожалуйста! Путешественник видел, слышал и ощущал то же самое, что и его агент; синхронизатор делал иллюзию присутствия стопроцентной. Это сразу превратило ретроскоп из чисто научного инструмента в излюбленное средство развлечения для большинства граждан. Правда, путешественник ничего не мог предпринять сам, и не мог заставить сделать желаемое своего агента, но при включённой синхронизации такие желания быстро пропадали. Нравятся ощущения в этом теле — расслабься и оставайся сколько хочешь. Не нравятся — переходи в другое по цепочке. Возвращайся назад и переживай сколько угодно раз одно и то же событие. Или

двигайся вперёд, перескакивая через малоинтересные периоды — почти без ограничений. Нижней границей была сверхдальняя зона, верхней — конец Известной истории Земли, который в ретроскопе соответствовал тысяча девятьсот сорок второму году от Рождества Христова. Этим, в частности, и объяснялось, что историки Императорской Академии Времени до сих пор не могли с уверенностью сказать, чем закончилась Вторая Мировая война.

Стейбус затушил сигару и снисходительно улыбнулся. Он-то прекрасно знал, чем она кончилась.

В своих частных исследованиях он продвинулся дальше официальной науки, как и многие нелегалы, и сейчас по вечерам странствовал по просторам первого этапа Космической эры. Попасть туда оказалось не так легко, но в конце концов он всё-таки попал; и теперь ставил своей целью побывать в космосе с Юрием Гагариным, а также высадиться вместе с американцами на Луне — если только они там действительно были, и были первыми. Последний вопрос он ещё не прояснил окончательно.

Своими успехами Стейбус не кичился. Его манило всё вперёд и вперёд, но в глубине души он был убеждён, что не стоит слишком увлекаться личными рекордами, и что прорывы совершать легко — особенно при наличии способностей и соответствующего техобеспечения. Планомерные исследования, которые одни лишь и пригодны для воссоздания достоверной картины прошлого, вести куда труднее.

Домашний ИР по его команде перевёл инфотронный блок ГИС в режим работы с ретроскопом и произвёл проверку настроек архиватора. Как и любой путешественник, Стейбус неизменно сохранял истории своих странствий в виде пси-хроники с полным соответствием параметров, что давало возможность впоследствии просмотреть (практически — прожить) записанный эпизод не только ему, но и любому другому человеку. Именно из таких хроник в последнее время монтировалась едва ли не половина всех художественных пси-фильмов и сто процентов развлекательных ретро-шоу, дававших возможность путешествовать в прошлом, вообще не перемещаясь туда.

Экран высветил главную страницу официального сайта «Кронос», принадлежавшего Академии Времени. Начинать всегда лучше отсюда — всё равно, на работе ты или дома. Из всех существующих информбанков только банки Департамента здравоохранения и Академии обеспечивали надлежащее качество записи копий личности.

Стейбус сел в рабочее кресло и сосредоточился. В дополнительной сбруе он не нуждался — её заменял встроенный синхронизатор. Собственным монитором ретроскопа и

клавиатурой почти не приходилось пользоваться.

— Пошли, — скомандовал он домашнему ИРу. — По второму каналу…

Генераторный блок ретроскопа загудел, и мысли Покса забила навязчивая реклама проводников-нелегалов:

Захотелось острых ощущений? Обращайся к нам!..

* * *

Диспетчер ЭМП Кену Стурво вернулся домой поздним вечером. Его холостяцкая берлога в Старом Квартале была именно домом, а не квартирой, как и у его соседа Стейбуса. Автономный жилой блок встраивался в стационарный массив квартала, и его, при желании, можно было перенести в любое место столицы — конечно, только туда, где предусмотрена возможность подключения автономных модулей. Но Кену переезжать не собирался, по крайней мере до тех пор, пока не выйдет на пенсию. Тогда у него будет достаточно денег, чтобы перенести свой блок сразу за город, докупить к нему необходимые комплектующие и превратить в настоящий дом — на собственном участке и под собственной крышей. Сейчас же крышей модулю Кену служила терраса открытого летнего кафе, расположенного на следующем уровне.

Вздохнув, Кену опустился в кресло, устало откинув голову. Чем старше он становился, тем тяжелее ему давалось каждое дежурство. Не зря ведь диспетчера «экстры» уходят на пенсию в шестьдесят и имеют право на пожизненное содержание до самой смерти независимо от их личного дохода и накопленных сбережений. При современной средней продолжительности жизни в девяносто пять лет это более чем щедро. Особенно если учесть, что обычный служащий третьей категории вкалывает до восьмидесяти и потом существует только на то, что сумел скопить.

Личный счёт Кену выглядел очень внушительно. Он и от природы был экономным человеком, а в последние десять лет совсем ничего не покупал, разве что самые необходимые вещи. Хотя и мебель и технику в доме давно пора сменить… Но лучше это сделать позже, и делать вместе с Абеллой. Если, конечно, она не передумает, и выйдет за него замуж, как обещала. Тоже закоренелая холостячка, как сам Кену, она была ещё и карьеристкой, зацикленной на добывании денег, но твёрдо обещала остепениться.

— Однако не мечтай, что это произойдёт до того, как ты

выйдешь на пенсию! — заявила она своим обычным непререкаемым тоном, слегка смягчив его улыбкой. — Если хочешь, чтобы я всю себя посвятила семье, то сделай то же самое. Нам ещё не поздно завести детей. В крайнем случае можно воспользоваться соответствующими медицинскими услугами. И я хочу, чтоб наши дети не спрашивали меня, где пропадает дни и ночи напролёт их отец.

— Но у меня всего лишь сменный график! — попытался защищаться Кену. — Многие живут и хуже, особенно здесь, в столице. В их жизни вообще ничего нет, кроме работы.

— В том то и проблема, — проникновенно ответила Абелла. — Мои родители жили так. Я их почти не видела. И я поклялась сама себе, что мои дети так жить не будут. Думаешь, почему я ежедневно рву задницу, пытаясь заработать ещё несколько жалких империалов?..

— Белла, ну что за выражения!

— Только такие и подходят к тому, чем я занимаюсь. Но это временно.

— Надеюсь, — проворчал Кену. — Надеюсь, ты вовремя остановишься. Всех денег не заработать.

— Не волнуйся, старый брюзга! — Обворожительно улыбаясь, Абелла обхватила его лицо ладонями и нежно поцеловала. — Обещаю!

Кену, глядя на неё, в очередной раз поразился, до чего же она красива. Не многие в тридцать девять лет выглядят на двадцать пять.

— Никак не могу понять, почему ты со мной, — задумчиво сказал он. — Я рад этому, но понять не могу. Ты легко могла бы найти себе кого-нибудь получше, чем служащего спецкатегории.

Абелла сразу посерьёзнела.

— Я с тобой потому, что ты надёжный, — ответила она. — И ещё потому, что я тебя люблю.

Разговор состоялся год назад, когда Кену в очередной раз пытался уговорить Абеллу узаконить отношения и переехать к нему. С тех пор ничего не изменилось. До пенсии ему оставалось ещё несколько месяцев.

Вот поэтому Кену Стурво и не менял обстановку дома. Ждал. То, что годится для одинокого мужчины пятидесяти девяти лет, вряд ли подойдёт для семейной пары.

Единственной серьёзной покупкой, которую он сделал за десять лет знакомства с Абеллой, был ретроскоп, и виной этому были пристрастия самой Абеллы. Кену не раз пытался убедить её, что слишком увлекаться путешествиями во времени очень опасно.

— Ретрозависимость — страшная штука, — убеждал он её. —

Поверь мне, я знаю. За каждое дежурство я принимаю не менее десятка вызовов и посылаю бригады медиков к тем, кто не смог самостоятельно выйти в своё время. Это значит — больше сотни случаев только в пределах участка ответственности нашего отделения. И каждый седьмой из них — со смертельным исходом.

— Но мне нужно как-то расслабляться! — неизменно возражала она. — Ты просто не представляешь себе, что это значит — поднимать собственный бизнес в наше время. И я всегда ставлю «будильник».

— Те полуразложившиеся трупы, которые ЭМП вывозит на Восстановление, тоже когда-то ставили «будильник». Но потом человек увлекается, и отключает эту опцию, чтобы путешествие не прерывалось на самом интересном.

— Глупости. Ко мне это не имеет отношения. Обещаю тебе, что я никогда не отключу её.

Тогда Кену и купил ретроскоп. Наверное, он был единственным среди восьмидесятимиллионного населения Сестрории, кто сделал это лишь для того, чтобы просматривать рекламу нелегалов и посещать форумы временщиков.

При повсеместном распространении средств мыслесвязи, Галактическая информационная сеть «Глобал» строилась по тем же принципам, хотя имела свой аудиовизуальный дубликат для тех, кто не был способен к передаче и чтению мыслеобразов в силу врождённой недисциплинированности сознания или просто не мог позволить себе покупку соответствующих биотехнических имплантатов. Для них были видеозаписи, тексты и прочее. Для всех остальных — многомерные пси-передачи, сложность которых каждый мог выбирать исходя из собственного сенс-уровня и возможностей вживлённых в мозг имплантатов. Многие предпочитали пользоваться внешней нейротехникой с расширенными возможностями — шлемами различных моделей или костюмами. Костюмы варьировались от глухих, покрывающих всё тело (такие обычно и применялись вместе со шлемом), до облегчённых, напоминающих переплетение ремней, с активными сенсорами и нейротрансляторами, закрывающими основные нервные узлы. Последние использовались в дополнение к трансцессорам.

Подача рекламы при таких способах обработки и восприятия информации регулировалась крайне жёсткими постановлениями, принятыми всеми государственными образованиями Великого Содружества; но всё это не касалось нелегалов. Изначально находясь вне закона, они никаких постановлений не признавали, действуя внутри «Глобала» и на официальном сайте Академии Времени как настоящие информационные агрессоры. Они

протаскивали на «Кронос» рекламные клипы под видом частных хроник, выложенных пользователями; выискивали дыры в защите или перекупали через третьих лиц места на рекламных площадках; использовали тематические новостные ленты. Ролики, восхваляющие ничем не ограниченные удовольствия от путешествий в прошлое — первое, с чем сталкивался пользователь, заходивший в ГИС в режиме ретроскопа. С этого Кену и начал: с изучения рекламы. Отдавать Абеллу нелегалам без боя он не собирался. Надо знать своего врага.

Хочешь перенестись в сказку? Обратись к нам прямо сейчас!

Заманить к себе — заманить любыми средствами. Исходя из правила: «спрос рождает предложение», можно было сделать определённые выводы о контингенте посетителей нелегальных сайтов. Здесь имелись предложения на любой вкус — от заманчивых до отталкивающих, от вполне невинных до предельно извращённых.

Древняя Греция. Желаешь пообщаться вживую с величайшими философами и мудрецами? Платон и Аристотель. Перипатетики и эпикурейцы. Стоики и киники. Диоген — действительно ли он жил в бочке?

Ритуальный секс в древних культурах. Самая полная коллекция! Такого вы не могли себе представить! Где берёт начало «право первой ночи»? Ритуальная дефлорация. Храмовая проституция. Мы предлагаем увидеть всё изнутри! Увидеть — и почувствовать!

Хочешь присутствовать при закладке Великой пирамиды? Официальная наука ещё до этого не добралась, и не скоро доберётся! Мы знаем, что у Сфинкса первоначально была львиная голова!

Людоеды Новой Гвинеи. Людоеды Амазонии. Хочешь побывать в их шкуре? Обратись к нам! Каннибализм, замешанный на сексе! Проверенные, сексуально сильные агенты. Они занимаются любовью с теми девушками, которых потом съедят заживо! Демоны зелёного ада...

Китай. Монастырь Шаолинь. Узнай секреты монахов-бойцов!

Друиды. Человеческие жертвоприношения, ужаснувшие некогда даже древних римлян! Стань участником! Предлагаем на выбор: «Стать друидом» — «Истребление друидов римлянами».

Согласно не слишком ответственным заявлениям некоторых общественных деятелей, ставящих целью преуменьшить проблему, услугами нелегалов пользовались в основном сексуально озабоченные подростки и немногие люди с нездоровой психикой и извращёнными наклонностями. Побродив по форуму подпольного «Ретродрома», Кену убедился, что это не

так. Здесь были люди всех возрастов, обоих полов и любого социального статуса. Не брезговали пользоваться помощью проводников и вполне серьёзные исследователи — историки, реконструкторы[17], ретропсихологи.

Что больше всего пугало диспетчера, так это то, что не только искатели острых ощущений и бездельники, но и некоторые люди из последней указанной категории иногда становились пациентами клиник, занимающихся Восстановлением. Ретроскоп затягивал как болото. Даже строго следуя правилам техники безопасности и работая только с официальным «Кроносом», существовал хороший шанс подхватить ретрозависимость, поскольку предрасположенность к ней уходила основанием в глубины подсознательного и выстраивалась на человеческих слабостях и пороках. Что касается нелегалов, то они не только отвергали любые ограничения, но и старались сделать приманку наиболее заманчивой, не брезгуя ничем.

Пренебрегая обычными городскими развлечениями, Кену в свободное время старательно изучал ретрожаргон.

КЛАССИФИКАТОР — определи свою ступеньку!

Хрон-секунда или ссыкун *— пользователь третьего уровня. Отсутствие хороших имплантатов, врождённых способностей — или просто неопытный пользователь. Не способен самостоятельно составлять алгоритмы и переходить по цепочке агентов. Пользуется внешней «сбруей» и услугами проводников.*

Хрон-прима или примак *— клиент, способный свободно переходить по цепочке агентов. Сенситив или человек с биотехническими имплантатами класса «А». Опытный пользователь. Второй уровень.*

Хрон-магистр или маг *— клиент, способный заставить человека из прошлого совершать определённые поступки. Высший уровень…*

Ну, это уж чистая выдумка. Ловушка для простаков. Мол, старайся, и ты этого достигнешь. Неопровержимо доказано, что влиять на прошлое через ретроскоп невозможно.

БУКВАРЬ ВРЕМЕНЩИКА — привет новичкам!

Апер (мост, формула, заклинание) *— алгоритм перехода.*

БКП (Большая Круглая Помойка) *— «Глобал».*

Большой (он же Галактический) Арбуз *— то же самое, что* ***БКП****.*

Валет *— двойной алгоритм, используемый при работе с двумя агентами попеременно.*

Жопа великана *— Тёмный период.*

Заповедник *— любая труднодоступная временная зона.*

Колодец (шахта, штольня) *— канал перехода.*

Площадка (плацдарм, плоскость) *— заранее подготовленная хроноплатформа.*

Потенция *— рейтинг путешественника, рассчитанный на основе его личных способностей; в узком смысле — его возможности, включая нераскрывшиеся или слаборазвитые (см. подуровни* ***КЛАССИФИКАТОРА****).*

Прибор *— ретроскоп.* ***Прибор с секретом*** *— ретроскоп класса «Y» переделанный под «X».*

Рамадан *— человек, предпочитающий путешествия с религиозной окраской.*

Сосун (сосало, соска) *— СОС-сигнализация, встроенная в каждый ретроскоп и передающая сигнал в медицинское учреждение в случае нарушения нормального функционирования организма путешественника. Почти всегда отключается пользователями из-за низкого порога срабатывания.*

Зачастую для обозначения терминов нелегалами использовалась откровенная нецензурщина. Но что ж поделаешь, раз я взялся за это, думал Кену. Иначе я просто не пойму, о чём они говорят. Ведь мыслеобразы, сопровождающие необходимые для пользователей «Ретродрома» пояснения, были не менее запутаны и столь же неприличны, как и употребляемые ими слова…

* * *

Сигнал «будильника» прозвучал в голове Стейбуса точно по расписанию, и он с неохотой вернулся в своё время из 1961 года, СССР. Приказав домашнему ИРу активировать один из своих личных шаблонов, он вновь окунулся в прошлое, на этот раз во Францию конца девятнадцатого века. Жившего здесь человека он нашёл самостоятельно и сделал своим агентом без всякого труда. Главными отличительными чертами молодого француза были неудержимое распутство и потрясающая сексуальная энергия. Стейбус использовал его для эротических сеансов, чтобы расслабиться — всё его рабочее и почти всё свободное время поглощал ретроскоп, и на настоящих девушек просто не оставалось времени.

Вначале Стейбус ещё испытывал от подобной замены некоторую внутреннюю неловкость, похожую на стыд, но вскоре обнаружил, что удовольствие от занятий любовью в чужом теле ничуть не меньше, чем в реале. Главное, чтобы носитель твоего сознания кое-что умел, а его интересы соответствовали твоим собственным хотя бы приблизительно… Остальное довершал

синхронизатор.

Личный француз Покса был не только чрезвычайно активен и сексуально образован, но и очень разборчив, что в сочетании с его умением довести до оргазма практически любую женщину гарантировало высокое качество получаемых ощущений. Даже проститутки, к которым он нередко обращался, не в силах найти себе новую партнёршу другим способом, были настоящими красавицами. Тщательнейшим образом проинспектировав все его молодые годы, Стейбус был вынужден признать, что осуществить нечто подобное в собственной жизни он вряд ли способен. Составив каталог эпизодов, которые больше всего пришлись ему по душе, Сейбус теперь имел быстрый доступ к любому из них, а потом ещё прошёлся по другим временам и странам, выискивая подходящих агентов и дополняя свою секс-коллекцию. Наобум он развлекаться не любил. Включаясь в случайно обнаруженный в процессе исследований эпизод, всегда рискуешь пережить разочарование в конце.

Когда «будильник» повторно вывел его в настоящее, Стейбус прошёл в ванную и, скинув мокрые от спермы плавки, принял душ. По телу разлилось приятное спокойствие и довольство.

Одевшись, он вышел из дома на террасу своего уровня, поднялся по эскалатору на следующий уровень и оказался в кафе, открытая часть которого, где столики стояли под тентом, находилась прямо на крыше его собственного жилища; точнее — на козырьке гнезда для встройки жилого модуля. Владелец кафе в своё время настойчиво предлагал им с Кену сдать ему в аренду свои террасы, но оба они наотрез отказались. Не очень-то весело постоянно наблюдать у себя за окном поедающих обеды и ужины жителей Старого Квартала и снующих между столиками официантов, даже если знаешь, что стекло одностороннее, и они тебя не видят. Не держать же всё время стёкла на глухой тонировке.

Кену был уже на месте и ещё не успел опустить ложку в стоявшую перед ним тарелку с супом. Он встал и поздоровался со Стейбусом за руку — согласно их обычаю, столь же незыблемому, как и совместные ужины по будням. Потом нажал на большую чёрную кнопку в центре столика, создавая вокруг зону конфиденциальности, защищённую от прослушивания. Секретничать они не собирались, да и вообще всегда говорили между собой только о самых прозаических вещах. Но в эпоху необычайного развития как всех видов трансляции — от обычных до пси-специальных — так и средств информационного перехвата, такие меры предосторожности тоже стали обычаем. Всеобщим.

— Я всё жду, когда ты опоздаешь, — проворчал Кену.

— Не дождёшься. Во-первых, я прекрасно помню график твоих дежурств, а во-вторых, ещё ни разу не оставался в прошлом после сигнала «будильника», как бы ни было интересно. Я знаю, что завтра смогу начать с того же самого места.

— Жаль, что не все на тебя похожи. Моё последнее дежурство было просто сумасшествием. Сто сорок четыре случая передозировки ретро на нашем участке. Двадцать девять — со смертельным исходом, не подлежащим Восстановлению. Такого ещё не случалось.

— Молодёжь?

— В основном. Но не только. Почему ты не хочешь пойти спасателем в ЭМП? Сейчас такая программа развёрнута правительством, что лучше нечего и желать. Получать ты будешь даже больше, чем в своём институте. Три двенадцатичасовых смены в неделю, остальное время отдыхаешь. Пятьдесят дней отпуска. Мечта любого лодыря.

— Я не лодырь, Кену, — улыбнулся Стейбус. — Точнее сказать — я меньше всего лодырь. И дело не в деньгах. Просто это не моё. Ретроспасатели, по моему мнению, выполняют абсолютно бесполезную работу. Жестоко звучит, но это так. Сколько пациентов ЭМП лезут в прошлое в течение первых трёх месяцев после того, как их оттуда вытащили?

— Девяносто пять процентов. А в течение полугода — остальные пять. Большинство даже после Восстановления не могут удержаться. Общеизвестно, что от ретрозависимости избавляются лишь единицы, совокупности которых не хватит и на один процент… Но ты понимаешь, у нас в «экстре» специалистов твоего уровня не хватает. У нас хорошие врачи, но ведь не знатоки прошлого. Иногда только историк и сможет…

— Сам себе противоречишь. Историк сможет — а зачем? Этих ребят никто насильно в прошлое не тянет. Уж во второй-то раз, когда они всё знают, — точно. Хорошо, вытащили такого дурня однажды, дважды, трижды; потом он завяз так, что помогло лишь Восстановление, и он полез опять… Разве нет таких? Сам только что говорил, что их большинство. Дальше: благополучно восстановленный дурень полез снова, и мы его снова вытаскиваем… Да только во второй раз бесплатного Восстановления не полагается. Слишком уж дорогостоящий процесс. Оплатить его может едва ли один пациент из тысячи. Теперь скажи, почему правительство набирает ретроспасателей, которым нужно платить, и платить хорошо, но не разрешает второе Восстановление? Да потому, что это бесполезно. Проще набрать новых людей в «экстру» и создать видимость

деятельности. Дешевле выйдет… Тут ведь не только жажда удовольствия, как от алкоголя или наркотиков. Путешествуя, особенно с синхронизатором, ретроскопист постоянно объединяет свою психику с чужой, и лишь человек с крепким внутренним стержнем способен это выдержать без вреда для себя. Ретроскоп ведь уводит не в иллюзорный мир — в настоящий, только тот, которого уже нет. Путешественник выбирает между действительностью и действительностью, и выбор чаще всего падает на реальность прошлого, поскольку там нет никаких ограничений, никаких запретов, никакой ответственности за свои поступки. Что бы ни творил в своём времени агент, клиента не мучает совесть — ведь это делает не он. И путешественники постепенно теряют свою индивидуальность, истёртую чужими сознаниями, цепляют пороки своих агентов… Нет, Кену. Спасатели тут ничего не смогут сделать, как не поможет и второе бесплатное Восстановление. Ретрозависимость — это смертельно.

Официант принёс заказ Стейбуса, на секунду задержался, ожидая, не будет ли у посетителя дополнительных пожеланий, и удалился. Кену откинулся на спинку стула и с хрустом поворочал головой, разминая шею — привычка, выработанная годами работы в ЭМП, когда диспетчер всю смену неподвижно сидит в кресле, принимает вызовы по обычным и пси-каналам, а высылая бригады врачей по новым и новым адресам, чутко вслушивается в их мысленные переговоры между собой, готовый в любой момент отправить к ним на помощь резервные группы.

— Просто ты — нормал, а у талантливого нормала больше шансов быстро вытащить человека из прошлого, — сказал Кену. — Сенситиву тяжелее. На первом этапе ему мешает спонтанная синхронизация собственной эмоциональной сферы со сферой агента. К нам приходят люди по этой правительственной программе, но…

— Да не помогут ни сенситивы, ни нормалы, — буркнул Стейбус, притворяясь, что слишком занят едой.

Он хорошо помнил, с каким страхом ждал первой встречи с Кену после того, как ему вживили синхронизатор. Имплантат повышенной чувствительности был произведён незаконно, и установить его могли только в подпольной клинике, упрятанной в дебрях беднейших объединённых кварталов Сестрории. Договорившись с человеком по имени Агиляр, Стейбус взял очередной отпуск, внутренне приготовившись к увольнению. Проверку данной ему устной гарантии невидимости имплантата Покс произвёл на своём друге. Кену был сильным сенситивом, но он так и не учуял синхронизатор в голове Стейбуса, скрытый надёжным экраном. Уже с меньшим трепетом Покс вышел на

работу. Во время первого подключения к ИРу института он всё ждал, что Пантеон скажет: «Внимание, обнаружено новое оборудование», — и его тайна раскроется. Но Агиляр не обманул. Экран держал стопроцентно. И Кену, и остальные до сих пор считали Стейбуса обычным человеком, в меру использующим разрешённую нейротехнику.

Напротив кафе, где сидели сейчас приятели, возвышалась громада другого кластера Старого Квартала. Такие же точно жилые модули, террасы, кафе и магазинчики, собранные в причудливую, неправильной формы ступенчатую пирамиду. Кое-где, нарушая успокаивающий стиль «под старину», торчали в небо толстенные наклонные трубы — приёмники общественных и частных ангаров. Оба кластера разделял каньон канала для воздушного и наземного транспорта.

— Проблему ретрозависимости не решить дополнительными бригадами ЭМП, из кого бы они ни состояли, — нарушил молчание Стейбус. — Сейчас, наверное, уже каждый житель Сестрории хоть раз пользовался ретроскопом. Если не своим собственным, то в ретросалоне. И по всей Алитее с ним знакома половина населения. В крупных городах — больше. Но если ещё раз обратиться к статистике, то процентов двадцать побывавших в прошлом один-два раза, больше туда не возвращаются. Ну не нравится им жить чужой жизнью. Ты, например…

— Ну ещё бы, — подтвердил Кену. — Если б не Абелла…

— Как она, в порядке?.. Так, о чём это я? Ах, да. Оставшиеся восемьдесят процентов делятся на три части. Почти поровну. Первые — умеренные пользователи. Они работают на ретроскопах только по правилам. С ними всё радужно. Следующая группа — маньяки, вроде меня. Сидят в прошлом всё свободное время, но или строго по делу, или из-за неуёмной любознательности, или корысти ради. К ним относятся и все проводники-нелегалы. И последняя категория — потенциальные клиенты ЭМП и кандидаты на Восстановление, а то и сразу в покойники. И это соотношение не меняется вот уже много лет.

— И что, по-твоему, — не надо ничего делать? — спросил Кену.

— Надо бы, да только что ты сделаешь? Они своего рода наркоманы, только хуже. Правительство, возможно, и хотело бы сделать что-то, но уже не в состоянии. Проще всего ограничить продажу ретроскопов и ввести прохождение обязательных тестов перед их приобретением. Не сдал экзамен на пси-устойчивость — покупку придётся отложить. Но такой порядок сразу снизит объёмы продаж и, как следствие, уменьшит сборы в пользу государства. Компания «Ретроскоп технолоджи» платит сейчас в

казну такие налоги, как ни одна другая.

Кену неодобрительно потряс головой:

— Предоставь мне кто-нибудь право выбирать между доходом и психическим здоровьем нации, я выбрал бы последнее. Или вообще прикрыл эту лавочку.

— Но «Ретроскоп технолоджи» очень серьёзная «лавочка», Кену, — укоризненно сказал Стейбус. — Она обслуживает не только чокнутых любителей. Если, как ты выразился, её прикрыть, то загнётся четвёртая часть современной науки — самая перспективная часть, как многие считают.

— Да что там перспективного? — возмутился Кену, но тут же поправился: — Нет, я не спорю, знание истории тоже необходимо, но не настолько же!

— Дело не в историках, и не в реконструкции утраченных предметов искусства, — возразил Стейбус. — И даже не в развитии технологий, на основе которых делают ретроскопы. Двадцать лет назад никто не мог подняться вверх дальше 1900 года. Сейчас это уже 1942 год для официальной науки, а нелегалы поднимаются и выше. То есть, мы вплотную приблизились к Космической эре планеты Земля. Если вскроем Тёмный период, у нас в руках окажутся все технологии Земной Гегемонии периода расцвета — ты представляешь себе взлёт нашей промышленности? Смотался в прошлое, посмотрел — и сделал то же самое. Ведь это было сверхгосударство, державшее в кулаке целую галактику, понимаешь? Любому из государственных образований современности до Гегемонии куда как далеко. Вот и подумай, что мы получим, проникнув к самому концу Тёмного периода. Всеобщее благоденствие. Первенство среди гуманоидов и негуманов. Первенство среди Человеческих Миров… Да никогда в жизни Империя не закопает своими руками такие перспективы, запрещая ретроскопию. Соответствующие проекты подготовлены во всех областях науки, для всех отраслей промышленности…

— Я слышал, что технологию уже продали лидийцам, — заметил Кену.

— Ерунда, — отмахнулся Стейбус. — Они наши союзники, и всё равно теперь, после стольких лет нашей монополии, будут плестись в хвосте…

Глава 4

Из всех методов сбора и сохранения данных наилучшим следует признать гипервременную трансляцию действительности, с помощью которой хронику прошлого возможно сохранить в нашем времени в виде полноценной пси-копии произошедшего — так, как её наблюдал исследователь. Пожалуй, лишь трансляторы являются единственными бесспорно полезным, и в то же время безопасными для исследователей мозговыми имплантатами. Впрочем, и для указанных целей лучше пользоваться не ими, а техникой внешней поддержки.

Профессор Оллентайн, руководитель проекта «Ретроскоп — всё прошлое». Статья «Корректный подход» на официальном сайте Академии Времени в Галактической информационной сети «Глобал».

Ещё два дня Стейбус работал по Скандинавии в одиночестве; потом, когда окружающая временная картина прояснилась окончательно, подключил к прямым исследованиям Ская, Рида и Лию, пустив их странствовать по цепочкам агентов с помощью тщательно подготовленных алгоритмов переходов. Себе Стейбус оставил ярла Харальда, как самого информированного человека из всех доступных. Две недели так и продолжалось, с той только разницей, что ребята работали шесть дней в неделю, а он — пять. Потом ведущий исследователь и начальник отдела Лен Макферсон потребовал сменить только что освоенную платформу.

На следующий день, с самого утра, Стейбус записался на приём к Оллентайну и зашёл к нему в кабинет во время второго перерыва. Аудиенция была приватной.

— Я просил об этом потому, — пояснил Стейбус, — что вынужден обращаться к вам через голову своего непосредственного начальства. Методы, которыми ведёт исследования доктор Макферсон, кажутся мне недопустимыми. Последняя платформа в Древней Скандинавии была подготовлена из рук вон плохо, но здесь вина не специалистов моей ячейки, а Макферсона, который вынудил их спешить. И это произошло не впервые. Дальше: он никогда не даёт возможности как следует поработать в избранной эпохе или навязывает сотрудникам бесперспективные линии с посредственными агентами. Почему-то ему куда интереснее пиры и батальные сцены, чем то, что может оказаться действительно важным. Недавно я узнал, что он подрядил работать сверхурочно ребят из моей ячейки.

Преступления в этом, конечно, нет, они работают дома, хотя трудно сказать, насколько добровольно. Ни для кого не секрет, что иногда степень свободы подчинённого по отношению к руководителю определяется навязчивостью или прямым давлением со стороны последнего. У меня есть все основания полагать, что в случае с Макферсоном и сотрудниками моей ячейки так и было. Но это полбеды. Стоит рассмотреть, какие линии он им отдал на разработку — просто продолжение того же самого, чем они вынуждены заниматься и на рабочем месте более половины дня… Набег, который ярл Харальд совершил на побережье Волланда как раз перед тем, как я впервые попал в избранную эпоху. Хотя я сразу выяснил, что для нас ничего интересного там нет: ведь мой основной агент — лично Харальд, который всё это прекрасно помнит. А сейчас Макферсон потребовал сменить платформу…

Стейбус замолчал. Ему казалось, что Оллентайн его совсем не слушает.

— Продолжайте, продолжайте, молодой человек, — рассеянно сказал профессор, махнув рукой. И тут же добавил: — А не хотите ли кофе? Помнится, вы ценитель этого напитка…

Это окончательно сбило Стейбуса с толку. Он пришёл поговорить о серьёзных вещах, а ему чашечку кофе предлагают. Макферсон чёрт знает чем занят: подговаривал Ская подселиться в прошлом к Одину, в тело которого Стейбус попал во время первой вылазки в Скандинавию и о котором уже точно известно, что он извращенец и садист; а Лию убеждал выбрать в качестве агента рабыню, которую Один выиграл у Канута. Не было никаких сомнений относительно того, какая участь постигла девушку в прошлом. Стейбус знал, что она не умерла, но, может быть, предпочла бы умереть. А когда ребята отказались, Макферсон послал всех троих, включая Рида, в «набег на Волланд», хотя было заранее известно, что всё содержание добытого ими материала сведётся к хронике бесконечных грабежей, изнасилований, убийств и издевательств над пленными.

Сотрудников двух других ячеек Макферсон подселил к агентам противной стороны, то есть к жителям злосчастного побережья. «Разве вы не понимаете, сколь важно оценить деятельность норманнов глазами побеждённых?» — спросил он Стейбуса. Нет, ответил Стейбус, он не понимает и не желает понимать. И ещё он не понимает, почему для современной науки столь важно оценить действия Одина по отношению к выигранной им на поединке рабыне глазами самой рабыни, да ещё подряжать на это Лию, которая едва достигла

совершеннолетия по законам Алитеи.

Теперь Макферсон требует заняться какими-то семью ярлами, которых он нашёл лично. Те тоже организовали набег, но уже на Саксонский остров[18]; не надо быть гением, чтобы понять, что изучение их «деятельности» в Саксонии будет повторением пройденного — уже известных действий Харальда и его дружины в Волланде. А когда он рассказывает об этом Оллентайну, ему предлагают кофе!

Оллентайн прошёлся по кабинету и вновь уселся в кресло напротив Стейбуса. Было заметно, что профессор о чём-то напряжённо размышляет.

— Я ценю вашу откровенность, доктор Покс, — наконец сказал он. — Вы пришли ко мне, рискуя обострить отношения с начальником…

Стейбус промолчал. Он считал, что похвалу не заслужил, поскольку в душе был готов обострять отношения с Макферсоном до какой угодно степени — при поддержке Оллентайна или без неё.

— Должен вам сообщить, — продолжал профессор, — что я в курсе всего, что вы мне рассказали, за исключением мелких деталей. — В его голосе чувствовалось неприкрытое сожаление — то ли о проступках Макферсона, то ли по поводу собственной осведомлённости. Оллентайн был учёным до мозга костей, и ещё старой закалки; необходимость тратить силы на административную деятельность его крайне удручала. — Мне жаль, что Мастера Времени так задержались с принятием решения и дело дошло до конфликтов внутри коллектива.

Тут Стейбус вообще перестал что-либо понимать. Мастерами Времени называли сотрудников Службы безопасности межвременных перемещений. Эту организацию создали сразу после изобретения ретроскопа. Вначале Мастера играли роль своего рода хронополицейских, призванных обеспечить неприкосновенность прошлого и, следовательно, неизменяемость будущего. В их число вошли ведущие эксперты Алитеи по проблемам путешествий во времени и специалисты, изучавшие вероятность хроносдвигов. Даже когда выяснилось, что с помощью ретроскопа невозможно перемещать в прошлое материальные предметы, в том числе и самих путешественников, мнение Коллегии Мастеров всё ещё имело решающее значение, так как на момент создания ретроскопа человеческое сознание признавалось алитейской наукой объектом, без сомнения, материальным.

Окончательно отменили запреты на свободные путешествия только тогда, когда посчитали доказанным, что сознания людей

из прошлого и будущего не взаимодействуют между собой. Точнее, полностью неприкосновенным оставалось лишь сознание агента, который не подозревал о присутствии внутри своей пси-сферы ещё одной личности, кроме собственной. Для путешественника контакт, конечно, не мог проходить бесследно, что вполне понятно, однако степень сохранности прошлого (что имело решающее значение) посчитали достаточной, и разрешили широкомасштабные официальные исследования, одновременно запустив ретроскопы в массовое производство. Когда Стейбус пришёл в науку, Коллегия Мастеров из хронополиции превратилась, скорее, в медицинский исследовательский институт, изучающий влияние ретроскопа на психику, а также в своеобразную полицию нравов. Мастера также имели особые полномочия в ситуациях, связанных с ретроскопией и неразрешимых с точки зрения обычного гражданского законодательства.

— Как вы знаете, — продолжил Оллентайн, — одной из задач Коллегии является контроль за использованием материалов, добытых лицензированными исследователями и частными лицами. К несчастью, развитие необходимой правовой базы в этом плане сильно отстаёт от действительности. Многие законопроекты находятся на стадии разработки, формулировки уже действующих законов настолько размыты, что на их основании можно привлечь к ответственности разве что одного нарушителя из двадцати — если дело вообще дошло до суда. Но в случае с Макферсоном двух мнений быть не может. Мастера выяснили, что он уже более года передаёт хроники, полученные его отделом в результате гипервременной трансляции, в руки режиссёра Гарибальди.

Стейбус начал понемногу понимать. Гарибальди был известным постановщиком, специализирующимся на пси-документальных фильмах, созданных на основе реальных исторических хроник; понятно, что фильмы монтировались не из эпизодов проповедей апостола Павла или собирания цветочков на лугу. Департамент здравоохранения признал многие боевики, сделанные Гарибальди, опасными для просмотра людьми со слабой психикой, а имперская Церковь Благоденствия давно отлучила режиссёра от общения с истинно верующими за демонстрацию сцен безудержного разврата и сексуального насилия. Хотя последнее обстоятельство, очевидно, Гарибальди совсем не волновало.

— Самого постановщика к ответу призвать невозможно, поскольку он всегда обставляет приобретение любых пси-материалов как покупку хроник у частного лица, — сказал

Оллентайн. — Но Макферсон прекрасно знал, на что идёт, вынося информкристаллы из стен института. — Профессор надолго замолчал и наконец подвёл итог: — Предварительное следствие по его делу ещё не закончено, а сам Макферсон ни о чём не подозревает. Поэтому я рассчитываю на вашу сдержанность, доктор Покс. Прошу вас пока не ставить никого в известность о нашем разговоре. Занимайтесь со своими сотрудниками чем угодно, хоть набегами на Волланд. Долго это не продлится, даю вам слово. И раз уж вы здесь, позвольте вас поздравить. Новым ведущим исследователем после… э-э-э, ухода Макферсона, я намерен назначить именно вас.

Стейбус вышел из кабинета Оллентайна слегка оглушённый неожиданной новостью. Ведущий исследователь! Свобода, широчайшие возможности — и всё это прямо на рабочем месте. И три выходных в неделю! Теперь-то уж Кену точно не заманит его ретроспасателем в бригаду ЭМП.

Над ним больше не будет никакого Ведьмака, только Оллентайн, но он просто душка.

К сожалению, ему не придётся набить морду Макферсону, как он вознамерился сделать; желание крепло день ото дня всю последнюю неделю, а теперь это ни к чему. Жаль, но пережить можно.

Тридцать с небольшим лет — и уже ведущий исследователь, надо же.

Несмотря на то, что Стейбус и сам регулярно продавал удачные хроники, никакого сочувствия к своему бывшему (бывшему!) начальнику он не испытывал. Одно дело сбыть с рук материалы, полученные в свободное время на домашнем ретроскопе, и совсем другое — таскать из института плоды коллективного труда. Есть также и разница, какие хроники выставлять на продажу.

Несмотря на предупреждение профессора, он не собирался держать ребят в полном неведенье. Все они на взводе, особенно Скай. Того и гляди сорвётся. Да и Рид… Войдя в комнату отдыха своей ячейки на последней минуте перерыва, Стейбус первым делом спросил:

— Эй, бездельник кучерявый, мы экранированы?

— Конечно! — удивлённо ответил Скай. — Пора уже привыкнуть, что я постоянно держу один из наших ретроскопов в режиме готовности. Ещё не хватало, чтоб Ведьмак…

— Слушайте, — перебил Стейбус. — У меня отличные новости. Какие — пока не скажу, потому что это секрет. Но с новой платформой Макферсона можете не напрягаться. Скорее всего, нам не придётся её осваивать.

Глава 5

Мировые войны двадцатого века стали самыми ужасающими и разрушительными за всю историю человечества. Это зрелищные, внушающие трепет картины, достойные твоего внимания!

Битва на Марне в 1914 году, сражения на Сомме и при Вердене были ужасны, но они меркнут перед грандиозными столкновениями сторон в ходе Второй мировой. Техническое обеспечение — выше, стран-участниц — больше, битвы — кровавее! Ты это полюбишь!

Сталинград и Курская дуга, Пёрл-Харбор и высадка в Нормандии, штурм Берлина и атомная бомбардировка Японии! Западный фронт. Восточный фронт. Тихоокеанский театр военных действий. Сражения в Италии, Африке и Китае. Бомбардировка Дрездена силами союзной авиации. Свидетели утверждают, что в Дрездене погибло больше людей, чем в Хиросиме и Нагасаки вместе взятых!

Не пользуйся слухами. Проверь сам! В нашем распоряжении агенты как из числа солдат любой армии того времени, так и мирные жители почти каждого города. Обратись к нам прямо сейчас!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

Через два дня всем ячейкам отдела Макферсона приказали не возобновлять работу после второго перерыва. Четверо неприступного вида типов из Коллегии заперлись в одном из рабочих блоков, опечатав остальные, а всех сотрудников, без учёта категорий, распустили по домам.

Третьеразрядники едва не запрыгали от радости — для них это означало пять часов свободы в подарок. Старшие ячеек выигрывали два часа оплаченного времени, что тоже было недурно, поэтому в здании института никто из них не задержался.

Стейбус, выйдя на улицу, подавил желание лететь домой и снова залезть в прошлое в пользу прогулки на свежем воздухе. «Надо хоть иногда двигаться, старик, — сказал он себе. — Иначе скоро срастёшься с ретроскопом. Хватит и того, что ты совсем забросил фехтование».

Покс намеревался сделать большую петлю по Центральному парку Дилойме, а затем вернуться на институтскую стоянку за своим икаром. Когда город ещё только проектировался, архитекторы вписали в план будущей застройки пять просторных участков почти нетронутой тропической природы, сохранившейся

благодаря тому, что раньше здесь располагался заповедник; точнее — Его Величества императорский ботанический заказник. Один из участков и стал впоследствии Центральным парком. Здесь почти ничего не меняли — только проложили дорожки, разнообразили растительность за счёт некоторых специально высаженных деревьев и кустарников, да устроили повсюду множество искусственных гротов с кондиционерами, так как на широте Дилойме днём зачастую бывало достаточно жарко.

Не успел Стейбус пройти и двухсот метров по одной из аллей, как его догнала Лия.

— Вы к станции? Можно, я с вами?

— Да неужели я тебе на работе не надоел? — удивился он. — Улыбнись первому встречному, и у тебя появится спутник поинтереснее.

— Глупости, — смутилась Лия. — Рид тоже утверждает, что стоит мне захотеть, и любой мужчина просто сойдёт от меня с ума, а между тем я точно знаю, что это не так.

— Ты просто не пробовала, — засмеялся Стейбус. — Давай попробуем? Видишь того типа в белых штанах?

— Он не в моём вкусе, — сказала Лия, украдкой взглянув сбоку на Покса. — И вы не правы, я пробовала. Но, наверное, что-то делаю не так.

Теперь смутился Стейбус. Он давно знал, что нравится Лие. Да что там, весь отдел об этом знал.

«Твоё увлечение работой приведёт к тому, что ты упустишь первую красавицу нашего института, — сказал ему как-то Рид Кастл. — С удовольствием потеснил бы тебя в её сердце, но пока не выходит. Знаешь присказку? «Так уж исстари ведётся — дуракам лишь клад даётся». Это про тебя».

«Где взял высказывание?» — заинтересовался Стейбус, мгновенно почуяв запах дальней временной зоны. Он, как и Кастл, увлекался коллекционированием старинных пословиц, крылатых фраз и слов с необычным значением.

«Точно — дурак, — с сожалением констатировал Рид. — Запомни, Стейбус, любовь к ретроскопу тебя погубит. Дождёшься ты…»

Лия Стейбусу нравилась тоже, но он не собирался связывать себя в ближайшее время брачными узами, а для лёгкой забавы девушка, по его глубокому убеждению, не подходила. Это было бы низко по отношению к ней. И Покс предпочитал держать дистанцию.

— Я не на поезд, Лия, — сказал он. — Просто решил прогуляться. Если не спешишь, то можем вместе, а потом я тебя подброшу.

— Ну вот, напросилась! — улыбнулась девушка. — Согласна — если вас не затруднит. Свой икар мне ещё долго не светит, — печально вздохнула она. — Макферсон ни за что не даст мне ячейку. Да и с ребятами было бы жаль расставаться, честно говоря… Кстати, вы не в курсе, что за переполох устроили Мастера в нашем отделе?

— В курсе. Макферсону конец. Меня просили не говорить никому, но завтра ты всё равно узнаешь. Ему не работать больше начальником отдела. Вернее — вообще не работать в институте.

Лицо девушки помрачнело, но тут же прояснилось:

— Ну и поделом! А кто будет новым ведущим исследователем?

— Новым буду я, поэтому приготовься. Завтра я из твоего босса превращусь ещё и в твоего верховного босса. Самое время меня задобрить.

— Вы? Вот здорово! Боже, как мне надоел Макферсон! То-то ребята обрадуются! Скай говорит, что вас давно надо сделать главным! Божится, что тут же выпросит у вас ячейку.

— Вздрючку ему хорошую, а не ячейку, — ответил Стейбус. — Точно, устрою — лишний раз не помешает. Пока не научится осторожности… Но он научится. Молодец, вообще-то… Слушай, Лия, раз уж на нас свалилось такое счастье, мы сможем работу всего отдела поставить по-другому. Не знаю, как остальные, а лично я устал изображать из себя этакую хроночерепаху, у которой положения методики Оллентайна выгравированы на панцире. Хочу тебя спросить: ты часто заглядываешь на «Ретродром»?

— Иногда, — ответила девушка. — Не получается не заглядывать. Они там выкладывают данные свежее, чем у нас в институте.

— Во многом потому, что идут вперёд не оглядываясь, — заметил Стейбус. — Но нам-то не обойтись без детального и всестороннего исследования каждой эпохи. Вопрос в том, как наилучшим образом совместить оба подхода… Кому проще жить — кладоискателю или археологу? Что легче откопать — сундук с золотом или череп динозавра? Кладоискатель не заботится о сохранности сундука, ему нужно только золото. Его инструменты — кирка и лопата, у археолога — долото и кисточка. Кто быстрее управится с работой? Ясно, что лопата несколько эффективнее кисточки, когда дело доходит до разгребания грунта.

— Сравнение мне нравится, — согласно качнула головой Лия. — Действительно, между ретроскопистами-подпольщиками и кладоискателями много общего. Но именно поэтому на их сайтах и встречаются настоящие клады.

— Точно, — сказал Стейбус.

— У них иногда попадается такое, что закачаешься. И бесплатно. Правда, трудно выбирать. Они валят в общую кучу всё, что по их мнению не представляет коммерческой ценности… А вообще-то я нелегалов не люблю. Два года назад из-за них погиб мой отец. Проводник его бросил, и он не смог вернуться в настоящее самостоятельно.

— Извини, что напомнил.

— Ничего, я давно пережила.

— И Восстановление не помогло?

— У него уже было одно Восстановление.

Чёрт, вот чёрт! Стейбус клял себя — он не собирался затрагивать такую больную тему. Но откуда ж было знать, что отец рассудительной, уравновешенной Лии страдал ретрозависимостью?

Сам Покс общался с нелегалами регулярно. Не на «Ретродроме» — в услугах проводников он не нуждался, а на форумах временщиков, ну и в жизни. У подпольщиков была одна отличительная черта — они всегда успевали побывать в любой эпохе раньше лицензированных исследователей. Предлагаемые на продажу оптимизаторы, без которых путешествия немыслимы, у ретродромовцев и прочих им подобных были на порядок лучше, чем сработанные профессионалами Академии Времени. Не говоря уже о мозговых имплантатах.

Стейбус купил синхронизатор у группы с прозаическим названием Синдикат, и не пожалел ни разу. Нелегалы свободно общались в «Глобале» почти со всеми желающими, выйти же на них в реале оказалось нелегко, но наконец ему удалось познакомиться с некоторыми. А уже они познакомили Покса с Агиляром.

Желая направить разговор в другое русло, он не нашёл ничего лучшего, как спросить, что думает Лия про знаменитого в кругах временщиков Блэкбэда. Его называли не иначе, как Королём Времени, и некоторые полагали, что именно он является хозяином Синдиката, владевшего сетью подпольных клиник по вживлению мозговых имплантатов.

— Тот самый парень, который может путешествовать в прошлое без помощи ретроскопа? — внезапно развеселилась Лия. — Да сказки, конечно. Как вы себе такое представляете? Просто кто-то объелся малоизвестными теориями Дендайма, и решил выдать их за действительность. На деле возможность свободных путешествий никто не изучал.

— Наш Олли когда-то работал с Дендаймом, — заметил Стейбус, довольный, что настроение девушки улучшилось. —

Может, спросить у него?

— Не вздумайте! Если вы на полном серьёзе заведёте с Оллентайном разговор про Блэкбэда, ведущим исследователем вам не бывать. Нам снова поставят в начальники злокозненного тролля, вроде Макферсона. Не вздумайте!

Дойдя до огромного фонтана в центре парка, они повернули назад, и минут через сорок добрались до институтской стоянки воздушного транспорта.

— Как не хочется домой! — сказала Лия. — Я бы с радостью осталась жить тут, в одном из парков Дилойме. Поставила бы где-нибудь в гроте кровать, ретроскоп и кухонный комбайн… Потому, что мне не хватит денег даже на самую дешёвую квартиру здесь. Как я ненавижу Сестрорию! Простите, что жалуюсь, но ведь жизнь в объединённых кварталах — просто кошмар. Ни тебе травы. Ни тебе деревьев, только пальмы в дурацких кадках в кафе. Ни тебе неба над головой…

Стейбус запросил в СБД самую высокую траекторию, которая на таком небольшом расстоянии была чисто демонстрационной, и его икар на короткое время вышел далеко за пределы нижних слоёв атмосферы. Лия задумчиво смотрела сверху на родную планету.

— Жаль, что придётся вернуться слишком быстро, — сказала она. — Вам никогда не хотелось побывать на других планетах? Или отправиться в галактический круиз?

— Да нет, — ответил Покс. — Мне хватает путешествий в прошлое.

Чуть раньше он невольно расстроил Лию, а сейчас её последние слова извлекли неприятные воспоминания из его собственной памяти. Родители Стейбуса тоже погибли — оба — при случайной разгерметизации корпуса космического корабля. Нелепый, невероятно редкий случай…

Икар пошёл вниз, пробил редкие невесомые облака и почти рухнул на Сестрорию. Беспорядочное столпотворение объединённых кварталов и мегабилдингов стремительно приближалось, из него проглянули узкие полосы зелёных зон и оазисы парков, казавшиеся кусочками разбитого рая в этой густонаселённой каменной пустыне.

Лия жила в одном из кварталов жилого массива Рапи. Аккуратно введя машину в широченное дуло приёмника ангара, Покс посадил её на свободную площадку. Обойма скоростных лифтов оказалась совсем рядом.

— Спасибо, что подбросили, — вздохнула Лия. — И за зрелище тоже. Честно говоря, я до этого видела Алитею с такой высоты всего однажды.

— Не за что, — сказал Покс. — Я тоже редко выбираюсь в космос, даже самый ближний… Как и на прогулки в парках.

— Извините, что не приглашаю вас в гости. Живу с матерью и двумя маленькими сестрёнками, а они всегда разводят такой ужасный бардак…

Она ушла. Стейбус помедлил и вывел икар через приёмник наружу. Чувствовал он себя скверно. Бардак — ещё чего. Никто не поверит, чтобы у такой девушки, как Лия, мог быть дома бардак. Просто она предчувствовала, что он всё равно отклонит предложение зайти, и предпочла не нарываться на отказ.

— Ну что ты за скотина, приятель? — спросил он сам себя. — Противная ты скотина. Самолюбивая и крупнорогатая. Дождёшься, как говорил Рид.

У него что — на лбу было написано, что откажется? Говорят, путешествия каким-то образом способствуют развитию экстрасенсорных способностей, причём весьма необычного свойства. Правда, только у тех, в ком сидит зародыш сенситива. Лия не сенситив, но много времени проводит в прошлом… как и он сам.

Покс помнил ещё со школы, что и трансцессоры, и прочая пси-аппаратура, и ретроскопы — родственные приборы, построенные на одних и тех же принципах. Логично, если разобраться. Там — передача мыслей в настоящем, тут — передача целого сознания в прошлое, но что есть наше сознание, как не информационная система, оперирующая мыслеформами?

И если сенситивы способны на передачу мыслей без трансцессоров, то почему нельзя странствовать во времени без ретроскопа? Именно здесь брала начало теория Дендайма о возможности свободных путешествий без всякой техники, как и мифы о Блэкбэде.

Глубже в суть этого вопроса Стейбус не вникал, поскольку считал недопустимым отвлечение от поставленной цели, а своей основной целью он видел изучение прошлого, и конкретно — Тёмного периода. Вот и сейчас он постарался отделаться от непрошеных мыслей.

Особенно — от мыслей о Лие. Потом подумаем, у бога дней много, решил Покс.

В данный момент его больше интересовал слух, распространившийся в среде временщиков — некто создал оптимизатор, позволяющий путешествовать в любую эпоху и даже, кажется, в сверхдальнюю временную зону, что раньше считалось трудновыполнимым, почти невозможным.

Хотя существование универсального оптимизатора само по себе есть явление невозможное.

Надо бы при случае расспросить Агиляра.

Глава 6

Трудно описать, сколь широкие возможности открылись для изучения прошлого вместе с распространением ретроскопии. Отслеживание любых событий, восстановление давно утраченных знаний и шедевров мирового искусства; религии прошлого и психология людей давно ушедших эпох — всё как на ладони. Между тем, большинство путешественников не находит ничего лучшего, как использовать ретроскоп для своего рода секс-туризма, причём самого извращённого характера, или участия на пси-уровне в бесконечных войнах, которые человечество вело на протяжении всей своей истории.

Статья на сайте «Кронос» в Галактической информационной сети «Глобал». Автор не идентифицируется.

Девушка, в теле которой Агиляр находился вот уже несколько недель по внутреннему времени ретроскопа, была настоящим воином. Правда, её подруга и любовница Алтория не считала так; но сейчас Эвгея меньше всего думала об Алтории. Она едва успевала отбивать стремительные выпады наставницы Симирны. Опасное жало на длинном древке уже дважды проскальзывало над краем щита Эвгеи, и той едва удавалось спасти лицо от удара.

— Осторожнее, Симирна! — сказала наблюдавшая за поединком Алтория. — Не смей уродовать мою красавицу. Не то я сама тебя так тебя разукрашу…

— Пара синяков ей не повредит, — отозвалась Симирна, легко уклоняясь от копья противницы.

Эвгея на секунду потеряла равновесие, и тогда наставница, быстро шагнув вперёд, сильно ударила своим щитом в её щит, заставив сделать назад два неловких шага; оружие Эвгеи оказалось бесполезным, а Симирна, ловко перехватив своё копьё за самый конец древка, упёрла его в землю позади ног девушки.

Эвгея с размаху полетела в пыль, но тут же вскочила и в бешенстве нанесла несколько быстрых ударов, последний из которых достал-таки тело Симирны пониже левой груди.

— Ах-ха! Эги!.. Молодец! — в восторге закричала Алтория, а из окружавшей площадку толпы, состоявшей из женщин и нескольких затесавшихся между ними мужчин, послышались одобрительные возгласы.

Не давая противнице опомниться, Эвгея продолжала наступать; её копьё так и мелькало в опасной близости от лица и шеи Симирны, которая теперь не успевала следить за

стремительными перемещениями и выпадами своей ученицы.

— Прекрати, Симирна, ты уже мёртвая! — крикнул кто-то из мужчин. — Мы всё видели!

— Глупости, она меня только поцарапала! — зло отозвалась та.

Эвгея сменила тактику и, быстро присев, выбросила копьё вперёд. Оно прошло под щитом Симирны, ударив её в колено, а когда она попробовала щит опустить, защищаясь от второго удара, Эвгея выпрямилась, отскочила назад и метнула копьё в открытое тело наставницы. Хотя наконечник и был сплющен на конце, да ещё обмотан полосками кожи, что делало его почти безвредным, удар всё же оказался весьма чувствительным, а Симирна, без сомнения, теперь уж точно была «мертва».

Из кучки зрителей послышались одобрительные возгласы и поздравления. Наставница, недовольно морщась от боли, подождала, пока Эвгея подберёт оружие.

— Сколько раз тебе говорить — не бросай копьё, если оно у тебя одно, а другого оружия нет, — сказала Симирна. — В настоящем бою ты можешь и не успеть его подобрать. Рядом будут ещё враги. Копьё может застрять в грудине, между рёбер… А если промахнёшься, так тебе и вовсе конец.

— Сильно я тебя? — спросила Эвгея.

Наставница скосила глаза на ссадину, из которой крупными каплями выступила кровь. Вокруг наливался синяк размером в ладонь.

— Пустяки. Кости целы. Не обижайся, но в первый раз ты действительно кольнула меня слабовато. Твой удар ни за что не достал бы до сердца.

— Тебе виднее.

— Так, с тобой всё на сегодня. Давай, следующая!

В круг вошла другая девушка, а Эвгея пошла в свой шатёр. В неподвижном летнем воздухе висел устойчивый лагерный запах — конского навоза, дыма костров и сырой кожи. Из походной кузницы доносилось мелодичное позвякивание малого молота и раздавались тяжкие удары большого. На полпути Эвгею догнала Алтория и нежно обняла её за плечи.

— Молодец, девочка. Так и надо этой старой карге.

— Может теперь ты поверишь, что я на что-то гожусь.

— Я всегда в это верила. Просто у тебя пока мало опыта.

— Ночью ты не жалуешься, что у меня мало опыта, — ответила Эвгея.

Алтория расхохоталась, закинув назад голову.

— Конечно, нет! Что касается любви, то…

— А Симирна ещё совсем не старая. И она очень красива.

— Всё равно, ей не на что надеяться в её возрасте. У нас мужчин слишком мало. Разве что по Священному обету кто-то ляжет с ней. Но воины будут тянуть жребий — клянусь! — чтобы избежать такой участи.

Алтория откинула полог шатра, пропуская подругу. Кроме них здесь жили ещё три пары, но сейчас никого не было.

— Когда я получу меч? — спросила Эвгея, опускаясь на застилавшие землю шкуры.

— Он у тебя есть.

— Настоящий, а не эту ковырялку для выкапывания корешков.

— Будет тебе и настоящий. — Алтория присела напротив на корточки и испытующе посмотрела девушке в глаза. — Ты так торопишься умереть?

— В бою погибает не каждый, — возразила Эвгея.

— Должно быть, как раз поэтому у нас и осталось по одному мужчине на тридцать женщин, — хмыкнула Алтория. — А если бы мы не занимали их места и не умирали тоже… Послушай, что я тебе скажу. Никто не оспаривает, что ты можешь сражаться. Ты только что это доказала в поединке с Симирной. Она, конечно, всего лишь неповоротливая древняя старуха, но…

Эвгея не выдержала и засмеялась.

— Ну почему ты всегда так отзываешься о ней?

— На самом деле я тебя к ней просто ревную… Хорошо, она не старая, и действительно красива. И всё ещё способна иметь детей. Но главную ценность представляют не такие как она, и даже не такие как я, хоть я и моложе. Своего первенца я уже родила. А ты — ещё нет. Именно поэтому тебе и не стоит во время боя лезть в самую сечу. Ты прекрасно стреляешь. Твой лук унёс не меньше вражеских жизней, чем мой меч… Во всяком случае — не намного меньше. Дождись рождения первенца. Наверняка это будет мальчик.

— А если девочка?

— Обычно бывает мальчик. Боги милостивы, и во время затяжных войн первенцами чаще всего бывают мальчики.

— Скажи лучше — вечных войн! — погрустнела Эвгея. — Когда я родилась, война уже шла.

— Когда я родилась, она тоже уже шла, — подтвердила Алтория. — А вот когда родилась эта старая карга Симирна…

Эвгея звонко рассмеялась, откидываясь на спину; Алтория тут же оседлала её ноги, и прижала руки к шкурам, покрывавшим пол.

— Ага, попалась! Больше всего люблю тебя, пока ты ещё не остыла от боя. Пусть даже и учебного.

— Больше всего ты меня любишь, когда сама не вполне отошла от боя, — возразила Эвгея. — От настоящего.

Агиляр, всё это время незримо присутствовавший в сознании Эвгеи, почувствовал нарастающее возбуждение. Именно ради таких моментов он и отправлялся в прошлое.

* * *

«Ничто в этом мире не имеет значения».

Как и когда Агиляр пришёл к такому выводу, он и сам бы не смог сказать. Возможно, это случилось в первый же раз, когда он, совершив хронопутешествие, вернулся в своё время. Или позже. Или даже раньше.

Не имеет значения.

По происхождению он принадлежал к одной из древнейших фамилий Алитеи, чьи корни терялись во мраке Тёмного периода, а могущество было заложено на заре Нового Расцвета. Правда, отец Агиляра числился в своём клане в списке бедных родственников. Но, тем не менее, он был весьма состоятельным человеком по общеимперским меркам, входя в бизнес-аристократию межпланетного альянса, центром которого были Алитея и её столица — Сестрория.

Как случилось, что его родители увлеклись ретроскопом настолько, что буквально похоронили себя в прошлом — этого Агиляр не смог бы сказать. Отец умер, оставив сыну в наследство страсть к путешествиям во времени и огромные долги, образовавшиеся после развала его небольшой промышленной империи. Мать, бывшая намного моложе своего супруга, скиталась неизвестно где. Агиляр не получал от неё известий с момента достижения совершеннолетия.

Плевать. Не имеет значения.

Родственники оплачивать долги разорившейся семьи не пожелали. И теперь Агиляр даже на хорошую работу устроиться не мог, не говоря о том, чтобы открыть свой бизнес. По законам Империи, вся прибыль с любого предприятия пошла бы на погашение убытков компаньонов его отца. Проще было существовать на пособие по безработице, которое считалось неприкосновенным, и зашибать монету на подпольной торговле и незаконных сделках. Поначалу приходилось трудновато, но потом Агиляр обнаружил, что и так можно жить — и жить неплохо.

Главное, чтоб не поймали.

Это уже значение имело. Сидя в тюрьме нельзя пользоваться ретроскопом.

Обнаружив у себя к двадцати годам склонность к гомосексуализму, Агиляр даже не удивился. Этим грешил ещё его отец. Зачем сдерживать себя? Его с детства приучили следовать своим прихотям. Но вскоре такой секс перестал его удовлетворять, и Агиляр задумался о перемене пола. Зарабатывал он не так много. Пособие можно в расчёт не принимать — гроши. Добывать деньги на операцию, занимаясь проституцией, не хотелось. Один из приятелей познакомил его с Блэкбэдом, о котором в среде ретроскопистов-нелегалов уже тогда слагали легенды.

Агиляр закрыл глаза и полностью расслабился, вспоминая… Это было два года назад.

— Продавая свои пси-хроники через вторые и третьи руки, как это делаешь ты, ничего не получишь, — сказал Блэкбэд. — Настоящие деньги имеют только те, кто толкает товар клиентам напрямую.

— Да мне и носу нельзя высунуть на поверхность, — ответил Агиляр.

Он немного нервничал из-за нелепого внешнего вида собеседника. Чистокровные представители негроидной расы на Алитее вообще встречались нечасто. Почти все они были истреблены в период жестоких межрасовых войн ещё перед Новым Расцветом, да и впоследствии не раз подвергались гонениям и притеснению, что приводило к эмиграции уцелевших в другие миры. После Становления положение изменилось к лучшему, но и сейчас встреча с настоящим чернокожим считалась большой редкостью. Однако для Агиляра дело было даже не в этом, и не в предрассудках, которые остались у некоторой части населения и оказались весьма живучи, а в том, как Блэкбэд выглядел.

Он был одет в хламиду, напоминающую халат, расшитую серебряными узорами тюбетейку и тапочки с загнутыми острыми носами. Халат-хламиду покрывал невероятный рисунок, в котором переплетались безвкусные яркие цветы и райские птицы. Сигнальной системы, оповещающей водителей о пешеходе, в подобном балахоне наверняка нет, что уже серьёзное нарушение. Да и вообще, за одну прогулку в таком наряде в более приличном месте можно загреметь в психушку. Агиляру казалось, что посетители за соседними столиками всё время поглядывают в их сторону.

Они сидели в общественной столовой одного из объединённых кварталов Сестрории, настолько мрачном и небезопасном, что даже полиция там избегала появляться без особой необходимости. Порядок в этом чудовищном муравейнике

с множеством надземных и подземных уровней поддерживали имперские гвардейцы. Но они вмешивались в происходящее только в случае грубейших нарушений, вроде массовых погромов и перестрелок с применением ручных пулемётов; а также взаимодействовали с полицией, расследуя наиболее тяжкие преступления, и могли отдубасить за ношение оружия или хулиганство. До подпольных торговцев, тем паче — каких-то ретроскопистов, им никакого дела не было, и те чувствовали себя в объединённых кварталах вполне безопасно. Но Блэк даже зону конфиденциальности вокруг их стола не включил. А когда Агиляр хотел сделать это сам, только досадливо поморщился и махнул длинной, как шлагбаум, рукой.

— Если не можешь работать в одиночку, вступай в Синдикат, — предложил Блэкбэд. — У нас всё по-честному. Продал товар — получил комиссионные. Прикрытие у тебя будет хорошим. И можешь продолжать вести личные продажи, только не забывай отстёгивать в общий котёл. Накладно тебе не будет — наоборот. Что ты последнее продал, и за сколько?

— Хронику битвы при Геттисберге. Все три дня. Работал на обеих сторонах. До сих пор удивляюсь, как меня не грохнули. Всегда успевал уходить раньше… Четырнадцать агентов, сто сорок часов убойной хроники. Ну и штабные материалы — просто так, в довесок, для приправы. Мне там попался некий Шайберт[19], и я через него вдоволь насмотрелся…

— И это всё — за сколько?

— Пять с половиной. Империалами.

— Сорок должно быть, — фыркнул Блэкбэд. — Как минимум.

— Да, сорок — это лучше, чем пять, — охотно согласился Агиляр. — Я просидел в ретроскопе четверо суток — в общей сложности. Дольше, чем шла эта долбаная битва. Я молчу, сколько это было по времени ретроскопа. После того, как вырежешь весь мусор…

— Вот видишь. А работай ты с Синдикатом — отдал бы только двадцать процентов. Тридцать две тысячи твои. Нормальный работяга без категории получает столько за год. Сотрудник третьего класса — за полгода. И половина суммы, которую ты выплатишь, всё равно уйдёт на твою же поддержку. Охрана. Помощь в поиске покупателей и сопровождение сделок. Проверки по «Кроносу» — самое главное. Ты не думаешь ведь, что первым попал под Геттисберг? Правильно делаешь. А клиент может оказаться недоволен, если твой материал совпадёт с уже опубликованными официальными хрониками Академии Времени процентов на восемьдесят.

— Ладно, я ваш. А кому Синдикат принадлежит? — вдруг

спохватился Агиляр. — Или это секрет?

— Никаких секретов между своими. Мне он принадлежит. И не думай, что я излишне откровенен. Я тебя хорошо проверил — лично. Наберёшь ты денег на свою операцию… если через полгода она ещё будет тебе нужна.

— Откуда ты знаешь? — поразился Агиляр. — Сенситив?.. Прощупал? Но ведь у меня экран.

— Плевать мне на твой экран, — снисходительно сказал Блэк.

Агиляр невольно поёжился. Слухи об этом высоком худом негре в круглой шапочке и цветастом халате ходили всякие, и каждый новый был невероятнее предыдущего. Одно несомненно — про операцию по смене пола Агиляр никому не говорил, и меньше всего думал о ней в этот момент. Так что и прощупать его мысли Блэкбэд не мог. Правильно о нём болтают — дьявол. И душа у него такая же чёрная, как и кожа. И ещё халат этот! Кто, кроме него, отважится появиться на улице в таком наряде? А тапочки его дурацкие?.. Слов нет, объединённые кварталы — это такая дыра, где можно встретить любых идиотов, но даже здесь никто так не одевался. Да и опасно ходить по городу в одежде без сигналки — того и гляди собьют. Впрочем, про Блэка говорили, что он почти никогда не ходит пешком. Не признаёт никаких законов, полностью на нелегальном положении, а как по городу передвигается — бог весть. Кстати — почему же сегодня так открылся, сидит с ним тут, болтает? Вроде никуда не спешит. Вон, два гвардейца торчат у входа, только что к ним подошли четверо патрульных. И никто из них даже не глядит на него, хотя пёстрый халат Блэка на фоне рубашек и безрукавок обычных посетителей кафе должен привлекать не меньше внимания, чем светомузыка в подземелье.

— Я тебя не просто наёмником в чужое дело приглашаю, — сказал Блэкбэд своим низким голосом. Теперь-то он, несомненно, прочитал мысли собеседника. Но как?!? Экран…

— А что ещё? — тупо спросил Агиляр. Он чувствовал себя очень беззащитным, как будто его выставили голым на всеобщее обозрение.

— Я предлагаю тебе полноправное партнёрство со всеми вытекающими правами, — сказал Блэкбэд. — А полнота этих самых прав у нас зависит не только от успехов в торговле. Хочешь стать волшебником?.. Кроме пси-хроник мы и мозговыми имплантатами торгуем. Ни у кого таких больше нет. Делаем сами. Официальная наука до подобных штучек не скоро дорастёт. И программы для ретроскопа. Ты таких не видел ещё.

— Ладно, я согласен, — Агиляр постарался напустить на себя

непринуждённый вид. — И что дальше, босс?

— Я тебе не босс. Надеюсь, мы станем друзьями. Или больше. — Блэкбэд, просидевший неподвижно весь разговор, подался вперёд и облокотился на стол. — Слушай первое задание. Оно тебя не обременит. Скоро с тобой на связь выйдет один человек. Зовут его Стейбус Покс. Он историк…

Глава 7

Как известно, программы-оптимизаторы предназначены для того, чтобы человек из нашего времени смог в кратчайшие сроки адаптироваться в прошлом. Пользуясь оптимизатором, путешественник сразу усваивает набор важнейших пси-установок, помогающих войти в контакт с агентом. Программы-приложения содержат минимально необходимую сумму знаний об иерархии общества, обычаях и восприятии окружающего мира людьми избранной эпохи, а набор лингвистиков обеспечивает понимание языков и наречий, входящих в отдельную языковую группу. К сожалению, универсального оптимизатора для всех эпох до сих пор не создано, как и универсального лингвистика.

Алекс Отон, создатель оптимизатора «Нордик». Статья на официальном сайте Академии Времени в Галактической информационной сети «Глобал».

Освоившись в амплуа ведущего исследователя, Стейбус чувствовал себя просто чудесно. Присвоенный ему статус сотрудника первого уровня существенно увеличил его доход, но почти не повлиял на привычки. Он по-прежнему много времени уделял работе с ребятами своей ячейки, а на контроль за остальными подразделениями отдела уходило не так уж много времени.

Стейбус сразу же завёл строгие порядки: никаких внезапных прыжков с эпохи на эпоху, глубокая разработка новых хроноплатформ и тщательная подготовка чётких алгоритмов переходов по цепочкам агентов, что почти исключало неприятные сюрпризы.

График он составил таким образом, что одну неделю все ячейки занимались Тёмным периодом, работая то по отдельности, то объединяясь попарно, или даже всем отделом. Это давало возможность осваивать новые платформы буквально в одночасье. Следующую неделю каждая ячейка исследовала свою эпоху — как правило, из истории Древнего мира или раннего Средневековья.

Новый подход сразу же сказался на продуктивности исследований. Знаменитый 1942 год, остававшийся непреодолимой преградой на протяжении последних одиннадцати месяцев, наконец сдал позиции, и верхний рубеж доступного прошлого поднялся сразу до шестьдесят пятого года. Две ячейки отдела занимались историей создания ядерного оружия, одну Стейбус поставил на изучение противостояния СССР

и США в Европе. «Только благодаря Поксу мы и узнали, кто выиграл Вторую мировую войну», — саркастически усмехались сотрудники отдела. Среди них было немало тех, кто вёл личные исследования в свободное время, и некоторые, подобно самому Стейбусу, частенько оказывались впереди признанных учёных и лицензированных историков. Чтобы сразу устранить возможное непонимание, Стейбус однажды собрал всех сотрудников и сказал:

— Для меня не секрет, что кое-кто из собравшихся добился больших успехов в изучении Тёмного периода, чем официальная наука. И если уж мы порознь смогли это сделать на слабеньких домашних ретроскопах, то что же произойдёт, если мы объединим усилия здесь, в институте? Даю вам слово, что никаких преследований с моей стороны не будет, и дальше нашего отдела ничего не пойдёт, даже если добытые вами данные получены не так, как это принято по методике Оллентайна. Всё равно вы не сможете официально опубликовать свои материалы вне «Кроноса» в качестве научных работ, а как относятся к самодеятельным исследователям на «Кроносе», вы знаете. Я никому не предлагаю отдавать то, что имеет коммерческую ценность. Наоборот, меня больше интересуют хроники, которые продать нельзя. Зачастую они более полезны для создания новых платформ, и более информативны.

Заседание отдела было закрытым, но по крайней мере часть сказанного дошла до Оллентайна, и с тех пор Стейбус не раз ловил на себе его косые взгляды. Однако профессор не счёл возможным вмешиваться в действия своего ставленника. Напротив, он подал прошение в Академию Времени о присвоении Поксу статуса управляющего второго разряда.

— Если проколешься, старина Олли порвёт тебя на части, — предупредил старший ретропрограммист института Отон.

— Я не проколюсь, Алекс, — ответил Стейбус. — В любом случае для меня лучше вылететь из института, чем наблюдать, как мы год за годом топчемся на одном месте. О да, работа идёт, мы вовсю шерстим древние культуры Земли и добились немалых успехов. Но самое-то интересное — когда, как и отчего погибла цивилизация — мы до сих пор не знаем. Как образовался Хаос и что он такое? Что там внутри? Если будем действовать как раньше, то и не узнаем никогда. Относительно исследований в прошлом Оллентайн прав почти во всём, я первым готов подтвердить это. Он стоял у самых истоков ретроскопии, его способ хорош для любых временных зон. Но только не для Тёмного периода.

— Сам-то не боишься? — пытливо взглянул на него Отон. —

До сих пор мы работали в хорошо знакомых стабильных зонах. А Тёмный период — это такая почва… Вдруг свойства времени там другие? Не на пустом же месте образовался Хаос. Не напортачить бы чего. Прошлое должно оставаться неизменным…

— А иначе нам всем кердык, — закончил Стейбус.

Отон расхохотался:

— Что за слово? Забавно звучит. Из прошлого?

— Да. Вероятно, тюркского происхождения. В татарском языке употреблялось в значении: «истреблять», «уничтожать», «губить», «разбивать противника» и так далее. Впоследствии получило распространение в некоторых других языках в качестве существительного. Один из созданных тобой славянских лингвистиков перевёл его как «гибель, смерть, окончательное и необратимое уничтожение объекта; преднамеренно созданная неблагоприятная ситуация с плачевным финалом или фатальное стечение обстоятельств, приведшее к неизбежному концу чего-либо или кого-либо». Видишь, сколько надо объяснений, чтобы обрисовать то, что раньше обозначали одним словом? Точно также и с нашими методиками. Они слишком громоздки. Когда сталкиваешься с нестандартной ситуацией, они только мешают работать. Я уже не упоминаю о тысячах никому не нужных устаревших ограничений.

— И всё же, надо быть осторожнее.

— Знаю, что скажешь. Взмах крыла бабочки, который может вызвать ураган на другом конце света, и так далее. Кстати, Лоренц свою «Предсказуемость…» напишет только в конце шестидесятых годов двадцатого века. И почему люди должны были узнать об его работе от нелегалов, а не на сайте Академии Времени? Я буду осторожен. Конечно, прошлое должно оставаться неизменным. Иначе нас ждёт самый грандиозный и всеобъемлющий кердык из всех, какие только можно себе представить.

Молодые сотрудники отдела отнеслись к предложению Стейбуса с величайшим энтузиазмом. Те, что постарше, не торопились с высказываниями и не спешили делиться личными данными, если таковые у них имелись. В самом институте мнения разделились. Одни были безоговорочно «за», другие — столь же безоговорочно против. Но вмешиваться в работу отдела никто из них права не имел. Большинство сотрудников сохраняло нейтралитет. Единственными, кто последовательно поддерживал Стейбуса вне подчинённого непосредственно ему коллектива, оказались технологи.

— Давай, Покс, раскопай нам золотую жилу, — подбадривал его глава отдела ретротехнологий. — Нам хотелось бы заняться

изучением чего-нибудь более интересного, чем производство топоров в каменном веке и выявление особенностей гончарного искусства Месопотамии. Если верить сохранившимся колониальным архивам, медицина Земной Гегемонии превосходила нашу на порядок. Средняя продолжительность жизни —двести тридцать лет! Мы просто обязаны узнать, как они это делали.

Отдел ретротехнологий был создан едва ли не на следующий день после основания Академии Времени, разрекламирован как самый перспективный для общества в целом, и с тех пор сидел на дотациях, дожидаясь лучших времён. Пока что вся его деятельность сводилась к сотрудничеству с отделом реконструкции по восстановлению памятников старины. Технологи всю душу вкладывали в дело, но появление в Музее Прошлого точнейших копий скульптур Микеланджело или полотен Ван Гога не могло удовлетворить их амбиции.

— Что толку, что наша колесница Тутанхамона изготовлена в точности по тому способу, как и первоначальная? — жаловался глава отдела Фауст Вагнер по кличке Мефистофель.

Он, как и многие алитейцы, получил своё имя на волне родившейся вместе с ретроскопом модой на старину, и прозвище заработал благодаря ей же; даже историки, не говоря об обычных гражданах, были не слишком разборчивы в выборе имён для своих детей, что впоследствии приводило к забавным каламбурам. Фауст теперь почти каждый день наведывался к Стейбусу во время перерывов, интересуясь ходом дел.

— Поднажми, Покс, — уговаривал он. — Это сейчас мы числимся самыми бесполезными сотрудниками здесь. Если ты вскроешь Тёмный период… Представляешь себе? ДА ТЫ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ???

— Я представляю себе это ОЧЕНЬ ХОРОШО, дружище, — в тон ему отвечал Стейбус, тоже повышая голос. — Но ты же понимаешь, как мало надежд на то, что мы в ближайшем будущем заметно изменим ситуацию и активизируем работу твоего отдела. Надо сперва пройти весь первый этап Космической эры, изрядный кусок второго, и только где-то ближе к третьему этапу мы наткнёмся на неизвестные нам технологии. Это же лет семьсот вперёд! СЕМЬ ВЕКОВ, ДОШЛО ДО ТЕБЯ? — заорал Стейбус, теряя терпение. — СЕМЬСОТ ЛЕТ ТЁМНОГО ПЕРИОДА!!! Я ЧТО ТЕБЕ — ВОЛШЕБНИК?

Фауст отступил назад и рухнул в кресло, словно его сбило с ног порывом ветра.

— Мне просто надоело загружать своих ребят постройкой пирамид и рисованием картинок на тряпках и штукатурке, —

пожаловался он. — Ты ведь видел, какую площадь занимает Музей Прошлого — павильоны, и то, что под открытым небом? А реконструкторам всё мало. Сейчас восстанавливаем Сикстинскую Мадонну — это наш главный проект на неделе. Слава богу, общий принцип подбора ингредиентов для красок того времени мы поняли уже давно. Но чуть ли не каждый из этих негодяев готовил краски самолично, по своему особому рецепту, представляешь? И ещё меняли состав в разные годы своей жизни. В общем-то, различия иногда настолько незначительны, что я не представляю себе, зачем на этом так зацикливаются реконструкторы. Но ты же в курсе, какие у нас требования. Если ошибусь, Олли с меня голову снимет. Ты вот знаешь, чем отличались краски на холстах Рубенса от…

— И знать не хочу, — остановил его Стейбус.

— Счастливый человек! Я ещё готов признать, что нельзя шлёпать полотна фламандцев по рецептам византийских иконописцев, но… Видел нашу Плащаницу Сансеверо? — перебил сам себя Фауст, внезапно переходя на скульптурную тему. — Автор — Джузеппе Санмартино. Мы чуть с ума не сошли, подыскивая аналог подлинному мрамору, который он использовал. Даже сделали запрос лидийцам. Но наконец отыскали прямо у себя под боком — здесь, на Алитее, в каменоломнях Тунаку. Они были заброшены ещё до начала Нового Расцвета... Нам больше не выделяют достаточно средств на прямое синтезирование — ты же знаешь, сколько это стоит. Но теперь всё закончили и только что сдали в Музей.

— Я видел, — сказал Стейбус. — Христос там как живой. А это покрывало на нём кажется почти прозрачным, даром что мраморное.

— Да уж точно. Сделали не хуже, чем сам Джузеппе, — не без гордости сказал Фауст. — Может, и получше будет. Но вся слава — реконструкторам. А мы…

— Терпи. Двигаться вперёд по Тёмному периоду — это тебе не за Рафаэлем подглядывать. Делай свою Мадонну, а остальное предоставь мне.

* * *

На следующий день после разговора с Фаустом, Стейбус ушёл с работы пораньше — привилегии начальника отдела позволяли ему это. Предстояла важная встреча, но нужно было заскочить домой и переодеться. В рабочих районах Сестории, в беднейших объединённых кварталах, дорогой деловой костюм сотрудника

первого уровня мог не только привлечь излишнее внимание окружающих к его владельцу, но и спровоцировать нападение с целью грабежа. А выходя из дома, он на сей раз обратил особое внимание на реакцию контролёра пешеходной сигнализации, смонтированного в дверном проёме. Контролёр засветился ровным зелёным светом, подтверждая полную работоспособность её сегментов, тонких, как и обычная ткань, имевших на рубашке и брюках Стейбуса вид серых вставок.

Вновь брать из бокса только что поставленный туда собственный икар Стейбус не стал, а вызвал частное такси. Некоторая конспирация не помешает. Маршруты полётов такси хранятся в памяти компьютеров диспетчерской службы десять суток, а вот личного транспорта — тридцать. Что касается пилотов, то они вряд ли помнят всех своих клиентов уже к концу смены.

Машина круто пошла в небо сразу же, как только он успел пристегнуться. Не обращая внимания на таксиста, Стейбус задумчиво рассматривал панораму столицы. Картина невольно напомнила ему эпоху перенаселения Земли. С детства заинтересовавшись Тёмным периодом, он сперва, будучи ещё школьником, пересмотрел все разрешённые к открытой публикации материалы по Известной истории, а потом, став лицензированным историком, — и остальные, хранившиеся в сводном архиве Содружества.

Их было немного, и большинство оказались не слишком информативны. Однако общее представление об эпохе перенаселения и последовавшим за ней первом этапе освоения Большого космоса Стейбус имел, и вполне определённое. Алитея сейчас столкнулась с той же проблемой, но по иной причине. Землян до изобретения гипердвигателей держала на родной планете невозможность основать достаточное число космических колоний, а алитейцы, в распоряжении которых находились превосходные космические корабли, попросту не имели возможности в полной мере пользоваться свободой селиться где угодно. Необычайно мягкий и ровный климат сделал организм коренных алитейцев чрезвычайно уязвимым к любым внешним воздействиям, как и вообще к перемене мест: жители тропического пояса избегали селиться в умеренных широтах, и наоборот. Приезжие, попадая в эту дьявольскую ловушку с райскими условиями, также быстро сдавали позиции в борьбе за приспособляемость и жизнестойкость. Лишь немногие сохраняли устойчивый иммунитет и могли уезжать во Внешние Миры и на планеты Гойи, но мало у кого возникало желание менять относительное благополучие столичной планеты и её сердца —

Сестрории, на сомнительную безопасность и отсутствие комфорта колоний, особенно пограничных. А вот оттуда на Алитею люди приезжали тысячами, привлечённые блеском, богатством и перспективами, которые обещала столица… Плюс естественный прирост населения. Слава богу, что вовремя спохватились, ввели лимиты на въезд, приняли меры по ограничению рождаемости, запретили свободные поселения, пресекли дальнейшее развитие сплошной застройки в крупнейших мегаполисах…

Объединённый квартал Е-14, входивший в состав жилого массива Лессика, издали напоминал полуразрушенную пирамиду неправильной формы и с неровным верхом, составленную из огромных пустых коробок. С трёх сторон к пирамиде примыкали такие же точно кварталы Лессики, а из её многоуровневой «кровли» торчали, задевая низкие облака, башни мегабилдингов — эти ареалы обитания сотрудников второго класса и выше. Изредка там отваживались селиться и отдельные храбрые третьяшки, имевшие побочный доход. Что касается автономных жилых модулей, подобных тому, в котором жил сам Стейбус, то их могли позволить себе только те, кому родители оставили какое-никакое наследство. Модули лепились, подобно ячейкам пчелиных сот, поверх внешних стен объединённых кварталов, придавая их рельефу ещё большую неровность. А если позволяли средства, то владельцы блоков могли обосноваться и повыше — на безразмерных крышах мегабилдингов, договариваясь с соседями и составляя из своих домов причудливые конструкции, наподобие гигантских ребристых сталагмитов.

Самые состоятельные предпочитали зелёные зоны, разделявшие жилые массивы и отдельные кварталы. Департамент природных ресурсов ревностно следил за сохранностью лесополос, разрезавших вдоль и поперёк царство бетона и металлопластика под названием Сестрория. Стоимость участков на этих своеобразных зелёных улицах была непомерно высока, а их число ограничено. Даже земля за городом, в куда более приятных и экологически чистых местах, стоила намного дешевле. Но у тех, кто хотел вести по-настоящему уединённую жизнь не выезжая при этом из столицы, не было другого выбора.

Икар пошёл на снижение, нырнул в жерло приёмника одного из общественных ангаров, и Стейбус в очередной раз поразился мастерству профессиональных столичных пилотов. Сам он никогда не решился бы входить в приёмник на такой скорости. Расплатившись, Стейбус прошёл к обойме скоростных лифтов и спустился на третий подземный уровень.

Здесь царили шум и сутолока, типичные для объединённых кварталов. Атмосфера нездорового напряжения и спешки,

особенно заметная на уровнях со знаком «минус», как и всегда в первые минуты его оглушила. Магазины, частные кафе, дешёвые общественные столовые, тянущиеся в обе стороны от лифт-обоймы — вправо и влево; эскалаторы во всех направлениях и под разными углами, ведущие на другие этажи минус третьего уровня и на другие уровни; тонированные окна жилых секций и квартир; непрерывный людской поток на «стоячих» тротуарах и движущихся пешеходных дорожках; свет фар внутреннего транспорта, вспыхивающий на сигнальных системах пешеходов… А дальше — провал туннеля сквозной скоростной трассы, с нитками монорельсов и размазанными огненными полосами мчащихся на бешенной скорости поездов Транслайна, метеорами многоместных маршрутных икаров, летящих от остановки к остановке в этом подземном царстве для того, чтобы где-то вырваться наверх, а где-то — нырнуть ещё глубже… Зелёные огни безопасных переходов, ведущих на другую сторону транспортного потока, и Стейбус, сориентировавшись, направился к одному из них. Услугами навигатора квартала он пользоваться не мог всё из тех же соображений конспирации: маршруты пешеходов, обратившихся к нему, записывались и хранились в памяти достаточно долго.

Агиляр уже ждал его в условленном месте, за столиком в небольшом и достаточно уютном для объединённого квартала кафе. Он успел заказать бутерброды, салат и напитки для обоих. Зона конфиденциальности вокруг стола, понятно, была уже включена.

— Рассказывай, — предложил Стейбус, отодвигая для себя стул, и при взгляде на тарелки понял, что ужасно голоден. Только сейчас заметил это. — Что ни говори, а членам Синдиката не откажешь в умении сразу находить общий язык с клиентом, — улыбнулся он. — Можно подумать, что ты сенситив.

— Я не сенситив, — успокоил его Агиляр. — И твой второй пси-экран достаточно хорош против любого сенситива — как и стандартный.

— Никогда не упустишь возможности порекламировать свою контору, да? Ведь второй экран мне ставили вы.

— Ну, сам себя не похвалишь… А организовать заказ человеку, который только что с работы и не успел перекусить по твоей же вине — это уже обычная вежливость.

— Хорошо, что ты сразу перешёл к делу, — одобрил Стейбус, принимаясь за еду. — Так зачем ты хотел меня видеть? Насколько я помню, никто из нас никому ничего не должен, стоящих хроник на продажу у меня пока нет, а те лингвистики, которые ты мне в последний раз толкнул, я даже не успел толком опробовать. Но

оценить всё же смог, и в высшей степени доволен. Как Синдикату всегда удаётся опережать лицензированных программистов, да и нелегалов тоже?

— А на что иначе мы существовали бы? — улыбнулся Агиляр. — Бизнес есть бизнес. Если ты не сумел обойти конкурентов, так значит, конкуренты обошли тебя. А остальным нелегалам до Синдиката далеко. Даже команде «Ретродрома».

— Я думал, что «Ретродром» это и есть Синдикат, — осторожно заметил Стейбус. Лезть в чужие дела он не любил, особенно в дела нелегалов, но раз уж зашёл разговор…

— У тебя неполная информация. Они нам отчасти подконтрольны, поскольку члены Синдиката вкладывают деньги в некоторые проекты… Мы имеем свою долю с их бизнеса, а они с нашего — нет. Хорошие ребята, но сплошь горячие головы, и слишком любят деньги.

— А вы, значит, бессеребренники, — саркастично заметил Стейбус не удержавшись.

— Нет, конечно, — ответил Агиляр. — Но предпочитаем зарабатывать по-крупному. И более чисто. Говорят, что деньги не пахнут… Однако на самом деле они зачастую пахнут. Служить проводниками у сексуально-неудовлетворённых ссыкунов — это удел ретродромовцев.

Стейбус доел салат и принялся за бутерброды, запивая его превосходным кофе. Интересно, откуда взялось такое чудо в этом королевстве дешёвой бурды? Растворимый, но высшего качества. Не иначе как Агиляр принёс пару пакетиков с собой, зная вкусы своего гостя.

— Короче — зачем ты меня позвал? — спросил он напрямую. — Мне лишние контакты с нелегалами точно также не нужны, как и Синдикату — со мной.

Агиляр откинулся на спинку стула и оценивающе посмотрел на собеседника, словно прикидывая, стоит ли начинать. Стейбус знал, что этот человек служит всего лишь в качестве курьера, передавая то, что ему велено. Тогда чего ждёт?

— «Вавилон», — сказал Агиляр наконец. — Я даже спрашивать не буду, хочешь ли ты его получить.

Стейбус вздрогнул и обжёгся горячим кофе. Слухи о том, что подобная программа создана, ходили уже давно, однако все здравомыслящие временщики — и официалы, и нелегалы — относили существование этого оптимизатора к разряду сказок. «Вавилон» неоднократно упоминался не только на «Ретродроме», но даже в статьях авторитетов «Кроноса». В последних, впрочем, лишь для того, чтобы сразу дать разгромное опровержение и доказать невозможность самого существования оптимизатора,

позволяющего мгновенно адаптироваться в любой временной эпохе и любой культурной среде.

— Ты же не станешь всерьёз думать, что наше предложение — шутка, — сказал Агиляр, заметив замешательство Стейбуса. — Или что программа не соответствует тому, что о ней говорят. Ты за время нашего знакомства истратил на программное обеспечение кучу денег, принеся неплохой доход Синдикату. А в виде комиссионных — лично мне. Ты у Блэкбэда на особой заметке, он сам тебя дурить не станет и другим не позволит. Слишком ценный клиент для того, чтобы пытаться сорвать с тебя бабки на одной-единственной фуфловой сделке.

— Я не уверен даже, что ваш чёртов Блэкбэд существует в действительности, — проворчал Стейбус, напряжённо размышляя. Он и вправду сомневался в реальности упомянутого персонажа ретрофольклора, которому и новички, и опытные путешественники приписывали самые невероятные способности и деяния. Скорее всего, под этим псевдонимом скрывалась группа ловких людей, не желающих себя афишировать даже в среде нелегалов.

— Можешь думать, как тебе хочется, — равнодушно отозвался Агиляр. — Я и сам раньше считал так, пока не встретился с ним. Но он существует, и не прочь с тобой пообщаться.

«Это какой-нибудь глупый новичок с «Ретродрома» душу продаст ради того, чтобы пообщаться с мэтром, — зло подумал Стейбус. — К чему это он подводит? Знает же, что я не смогу понять, с настоящим парнем я говорю или с подставным лицом. Хоть по связи, хоть лично — всё равно… Но тогда получается, что Агиляр говорит правду, и Блэкбэд на самом деле реальный человек. Иначе какая ему польза убеждать меня в существовании Блэка, выдавая за него кого-то другого?»

— Ладно, давай, — согласился он, не понимая ещё, зачем и каким образом Агиляр намерен свести его с королём нелегалов.

Агиляр поднял руку и, нажав пальцем во впадину за правым ухом, сказал вдруг негромким но звучным басом:

— Привет Стейбус. Давно хотел с тобой познакомиться.

На Стейбуса накатило чувство нереальности происходящего, и он никак не мог разобраться, в чём тут дело, но потом до него дошло, что Агиляр произнёс реплику с закрытым ртом. Голос Блэкбэда, минуя органы чувств, звучал в голове.

— Привет Стейбус. Давно хотел с тобой познакомиться.

«Прямая мыслепередача! — внутренне взвыл Стейбус. — У меня же трансцессор отключён! Погоди, — остановил он сам себя. — Это больше — прямая пси-трансляция через Агиляра! Вообще

из области фантастики! Откуда он говорит? Как я могу его слышать? С выключенным трансцессором…»

— *Нужен мне твой трансцессор как барану азбука,* — отозвался Блэкбэд. — *У меня его вообще нет — и ничего.*

Сообщив столь любопытный факт, Блэк умолк, видимо не собираясь объяснять, как возможно полноценное пси-общение с одним отключённым и одним отсутствующим прибором, да ещё посредством третьего лица. Стейбус попытался самостоятельно осмыслить происходящее. Напрашивался вывод, что его дурачат, однако принять его он не мог по одной простой причине: в Синдикате работают серьёзные люди, зашибающие очень серьёзные деньги, и они наверняка найдут себе занятие поинтереснее, чем пудрить мозги клиенту, который им столько переплатил.

— *Справедливо,* — одобрил Блэкбэд, когда Стейбус додумал до этого места.— *Давай не станем углубляться в вопросы реальности моего существования или разбирать мой способ с тобой разговаривать. Главное то, что ты меня понимаешь. У меня к тебе предложение. Но сперва задам вопрос. Как думаешь, на сколько потянет «Вавилон», появись он завтра на чёрном рынке?*

— *Да хоть сто тысяч,* — ответил Стейбус, приходя в себя. — *Можно запросить сколько угодно, и покупатели всё равно найдутся.*

— *Грамотно мыслишь, историк. Мы планируем брать по сто пятьдесят тысяч. Это даст возможность извлечь максимальную прибыль, а большая сумма была бы уже грубостью. Но для того, чтобы требовать такие деньги, нужно быть уверенным в надёжности программы. Пока её обкатывали только члены Синдиката. Для обычных пользователей такая проверка подойдёт, но мы планируем предложить новинку и частным лицензированным историкам.*

То есть, конкурентам Академии Времени, подумал Стейбус. Что ж, они на это клюнут. Они на всё готовы, лишь бы утереть нос Оллентайну. Но потребуют гарантий. А гарантия, которой они поверят, может быть дана тоже только лицензированным историком, причём очень известным…

Правильно. Всё встало на свои места.

В настоящее время самый известный историк после Оллентайна — это он, Стейбус.

Только теперь ему пришло в голову, что благодаря прорыву по изучению Тёмного периода его имя сейчас гремит и на «Кроносе», и на всех остальных официальных и неофициальных сайтах временщиков. Возможно, слава несколько раздутая и не приносящая лично ему особой пользы, но это громкая слава.

— Проверишь, поприсутствуешь на двух – трёх первых сделках и выскажешь клиентам своё мнение, — сказал Блэкбэд. *— Мы-то уже сейчас уверены в том, какое оно будет — оптимизатор замечательный, и он универсален. Своего рода виртуальный трансцессор для беспрепятственного чтения мыслей людей прошлого, а значит, свободного перехода по цепочкам агентов без всякой подготовки и алгоритмов… Сам понимаешь, в такого рода сделках или верят на слово, или не верят вообще. Так что подписей и печатей не будет. Просто расскажешь о своих впечатлениях от использования. Потом слух распространится, и необходимость в твоём присутствии отпадёт.*

— *А мне что с этого?* — спросил Стейбус, хотя уже понял, что ему предложат.

— «Вавилон» бесплатно, — ответил вдруг Агиляр вслух и своим собственным голосом.

Стейбус аж подскочил на своём стуле от неожиданности.

— Куда он делся?

— Блэк? Он, знаешь ли, мне не докладывает. Это я ему докладываю. Если сейчас согласишься — доложу об успехе переговоров с тобой. Если нет — уполномочен обозвать тебя кретином и послать к дьяволу.

— Согласен, — вздохнул Стейбус. — Хотя с удовольствием набил бы морду Блэкбэду и лично тебе — для разрядки.

— Блэка ты вряд ли достанешь, а я в твоём распоряжении, — улыбнулся Агиляр. Улыбка у него была по-женски мягкой. Стейбус с самого начала знакомства подозревал его в гомосексуальных наклонностях. — Развлекись, если хочешь, это безопасно. Я даже сдачи тебе дать не смогу. Слишком уж ты здоров против меня.

— «Вавилон» по вечерам не обкатаешь, — задумался Стейбус. — Можно, конечно, но займёт целый месяц. Или два. Придётся брать отпуск. В институте бы поработать, но туда такую штуку не пронесёшь.

— Пронесёшь, — возразил Агиляр.

— Сдурел?!? Сразу заметят — и голову на плаху.

— Есть способ. Ставишь у нас мозговой трансцессор. «Вавилон» сделан так, что его не обязательно грузить в ретроскоп, как обычный оптимизатор. Его можно зашить прямо в имплантат. Чувствуешь, какие преимущества? Программа всегда при тебе, куда бы ты ни пошёл. А в том, что наши имплантаты проходят любой контроль невидимками, ты уже убедился. Синхронизатор твой не заметили ведь?

— Ты на что меня толкаешь? — сквозь зубы процедил Стейбус. — У меня денег столько нет. Сначала забросил наживку,

а теперь…

— Плохо думаешь о нас. Синдикат даёт рассрочку на год. И на прибор, и на операцию. Тебе за год расплатиться — раз плюнуть, даже не заметишь. Прикинь, какие хроники ты насобираешь с «Вавилоном».

— На операцию надо время! — повысил голос Стейбус, забывая где находится. Впрочем, зона конфиденциальности вокруг их столика могла поглощать и реплики на повышенных тонах — до известного предела.

— Ты только что собирался взять отпуск, — напомнил Агиляр. — Подсадка и адаптация займёт всего три дня. Потом пару дней отдохнёшь в своей берлоге. Подумай, ведь ты всё равно не сможешь использовать «Вавилон» на всю катушку без трансцессора — неужели не понимаешь? Разве что дома. У всех парней, которые его испытывали, стояли имплантаты. Что толку в таком оптимизаторе, если вы в вашем институте обработку данных ведёте строго через внешнюю аппаратуру и аналитический отдел? Вот и плетётесь вечно в хвосте, позади любого толкового нелегала. Сколько раз вам за последние десять лет утирали нос частные историки? А зашив «Вавилон» в имплантат, ты получишь живую саморазвивающуюся программу. Чем чаще станешь его кормить данными, тем лучше он будет работать. Да что я тебе азы объясняю!.. Бери, пока дают. Залезешь ещё дальше в свой Тёмный период. Сможешь в одиночку работать за весь свой отдел. Готовить платформы в прошлом не нужно. Вообще ничего не нужно — просто полная свобода перемещений во времени.

— Один вопрос, — наклонился вперёд Стейбус. — Ты себе «Вавилон» поставил? Вот так, вместе имплантатом?

— Ну а ты как думаешь?!? Естественно!.. Это только таких упёртых быков как ты надо часами уговаривать!

Глава 8

По непроверенным данным, недоступность сверхдальней временной зоны, т.е. периода, предшествовавшего третьему – четвёртому тысячелетию до н.э. Известной истории Земли, объясняется совершенно другим восприятием действительности у людей того времени.

Многие путешественники отмечают, что при попытке подселить своё сознание агенту, они полностью или частично теряли связь с его органами чувств, их поражала слепота, так что они не могли ничего видеть вокруг. Если при путешествиях в пятое тысячелетие до н.э. подобные случаи единичны, то по мере погружения в прошлое указанный эффект отмечается всё чаще и проявляется всё ярче, вплоть до полной изоляции сознания путешественника. Остаётся предположить, что в глубоком прошлом у людей не только логика и система образного восприятия отличались от наших, но и мозг имел несколько иное строение.

Статья на сайте «Кронос» в Галактической информационной сети «Глобал». Автор не идентифицируется.

Стейбус взял в институте недельный отпуск за свой счёт, оставив своим заместителем Рида. За последнее время отдел накопил горы информации, которую ещё предстояло систематизировать и осмыслить; так что аналитик в качестве временного руководителя был кстати.

Операцию по вживлению трансцессора провели в подпольной клинике, ютившейся в частной квартире в недрах Лессики. Несмотря на убогость обстановки, техника здесь была первоклассной и работали великолепные специалисты — бывшие врачи, попавшие ранее под запрет за проведение незаконных имплантаций. В квартире по соседству находился адаптационный центр, где Стейбус и провёл последующие три дня в компании ещё нескольких пациентов.

В клинику его проводил Агиляр, и забрал оттуда он же. Пройдя по запутанному маршруту, они вновь оказались в том кафе, где Стейбус впервые говорил с Блэкбэдом.

— Ты хорошо знаешь Блэка? — спросил Покс.

Агиляр задумался.

— Его никто хорошо не знает, — ответил он наконец.

— Кто он такой?

— Ну, у тебя и вопросики… Хрен его разберёт, — признался Агиляр. — Блэк впервые вышел на меня так же, как и на тебя

несколько дней назад — сам. Ты вот думаешь, что он общался с тобой через меня? Не-е-ет, это я включил пси-канал, чтобы вас слышать, а он транслировал тебе и мне одновременно. А откуда и как говорил — неизвестно. О нём такое болтают… Болтают всяко, но он действительно потрясающий чувак. Во всех смыслах. И самый крутой временщик, которого я знаю. Он научил меня подселяться в тела женщин.

— Врёшь! — недоверчиво воскликнул Стейбус. — Это невозможно! Да это же один из основных принципов ретроскопии: мужчины — только к мужчинам.

— В том и дело. Но там, оказывается, ничего сложного нет. Надо только знать способ. Если хочешь, я пришлю тебе оптимизатор. Даром мне достался, и я тебе подарю. Совершишь с ним пару вылазок, а потом его усвоит твой «Вавилон», и программа больше не понадобится. Могу даже и эпоху указать подходящую, и этническую семью. Да что уж, сразу пришлю тебе запись с десятком готовых платформ. На первом этапе тебе пригодится. Лучше не придумать — там почти одни бабы. Амазонки.

— Амаз… кто?.. Да это же неизвестно когда было! Если они ещё вообще существовали. В пределах Известной истории настоящих амазонок не нашли.

— Пока не нашли, — поправил Агиляр. — Сколько процентов хронообъёма Древнего мира освоено Академией? Пять процентов? Скорее — ноль-ноль-пять, если не меньше. И зачем тебе Известная история? Поищи в сверхдальней зоне.

— Поищи! — воскликнул Стейбус. — В сверхдальней зоне — сам знаешь, какие условия… Слушай, дружище, я от вас с Блэком уже столько наслушался, что на год хватит удивительного и загадочного. Не надо перегибать палку и портить эффект.

— Фома неверующий… Определение знакомо? Так вот — это ты. С чего ты взял, что в сверхдальнюю зону нельзя путешествовать?

С чего он взял? Да это же и дети знают! Нельзя — и всё, и нечего тут… Стейбус остановил внутренний монолог, так ничего вслух и не сказав. Совсем недавно он считал, что не существует универсальных оптимизаторов. Однако множество людей, и в их числе Агиляр, ими давно пользуются.

— Так амазонки существовали на самом деле? — спросил он. — Где находилось государство?

— Тебе сразу государство подавай, — усмехнулся Агиляр. — А если скажу, что не было такого? У вас, историков, отвратительная привычка усложнять простое и упрощать сложное. Достаточно правильно об амазонках можно судить даже

по официальным публикациям на «Кроносе» — вашим же публикациям. Но куда вам, вы же боитесь очевидные выводы делать, пока всё не станет ясно как белый день. Правда, в дальней временной зоне видно лишь след культурных традиций, оставленный у множества народов их предшественниками. Наиболее заметен он у скифских племён, а до них — у древних ариев. Но арии, протогосударство которых вы так до сих пор и не нашли, сами являются наследниками культурных традиций ещё более древних народов. Когда-то эти народы были единой нацией, но так глубоко я не забирался. Назовём их условно гипербореями, поскольку их самоназвание я на нашем языке я вряд ли смогу внятно выговорить. Их цивилизация, по-видимому, погибла в конце ледникового периода. Уцелели немногие. Они медленно двигались на юг откуда-то с севера Евразии, постепенно смешиваясь с местными племенами. Самая крупная партия обосновалась на территории будущей Скифии. Другая, менее значительная, из Сибири через Саяны и Монгольский Алтай добралась до Китая, а потом и до Индии. Третья переправилась в Африку через Гибралтарский пролив. Учти, что попутно они основали десятка два государств, большинство из которых исчезло уже к началу Известной истории, а сам процесс продолжался не одну тысячу лет. Последние две партии были сравнительно малочисленны, и впоследствии просто растворились среди покорённых ими народов. Да, собственно, и с первой произошло то же самое, но значительно позднее. Она продержалась дольше всех, и там можно без особого труда отыскать амазонок, оставивших свои следы в древнегреческих мифах. И чтоб ты лучше понял, что они такое, сперва стоит разобраться с нравами людей, что их породили.

Агиляр сделал паузу, собираясь с мыслями.

— За несколько тысячелетий медленной деградации культуры и постоянных переселений гипербореи опустились до уровня кочевых племён, у которых земледелие имело подчинённый характер по отношению к скотоводству. Единственное, что менялось мало, так это традиции, унесённые ими со своей родины, с берегов Ледовитого океана, который ледовитым тогда ещё не был. У них, как и полагалось, на первом месте были мужчины, а женщины — на вторых ролях, но пользовались большой свободой и уважением. Например, обычай погребения жён вместе с умершим мужем только позднее стал обычаем, как, впрочем, и многожёнство. Но первоначально практиковалось единобрачие. Жена часто кончала самоубийством одновременно со смертью мужа — по собственной воле, из настоящей любви, понимаешь? — хотя имела полное право

вступить во второй брак, и это не осуждалось. Добровольное восхождение на погребальный костёр обставлялось очень торжественно и выглядело эффектно. Ну и во всём остальном женщины были наравне с мужчинами, но их главной обязанностью считалось рождение детей и хранение семейного очага — всё в подобном роде. Понятно, такая обуза сама собой отодвигала их на задний план в повседневной жизни. Потомки гипербореев вели непрестанные жестокие войны с соседними племенами, а иногда и друг с другом. По мере того, как гибли мужчины, женщины и девушки занимали их места, и это приводило к тому, что некоторые отряды больше чем наполовину, а то и целиком состояли из женщин. Прекрасные наездницы, они владели всеми видами оружия и могли сражаться как в конном, так и в пешем строю. Некоторые из них — те, что не были уже способны к деторождению, действительно ампутировали себе одну грудь или обе — для более удобной стрельбы из лука, как стали считать позднее. Однако ритуал имел прежде всего мистический смысл. Символ принесения в жертву богам войны своего женского естества… Если учесть уровень медицины того времени, когда операция проводилась без наркоза и заканчивалась прижиганием раскалённым в костре мечом, да ещё это делалось на глазах у всего племени, странствующих торговцев и послов союзников, то такие нравы не могли не получить широкую известность среди соседних народов. Отдельные ритуалы, да ещё свирепость и беспощадность амазонок наводили дикий ужас на врагов. Они ведь были, по сути, смертницами, только выбирали гибель в бою вместо погребения заживо или сожжения на костре, а основной задачей считали месть за погибших мужей. Такие штуки, как поголовное истребление на захваченных территориях всех мужчин вплоть до грудных младенцев, были обычным делом. Они не брали пленных, а зачастую и добычу, выжигая на своём пути все поселения подряд, заранее планируя рейд только в один конец — без возвращения обратно. Можешь не сомневаться, что мифы, в которых описываются победы героев над амазонками, сущая брехня, придуманная пострадавшими от их нашествий ради самоутешения, поскольку в действительности всё бывало наоборот. Ну и, конечно, иногда среди амазонок попадались властолюбивые женщины, не спешившие умирать; скорбь оказывалась подзабыта среди кровопролитных сражений и лесбийской любви, которая процветала в их шатрах. Тогда организовывались настоящие профессиональные дружины опытнейших убийц, которые ничем кроме войны не занимались, и уж эти-то не брезговали ни добычей, ни ловлей рабов. Но

настоящим народом они никогда не были. Когда войны наконец прекращались, и подрастало достаточное число детей мужского пола, на их землях начиналась нормальная жизнь, а если мирный период длился долго, то «королевство амазонок» бесследно исчезало, чтобы возникнуть вновь в случае необходимости. Позже можно наблюдать то же самое у древних ариев, скифов, славян и скандинавов, только в более скромных масштабах, ведь все они так или иначе подверглись влиянию гиперборейской культуры.

Родовые и межродовые связи у потомков гипербореев были очень сильны, и вели они себя соответственно. Стоило кому-то постороннему задеть один род, как в свару тут же ввязывались и все соседние с ним рода, а если враг упорствовал и продвигался вглубь страны, то начиналось что-то вроде цепной реакции. Не успевали агрессоры как следует поразмяться, как перед ними возникало целое войско, причём непрестанно увеличивающее численность за счёт регулярно прибывавших подкреплений. Такой феномен породил ещё один миф — о воинах, растущих прямо из земли, если в неё посеять зубы дракона. Помнишь греческий миф об аргонавтах? Язон пашет и засевает поле; на нём вырастают воины, с которыми он должен сражаться. А зуб дракона, да будет тебе известно, у древних символизировал вражду. Конечно, в мифе идёт речь о Колхиде, но оттуда до причерноморских степей рукой подать.

Стейбус с невольным уважением посмотрел на Агиляра.

— Хочешь, я порекомендую тебя в Институт сравнительной истории? — спросил он. — Место ведущего исследователя тебе гарантировано.

— Нет! — засмеялся Агиляр. — Да и не возьмут меня. Не мне тебе рассказывать о ваших долбаных порядках. И неинтересно. Ваши профессора по месяцу обнюхивают то, что нелегалы прошли давным-давно за один день. Я ведь сказал — дам тебе все наводки, и работай сам. Совершишь ещё один официальный прорыв и окончательно прославишься. При жизни. А посмертно войдёшь во все анналы, какие только можно.

— Тогда двину в Скифию прямо сегодня, — решил Стейбус. — Дай только домой добраться. Когда пришлёшь материалы?

— Мои материалы не касаются ни Скифии, ни ариев, — сказал Агиляр. — Это гораздо раньше. Шестое – седьмое тысячелетие до новой эры. А позднее… Там те же самые обычаи, только уже извращённые. Те же самые амазонки, но куда им до прежних!.. А если захочешь проверить, то уж снизу вверх ты поднимешься легко. Последняя известная мне мини-держава амазонок возникла и умерла в Скандинавии, в конце первого тысячелетия новой эры. Последнее серьёзное вооружённое

формирование, состоявшее целиком из женщин, если не знаешь, действовало в девятнадцатом веке в Дагомее — «дагомейские амазонки». Их было шесть тысяч, и они представляли собой наиболее боеспособное подразделение этого африканского государства. Однако женская гвардия Дагомеи по своей сути с настоящими амазонками имела мало общего. Ты также можешь попытаться разыскать амазонок де Кесады[20]. Но лучше плюнь на это всё и двигай как можно дальше вниз — во времена войн ахейцев с атлантами. И не надо говорить мне, что атлантов не существовало. Хотя, с кем они там воевали — это ещё надо выяснить. Я давно собираюсь в ту эпоху. Десять тысяч лет до новой эры. Только там и можно найти ответ на вопрос, почему далёкое прошлое недоступно обычными методами. Я успел узнать кое-что… Слушай. За эти данные ты сейчас захочешь убить Оллентайна и сделать меня главой вашего института. Значит, так: в сознание людей там попасть так трудно потому, что у них связь между правым и левым полушарием мозга была намного теснее, чем у нас, или там же, на Земле, но в более поздние эпохи. Почему, как ты думаешь, все эти древние герои, пророки и прочие любопытные персонажи могли так запросто и на полном серьёзе болтать с богами чуть не каждый день? Многие из них имели своих реальных прототипов. И что выходит? Не сумасшедшие же они сплошь. Да и множество пророчеств потом сбылось. Логично предположить, что ещё раньше деление на полушария человеческого мозга было чисто условным — по функциональности. Способ конструирования мыслеобразов и виденье окружающего мира были кардинально иными, поэтому обычные оптимизаторы и оказались бессильны. Вначале я думал, что они принимали за откровения свыше голос собственной глубинной пси-сферы. Однако не всё так просто. Скорее всего, они полноценно общались — но тогда с кем? Так вот что я тебе скажу…

— Не продолжай! — остановил его Стейбус. — Хорошего помаленьку. Мне надо переварить амазонок с атлантами и ваш «Вавилон». Как мне с тобой связаться? Может, оставишь всё же контакт?

— Не дури. Прямых контактов не оставлю. Если меня полиция накроет, ты мне не поможешь. Понадоблюсь — найдёшь меня так же, как и раньше. Ну и сам буду выходить на связь иногда. Интересно с тобой… Глядишь, и ты мне подкинешь что любопытное по Тёмному периоду. Из древности вверх я редко поднимаюсь.

* * *

Вернувшись домой, Покс обнаружил, что забарахлил его домашний ИР. Попытка дистанционной отладки при помощи службы поддержки не удалась, пришлось вызвать техника на дом.

Пик цивилизации, тоже мне, с неудовольствием подумал Стейбус. А делать полноценные искусственные интеллекты так и не научились. До сих пор нельзя сказать, что в них биоматериала больше, чем железа; свободой мышления только лет пятьдесят назад запахло, и то слабо. И даже те, что есть, то и дело выходят из строя… Мы, отправляясь в прошлое, можем сохранить в информбанке копию собственного сознания, но заставить её существовать и развиваться отдельно от тела не в силах. А иначе уже были бы бессмертны. Ну ничего, прорвёмся в Тёмный период, раскопаем секреты Гегемонии…

Когда техник ушёл, Стейбус включил новости, одновременно приказав ИРу искать новую информацию по дальней временной зоне в «Глобале» и готовить обед из трёх блюд. Больше для того, чтобы ещё раз его проверить, чем для чего-то ещё.

ИР, взбодрившийся после общения со специалистом, прекрасно справился со всеми поставленными задачами. Устроившись в гостиной, Покс расправлялся с отбивными и овощным гарниром, продолжая вполглаза следить за событиями, произошедшими в течение последних суток в пределах Сестрории, Алитеи, Содружества. После имплантации у него открылась способность поглощать пищу в гораздо больших количествах, чем обычно. Стейбус был готов к этому, поскольку ещё помнил, какой поистине замечательный аппетит развился у него после вживления синхронизатора. Тогда обжираловка продолжалась в течение месяца.

«Им необходимо предупреждать клиентов победнее о неизбежности дополнительных расходов на еду, — подумал Покс. — Иначе бедняга, установивший имплантат на последние деньги, рискует умереть с голоду прежде, чем сможет им воспользоваться».

ИР по приказу хозяина переключился на новости «Кроноса».

Число удачных Восстановлений увеличилось почти на двадцать процентов по сравнению с прошлым годом… Неудачных — почти так же, но прежде чем бить тревогу, уважаемым господам имярек и имярек следовало бы проанализировать общую статистику, не ограничиваясь частной, считает главный эксперт «Кроноса». Ведь число путешественников, относительно прошлогоднего, также увеличилось. Причём вместе с тем, как ретроскопы дешевеют, а их эксплуатация упрощается, пользователями становятся всё менее и менее подготовленные люди. Вместо того, чтобы учесть данный факт, господа имярек и

имярек предпочитают сеять панику. Не путешествия нужно запрещать, а призвать соблюдать правила безопасности и строго придерживаться режима вхождений.

А вот процент несчастных случаев со смертельным исходом, жертвами которых стали лица, уже пережившие одно Восстановление, действительно вырос, и в этом он, главный эксперт «Кроноса», с вышеупомянутыми господами совершенно согласен. Число официально зарегистрированных ретрозависимых в течение последних лет неуклонно растёт. А если учесть, что на учёт попадают лишь два пользователя из пяти, стоит признать, что наши перспективы далеки от радужных.

Однако главный эксперт «Кроноса» категорически против метода ведения дискуссий с использованием предположений в духе «что было бы, если бы…» Такой подход нельзя назвать приемлемым. Что было бы, ограничь мы с самого начала доступ к путешествиям для частных лиц? Что было бы, прими мы вовремя закон об обязательной регистрации в Академии Времени каждого нового путешественника? Бесполезно думать об этом. Если у Академии и была такая возможность, то ни у неё, ни у Коллегии Мастеров уж точно нет и не имелось возможности всех путешественников контролировать. Так что давайте оставим в покое вопрос о том, какие мудрые шаги мы могли бы предпринять ещё на заре ретроскопии. Пусть мёртвое прошлое хоронит своих мертвецов…

Стейбус, расправившись со второй порцией десерта, заказанной ИРу по горячим следам вдогонку к первой, наконец почувствовал себя относительно сытым. Отнеся грязную посуду на кухню и сбросив её в посудомойку, он напоследок самолично сделал себе в кухонном комбайне стакан молочного коктейля с мороженным и тёртым шоколадом.

Вернувшись в гостиную, Покс первым делом вырубил надоевшего ему главного эксперта. «Пусть мёртвое прошлое хоронит своих мертвецов…»

Но пока что не прошлое, а мы сами их хороним, подумал он. А прошлое, будь оно сто раз мертво, исправно собирает дань с настоящего. И главное не в этом. Главное в том, что тем или иным образом меняются оставшиеся в живых. Никто не может выйти из реки Времени точно таким же, каким туда вошёл. Лишь сама река остаётся неизменной.

Стейбус подумал, что отвечая в отношении самого себя на вопрос: «что было бы, если бы…», он не сможет не признать факта всестороннего влияния путешествий на свою судьбу, личность, взгляды… Не существуй ретроскопии — вся его жизнь сложилась бы совершенно по-иному. Не только другая профессия, не только

другие увлечения, — другой человек… А об людях, которые путешествуют лишь ради удовольствия (особенно о тех, чьи удовольствия закончились Восстановлением), и речи нет.

Взгляд Стейбуса задержался на генераторном блоке ретроскопа.

Во все времена люди мечтали изобрести машину времени, но это не получилось. И тогда мы изобрели прибор для просмотра давно ушедших эпох. Не совсем то, о чём мечтали, но зато это безопасно. Прошлое остаётся для нас лишь занятным фильмом, заповедной зоной, свободной от прямых вторжений чужаков из будущего, защищённой от грубых ошибок, которые мы, несомненно, допустили бы.

Но Прошлое-С-Большой-Буквы, каким мы его увидели, оставаясь неизменным, само изменило наше время… Нет, не так. Просто мы превратили для себя Древний мир в клуб по интересам, арену для развлечений. Мёртвое Прошлое меняет наш мир, пользуясь нашими похотями, и делает это успешнее, чем мы могли бы повлиять на него, изобретя самую настоящую машину времени. Люди уходят в пространство ретроскопа, растянутое на тысячелетия и миллиарды жизней тех, кто давно мёртв. Не все возвращаются назад живыми. Не всем помогает Восстановление. Большинство стремятся в трясину дальней временной зоны, едва выбравшись оттуда. Меняют агентов. Ищут новых.

А какое до этого дело Прошлому? Никакого. Это ваши проблемы, говорит оно. Проблемы клиентов.

Стейбус вздохнул и уселся в кресло. За себя он не беспокоился. Всё не так страшно, если знать меру.

Часть вторая. ПРОБЛЕМЫ АГЕНТОВ

Глава 1

Благодаря рекламе в средствах массовой информации, некоторые до сих пор считают ретроскопию самым корректным способом путешествий во времени из всех теоретически возможных. Но давайте скажем правду: РЕТРОСКОПИЯ — ПОПРОСТУ ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ НАМ ПРАКТИЧЕСКИЙ СПОСОБ. Однако это ещё не делает её безопасной.

Статья на сайте «Кронос» в Галактической информационной сети «Глобал». Автор не идентифицируется.

Иногда пребывание в теле нищего сулит не меньше выгод талантливому исследователю, чем работа с сознанием царя той же самой страны. Особенно это касается тех случаев, когда необходимо увидеть стороны жизни, тщательно скрываемые преданными приближёнными от сильных мира сего. Стейбус знал это, как никто другой. Уже несколько дней по внутреннему времени ретроскопа он сидел перед воротами Иерусалимского храма, прося подаяние.

Точнее, милостыню просил его агент по имени Иосиф. Доктор Покс наблюдал за процессом непосредственно глазами нищего, иногда для разнообразия перемещая свою личность в голову одного из стоящих на страже перед входом в храм левитов. «Вавилон» действовал отменно, и с переходом из сознания в сознание никаких проблем не возникало, хотя внутренний мир иерусалимского оборванца разительно отличался от мира левита. Но они оба были местными жителями, и воспринимали происходящее вокруг как должное. Стейбус же не переставал восхищаться своим агентом и его деятельностью, которую он про себя окрестил «техникой подоения».

Именно так, через «ое», поскольку Иосиф изо дня в день занимался ни чем иным, как весьма умело доил посещающих храм доверчивых соотечественников, искусно облегчая кошелёк выбранной жертвы на одну или несколько медных монет. Меж тем для Стейбуса не являлась тайной неочевидная для окружающих деталь — под лохмотьями Иосифа был упрятан вместительный кошель, набитый серебром. Собранные медяки превращались в серебряные монеты без всякой алхимии — Иосиф пользовался для этой цели услугами храмовых менял, которых он неизменно умел убедить отказаться от причитающихся им по праву комиссионных в пользу несчастного нищего.

Единственным недостатком Иосифа был непрекращающийся внутренний монолог. Он непрестанно подсчитывал и заново

пересчитывал дневную, недельную и годовую выручку, что в отдельные моменты здорово мешало Поксу, зато совершенно не мешало самому Иосифу: нищий мог сидеть на земле в пыли, бормоча песнопения и раскачиваясь из стороны в сторону; перемещаться с места на место; переругиваться с другими нищими; посылать цветистые благословения щедрым жертвователям или с мрачным видом изрекать завуалированные угрозы грядущих небесных кар в адрес прижимистых. Одновременно он слышал и запоминал всё, что происходило или говорилось вокруг, никогда ничего не забывая. Последнее делало Иосифа поистине бесценным источником информации, и Покс успел выудить из его феноменальной памяти немало интересного.

В Иерусалим времён Христа Стейбус попал с подачи Лии.

Прошло три месяца с тех пор, как он установил трансцессор и начал пользоваться «Вавилоном». Отдел, как и следовало ожидать, тут же совершил глубокий прорыв вверх по Тёмному периоду, и зона доступного прошлого расширилась до 1986 года. Лия, как самая способная из младших сотрудников, первой получила собственную ячейку, повысив свой официальный общегосударственный статус до служащей второй категории, с повышенной зарплатой и двумя выходными днями в неделю. Скай взвыл от разочарования, что первым стал не он; однако и ему оказалось нечего возразить, поскольку Лия опережала его почти по всем показателям, и прежде всего — по сведению рисков пребывания в прошлом к минимальному уровню. Это заставило Ская подтянуться и быть осторожнее; спустя полтора месяца он тоже получил ячейку, а Рид Кастл стал главным аналитиком отдела.

Быстрый карьерный рост сотрудников в отделе Покса привлекал туда всё новых и новых людей, и это была, в основном, молодёжь, готовая работать на границе Тёмного периода хоть круглые сутки. Отдел включал в себя уже сорок три ячейки против первоначальных восьми, а общая численность занятых специалистов, вместе с аналитиками, возросла до двухсот шестидесяти человек, что вывело подразделение Стейбуса на первое место не только в Институте сравнительной истории, но и во всей Академии Времени.

Стейбус имел теперь свободный график, как управляющий второго разряда, но, несмотря на это, совсем не давал себе отдыха. Нижняя граница доступного прошлого опускалась вниз столь же неотвратимо, как повышалась верхняя, только значительно быстрее. Свободные и безопасные путешествия стали возможны до восьмого – девятого тысячелетия до новой эры, и

никто не сомневался, что вскоре Покс расширит доступную зону вплоть до последнего ледникового периода.

Отдел превратился в своего рода ударную группу Академии Времени, безостановочно идущую на прорыв; понятно, что на систематические исследования новых эпох и народов сил просто не оставалось, и Стейбус охотно передавал сотни готовых платформ в другие отделы. Он знал, что ещё восемь его сотрудников, в том числе и Скай, установили себе трансцессоры и «Вавилон». Если Оллентайн и подозревал, что успехи его ставленника имеют не совсем законный фундамент, то сделать ничего не мог, поскольку Покс зависел от него теперь лишь номинально.

Но вот возникли первые проблемы. И в какой эпохе?.. На хорошо известном временном отрезке, где люди бывали чуть не со дня изобретения ретроскопа.

Однажды, задержавшись в отделе, Стейбус вышел из института значительно позже обычного, но, как часто бывало, направился не на стоянку икаров, а в Центральный парк Дилойме, где он любил прогуляться, а иногда и насильно себя прогуливал, прежде чем лететь домой, в Сестрорию.

Едва он свернул в лабиринт узких боковых аллей, его догнала Лия, которая тоже припозднилась. Единственная из всех, она не поддалась всепобеждающему духу первооткрывательства, царящему в отделе, и продолжала трудиться строго по избранным темам. Недавно Стейбус рекомендовал её Оллентайну на должность ведущего исследователя.

— Думаю, она справится с этим, — сказал он. — Её ячейка и ещё две — вот вам и зародыш нового отдела. Обещаю, люди к ней потянутся. А ведь именно таких специалистов нам сейчас и не хватает — кто-то должен же заниматься плановой работой? Все чересчур увлечены грандиозными деяниями, а кончится тем, что мы спустимся вниз ещё на десять тысяч лет или уйдём вверх на тысячу, ничего не успев рассмотреть подробно.

— Мне странно слышать это именно от вас, доктор Покс, — ответил Оллентайн. — Ведь именно вы завели моду на рекорды. Я считал, что цели у вас совсем другие.

— Мои личные цели не имеют никакого отношения к интересам Академии Времени, — недовольно сказал Стейбус. — И я не собираюсь ставить первое выше второго. Я знаю также, что большинство сотрудников нашего института, при молчаливой поддержке руководства Академии, серьёзно настроены заменить вас на меня, но уверяю, что если до этого дойдёт, то я буду категорически против. Каждый хорош на своём месте…

Оллентайн поверил в искренность Стейбуса и пообещал

подумать над образованием нового отдела. А пока ячейка Лии продолжала работу по двум направлениям: индейцы Северной Америки непосредственно перед появлением европейцев и раннехристианская эпоха. Обе темы интересовали Лию давно, ещё тогда, когда она только начала работать со Стейбусом. Она и раньше часто советовалась с ним. А теперь, когда они стали встречаться редко, у них даже сложилась традиция: один – два раза в неделю она присоединялась к Поксу во время его прогулок в парке после работы, делясь планами на будущее и возникшими сомнениями.

Стейбус подозревал, что дело тут не только в сложностях относительно индейцев и христиан. Возможно, Лия всё ещё не теряла надежды пробудить в нём интерес к чему-нибудь, выходящему за рамки профессиональных интересов. Однако он не пытался прояснить ситуацию. Зачем? Создавать семью он не планировал. Всё свободное время без остатка поглощали личные исследования. Для секса у Стейбуса был его агент-француз из девятнадцатого века и ещё несколько любвеобильных ребят из прошлого. А Лия ему казалась не той девушкой, с которой возможна ни к чему не обязывающая интрижка. Слишком серьёзно она ко всему относилась и слишком доверяла ему. Стейбус знал, что если подаст ей надежду, а потом дело кончится только постелью и больше ничем, то совесть будет мучить его до конца жизни.

— Кажется, у нас неприятности, доктор Покс, — сказала Лия. — Я знаю, что вы страшно заняты теперь, но лучше, если вы меня выслушаете. Ведь если я не ошиблась, мои трудности вскоре могут стать всеобщими.

Стейбус искоса взглянул на Лию, и ему стало нехорошо при виде её серьёзного и озабоченного лица.

— Что такое? — спросил он. — Рассказывай как есть.

Несмотря на предельную осторожность, Лия никогда не была склонна к паникёрству. Тем больше её слова не понравились Стейбусу.

— Я знаю, что вы не уделяли много внимания религиям, — начала она, — точнее, именно духовной практике народов Земли…

— Кто же этим интересуется сейчас? Дай бог систематизировать хотя бы ритуалы.

— Но обрядовая сторона неразрывно связана с духовным содержанием того или иного вероучения. Более того — проистекает из последнего.

— Люди слишком часто меняют свои взгляды, чтобы стало возможным обращать на это внимание, — сказал Стейбус. —

Соответственно, изменяется и так называемая духовность. Иногда перемена случается под влиянием минутного перепада настроения. Так поступали и религиозные лидеры, поскольку все они были всего лишь людьми, что бы там ни утверждали их последователи. Потом, в течение веков, ученики безуспешно пытались доказать, что отдельные высказывания их учителя не противоречат другим высказываниям того же самого учителя… Или их собственным устремлениям. А кончалось всегда одними тем же. Религия всегда превращается в источник дохода для тех, кто не желает зарабатывать на жизнь собственным трудом. Работать значительно труднее, чем корчить из себя приближённого Господа Всемогущего. И ты хочешь, чтобы я воспринимал эти кривляния всерьёз? Все они сводились к получению энного количества материальных благ с одураченных людей, которых уверяли, что им самим упомянутые блага ни к чему. Квинтэссенцией такого подхода становились ритуалы, поскольку машинально выполнять одни и те же действия для священнослужителя проще, чем каждый раз выдумывать новые трюки, организуя «знамения» и «чудеса». Следовательно, изучения ритуалов достаточно для отслеживания этапов трансформации любой религии. Она просто будет приспосабливаться к окружающей действительности, а ритуальная часть становится всё более запутанной, что исключает участие непосвящённых в священнослужении, равно как и в получении дохода.

— Какая исчерпывающая и убийственная характеристика! — от души рассмеялась Лия. — Но я о другом. Простите, начала не с того конца. Просто я так много времени провожу в прошлом, что уже сжилась со своими агентами и волей-неволей усваиваю их манеру выражаться. Я имела в виду не духовность в качестве некоторого блага, которое верующий обретает в награду за праведную жизнь, но действительные способности, обладателями которых чаще всего и являлись именно религиозные деятели.

— А-а, понял. Не удивительно, что чаще всего они. Наука была не развита, и если человек прошлого с рождения обладал некоторыми экстраординарными возможностями, логически понятно, что он шёл именно по религиозному пути. Там было больше шансов продвинуться на самый верх социальной лестницы. Ну и общие настроения общества, и взгляды, усвоенные с детства… Я читаю мысли, я передвигаю предметы силой воли, выходит я — воплощённый Бог. Или, по меньшей мере, его избранник. Так примерно. А какое отношение эти давно переселившиеся в лучший мир уникумы имеют к нашей деятельности?

— Самое прямое. У меня сложилось впечатление, что некоторые люди из прошлого могут чувствовать путешественников, то есть нас, в сознании агентов. И не только чувствовать, но и контактировать — самым непосредственным образом.

Стейбус резко остановился и застыл посреди аллеи. Лия по инерции сделала несколько шагов вперёд, и ей пришлось вернуться.

— Это невозможно, — сказал Стейбус, приходя в себя. — Даже сами агенты не способны чувствовать наши сознания, когда мы подселяемся к ним. Мы с ними не взаимодействуем, а как можно почувствовать то, с чем у тебя нет точек соприкосновения? А чтобы посторонний агенту человек…

— Тем не менее, это так.

— Невозможно, — повторил Покс. — Я знаю, что сенситив или имплантёр могут учуять другого путешественника, если они оба находятся в сознании одного и того же агента, могут даже общаться. По этому принципу работают проводники-нелегалы. Они ведут своего подопечного по цепочке агентов, не теряя с ним связи. Но люди прошлого? Ты понимаешь, что получается, если ты права? Впрочем, понимаешь. Иначе мы не говорили бы сейчас.

— Да, доктор. Если они нас чувствуют, значит, мы всё-таки каким-то образом влияем на прошлое.

— А раз влияем, то можем его изменить, — мрачно заключил Стейбус. — Мне и думать не хочется о возможных последствиях нарушения первого принципа ретроскопии. Расскажи подробнее. Я хочу знать детали.

* * *

ЧП, послужившее поводом для обращения Лии к Стейбусу, произошло с Жине Грайнутом, ретропсихологом Академии Времени. Специалисты этого профиля работали в институте сами по себе, по мере необходимости сотрудничая с той ячейкой, которая на текущий момент вела исследования в интересующей их эпохе и с подходящими агентами. Грайнут более всего интересовался проявлениями массового религиозного фанатизма и случаями помешательства на почве веры, а так как Лия со своими ребятами три дня в неделю разрабатывала раннехристианскую тему, то ячейка Лии подходила ему как нельзя больше — того и другого в Иерусалиме времён Христа было хоть отбавляй.

Стейбус получил хронокоординаты произошедшего с

точностью до получаса по времени ретроскопа, и детальное описание пси-ритмики агента, своего рода психосоциальный паспорт, уникальный, как отпечаток пальца или настоящее удостоверение личности. Обладая столь исчерпывающими сведеньями, можно и без помощи «Вавилона» найти в прошлом нужного человека. Однако Стейбус, учитывая серьёзность ситуации, предпочёл не торопиться. Происшествие всё равно уже случилось и намертво впаяно в событийную матрицу; его невозможно предотвратить, но точно так же невозможно и опоздать к началу действия. А Покс всегда предпочитал обжиться в избранной эпохе, прежде чем предпринимать серьёзные шаги.

Расставшись с Лией и вернувшись домой, он подключился к ретроскопу и вселился в сознание нищего Иосифа за четыре дня до интересовавшего его момента. Иосиф был хорош всем, но главным образом своей открытостью и умением настраиваться на волну тех, у кого просил подаяние, что гарантировало лёгкий переход от него к кому угодно.

В Иерусалиме Стейбус никогда раньше не бывал; тем сильнее оказалось первое впечатление, полученное от столицы пророков. Город был больше и многолюднее, чем он предполагал, а за суетой и толкотнёй узеньких кривых улиц чувствовалась скрытая напряжённость, вызванная недавними событиями, окончившимися казнью известного проповедника по имени Иисус.

На древнееврейском его имя произносилось по-другому, скорее — Иешуа, но «Вавилон», выгодно отличавшийся от любого оптимизатора, самостоятельно вносил поправки на тот объём знаний, каким владел пользователь. Раннехристианскую эпоху Стейбус знал только по Библии — одной из немногих древних книг, благополучно пережившей и Тёмный период, и Новый Расцвет.

Реконструкторы, путешествовавшие во времена Моисея, пророков и евангелистов, подтвердили высокую степень достоверности той Библии, которая дожила до современной Алитеи. К сожалению, описывая те или иные события, она уделяла мало места деталям, и для Стейбуса по-другому зазвучали не только названия и имена — вся окружавшая его действительность противоречила сложившемуся в сознании стереотипу. Он не преминул попрекнуть себя этим. Уж кому, как не ему, историку, следовало бы знать… Впрочем, тут же успокоил он себя, при исследовании прошлого с помощью ретроскопии невозможно изучать все эпохи досконально именно из-за доступности путешествий. Просто глаза разбегаются, руки чешутся. Слюнки текут… Стейбус мог бы подобрать ещё десяток

сравнений из лексикона алитейцев или людей прошлого для оценки ощущений учёного, освоившего пространство ретроскопа и желающего изучать всё и сразу.

Иосиф не всегда был нищим. Покопавшись в его памяти, Стейбус обнаружил в жизни своего агента более благоприятный период. Некогда этот хитрый пройдоха имел приличное состояние, которое спустил на женщин; причём страсть к любовным утехам не мешала Иосифу быть в меру богобоязненным и исполнять все предписания своей религии. Ещё десять лет назад он регулярно посещал храм, хладнокровно проходя мимо нищих и калек, в рядах которых пребывал теперь, и Стейбус, совершая короткие визиты в дни благополучия Иосифа, не заметил, чтобы он облагодетельствовал своих теперешних соседей хоть единым медяком. Зато вдоволь насмотрелся на еврейские праздники, бытовые сцены, и сумел освоиться в Иерусалиме и его окрестностях, почти не покидая одного-единственного сознания.

Геенна огненная, которая привычно ассоциировалась с загробным миром и адом, оказалась всего лишь огромной свалкой за городской стеной, куда свозились мусор и отбросы со всего Иерусалима. Однажды подожжённая, она теперь горела всегда, и её не могли погасить ни сильнейший ливень, ни затяжной дождь. Впрочем, то и другое в Палестине случалось редко. Место для геенны выбрали весьма удачно, но изредка, когда ветер всё же поворачивал на город, в ближайших к свалке районах попросту невозможно было вздохнуть из-за отвратительнейшего смрада, а улицы заволакивало клубами дыма. В таком способе утилизации отходов были свои преимущества — грандиозная иерусалимская помойка не росла. Правда, она и не уменьшалась. То, что поедал огонь, восполнялось местными жителями.

Следующей достопримечательностью, на которую Покс обратил своё внимание, был Иерусалимский храм, тем более что его агент почти не покидал Храмовую гору теперь, а раньше проживал неподалёку от неё.

В детстве мать Стейбуса сочла нужным вплотную познакомить сына с религиозным наследием древних, в том числе и Библией. С тех пор, кстати, он и решил, что всю оставшуюся жизнь будет атеистом. Урок не пошёл впрок, как говорится. Ветхозаветный культ прочно ассоциировался у Стейбуса с благообразным патриархом в чистеньком хитоне, который закалывает упитанного барашка на куче необработанных камней. Позже, совершив тысячи вылазок в прошлое и познакомившись с самыми величественными и кровавыми обрядами Земли, он

думал, что тут-то его ничем не удивишь. Взять хотя бы его работу по культам Нового Света. Тогда он выбрал агентом жреца ацтеков во времена императора Ауицотля, и продержался достаточно, чтобы увидеть своими глазами мясорубку, призванную привлечь на грешную землю милость свыше. Вышеупомянутый правитель, только во время освящения одного-единственного храма Уицилопочтли в Теночтитлане, приказал умертвить восемьдесят тысяч пленников. Похожих проявлений благочестия Ауицотль демонстрировал больше, чем допускал здравый смысл. Всего во времена его правления во славу богов убивали четверть миллиона человек ежегодно. Объяснялось это беспрецедентное непрерывное кровопролитие достаточно просто. Ацтеки считали, что уничтожив максимально возможное число людей за минимальный промежуток времени, они убедят верховного бога отсрочить конец света и не истреблять весь род человеческий целиком… Стейбус на вторые сутки в шкуре жреца начал склоняться к мысли, что апокалипсис отодвигать незачем — он уже наступил, и устроил его не бог, а сами люди. Принимая во внимание темпы истребления по отношению к общему числу жителей страны, просто удивительно, что к моменту прихода в Америку испанцев ещё кто-то уцелел.

Потом были майя, также не отличавшиеся особым человеколюбием; друиды, разбивавшие своим жертвам грудь деревянными молотами на каменных алтарях; египтяне, с особо примечательной практикой мумификации заживо, которая была вроде как запрещена, но которая, тем не менее, периодически применялась; и многие другие, но всё же ритуальные жертвоприношения евреев произвели на Стейбуса впечатление. Здесь в качестве дара Творцу использовались только животные. Зато в каких количествах!

На Пасху или праздник Кущей слабонервным в Иерусалимском храме нечего было делать. Даже повседневные жертвоприношения больше всего напоминали хорошо отлаженный конвейер умерщвления всевозможных животных, начиная от скромных голубей и кончая откормленными быками, на котором трудились, не покладая рук, как священники, так и сами верующие. До Иерусалима Стейбусу довелось посетить знаменитые чикагские бойни, и особой разницы между тем и другим он не находил, разве что в Чикаго не совершались воскурения фимиама и обходилось без торжественных песнопений.

На Пасху только число принесённых в жертву агнцев достигало двухсот тысяч и больше. Двор храма бывал сплошь залит кровью: священники ходили по щиколотку в крови. Но

главной достопримечательностью был Жертвенник Всесожжения, название которого говорило само за себя. Воздвигнутый Иродом Великим, он представлял собой конструкцию из камня пятьдесят локтей в длину, столько же в ширину и около пятнадцати локтей высотой. Насколько знал Стейбус, жертвенник, возведённый Иродом, был самым большим из всех, которые ему предшествовали. В пылающий на нём огромный костёр швыряли целых быков, а также туши козлов и баранов. То, что не успевало сгореть днём, священники дожигали ночью, успевая освободить жертвенник к утру, и всё начиналось сызнова. Согласно преданию, в древности столб дыма всегда поднимался от жертвенника вертикально к небу, и его не относило ветром, а дым не имел запаха палёной плоти. Стейбусу подобных чудес наблюдать не довелось. Стоило ветру поменять направление, как двор храма затягивало дымом и ужасающей вонью. Впрочем, зрелище всё равно оставалось грандиозным. На высоте семи метров бушевал настоящий пожар, отчего жертвенник напоминал вулкан правильной геометрической формы. Огненный факел упирался, казалось, в самое небо, выбрасывая вверх колоссальные фонтаны искр, а когда шёл дождь, бессильный потушить рукотворное извержение, картина дополнялась облаками пара.

Совершив очередной экскурс в прошлое Иосифа, Стейбус вернулся в его настоящее за десять минут до главного события, ради которого он сюда прибыл. Точнее, прелюдии к данному событию. Иосиф ненадолго отлучился со своего места и не видел, как в храм прошли нужные Стейбусу люди; соответственно, не видел их и Покс, но знал, что они уже на месте.

Вот они вышли — небольшая группа людей, окружённая возбуждённой толпой, — ближайшие ученики Иисуса Христа, которых впоследствии назовут апостолами. Стейбусу был нужен лишь один из них, но он не торопился. Следовало лично проверить один из выводов Лии, который подтверждали все предыдущие исследователи раннехристианской эпохи — в сознание апостолов невозможно вселиться, поскольку оно является полностью инертным.

В толпе присутствовали шесть апостолов из двенадцати и несколько бывших приближённых Христа рангом пониже, «из числа семидесяти». Стейбус, сколько ни старался, не смог прощупать ни одного из них. Не поддавались зондированию и ученики из числа новообращённых, которые примкнули к христианской первообщине уже после смерти Иисуса.

Инерты встречались Поксу и раньше. Ретроскописты считали нормальным существование в прошлом некоторого количества людей с закрытым сознанием. Мало ли какая причина может

быть. Но сознание апостолов было открыто. Открыто, и… недоступно. Просто ровный фон без всякого движения, словно они и не думали вовсе, ничего не чувствуя и не испытывая эмоций. Даже от трупа месячной выдержки путешественнику больше пользы, с досадой подумал Покс.

О переходе в таких условиях нечего и думать… Вот он, ваш хвалёный «Вавилон»! Но Стейбус тут же взял себя в руки. Не в оптимизаторе дело. Полные инерты попадаются крайне редко, вот что. Иногда не встретишь ни одного за десяток вхождений. А здесь, в толпе около ста человек, их насчитывалось более сорока. И все — последователи одного учения.

Оставив попытки подселиться к таким несговорчивым агентам, Покс быстро нашёл подходящую личность в толпе окружавших апостолов людей. Хорошо бы заставить потащиться к месту событий Иосифа с его феноменальной памятью, но христиане попрошайку не интересовали, поскольку Иосиф считал их смутьянами и отступниками от веры отцов.

Стейбус поспел в новое тело как раз вовремя, чтобы успеть разглядеть то, что случилось за поворотом дороги: женщина средних лет стояла на пути толпы, не думая отходить. Впередиидущим пришлось расступиться; послышались возмущённые возгласы и нелестные, хотя и сдержанные высказывания в адрес женщины, чьё поведение было, по-видимому, вызывающим и предосудительным. Однако она не только не уступила дороги, но и двинулась вперёд, смело протискиваясь меж мужчинами, пока не оказалась перед юношей с красивым нежным лицом и едва наметившейся бородкой.

— Будь милостив, мой господин! — сказала она, почтительно склонившись и коснувшись рукой земли у ног юноши. — Мой брат жестоко беснуется, и мне сказали, что ты в силах исцелить его.

В этот момент вперёд протиснулся какой-то бородач средних лет с резкими чертами лица, и заслонил от Стейбуса всю картину.

— Ты пойдёшь, Кифа[21]? — спросил его юноша.

— Нет, иди сам, — отозвался бородач. — Но возвращайся поскорее. Пусть Сампсон сопровождает тебя.

Толпа расступилась, и юноша вместе с одним из присутствующих направился вслед за женщиной. Очевидно, речь шла о вполне обычном деле, так как от свидетелей разговора никаких вопросов не последовало, как не последовало и обсуждения случившегося. Толпа двинулась дальше. От неё отделились лишь несколько любопытных, в том числе и новый агент Стейбуса, что было тому на руку; они пошли за женщиной, юношей и его спутником, к которым тут же присоединился

рослый худощавый мужчина. Скорее всего, это был слуга просительницы или её сопровождающий. Покс только сейчас обратил на него внимание, поскольку раньше худой стоял в отдалении, ожидая, чем закончатся переговоры.

Идти пришлось долго, поскольку дом женщины находился в Нижнем городе, далеко от Храмовой горы. Едва они приблизились к дверям, как до них донёсся леденящий душу вопль. Агент Стейбуса невольно вздрогнул.

— Он чувствует наше приближение, Иоанн, — обратился к юноше его спутник.

— Он чувствует своё избавление, — мягко поправил тот. — Да пребудет с нами сила Божия.

Вид бесноватого, когда Стейбус его увидел, был ужасен: взлохмаченная борода с застрявшим в ней мусором, залитая слюной; такая же лохматая голова, из которой с левой стороны вырван огромный клок волос; разорванная одежда, покрытое ранами и синяками тело — то ли сумасшедшего избили, то ли он нанёс увечья сам себе. Прикованный цепями к стене в одной из комнат дома, бесноватый яростно рванулся, когда заметил вошедших, и Стейбус с удивлением увидел, как разошлось несколько звеньев на его оковах. В следующую секунду одна из цепей лопнула. Человек крутанул рукой, наматывая её на ладонь, и нанёс хлёсткий удар, целясь вперёд. Слуга, вошедший первым, с воем отскочил назад, хватаясь за разбитую ступню, и закрутился, прыгая на одной ноге. Двое из присутствовавших в комнате мужчин подхватили его и отвели назад. Остальные — те, кто уже находился в комнате, и вновь прибывшие — благоразумно держались у стен.

— Ты видишь! — сказала женщина юноше, бессильно махнув рукой в сторону сумасшедшего, который по её собственным словам приходился ей братом. — Мы освободили эту комнату специально для него. Убрали отсюда всё, потому что он крушил и столы, и скамьи, и любую утварь. Пришлось вбить в стену костыли и приковать его, но несколько дней назад он разорвал цепи и убежал. С большим трудом удалось разыскать его в пустыне и вернуть обратно. Он глух к увещеваниям и непременно снова убежит, если ты не исцелишь его.

— Веришь ли, что Бог силён вернуть ему человеческий облик? — спросил юноша.

— Верю, а также верю и в то, что про вас говорят, — ответила женщина. — Я никогда не видела вашего Учителя, только слышала о нём, и теперь жалею, что не пошла к нему. Но тогда мой брат был ещё в добром здравии.

«Так вот он каков, апостол Иоанн», — подумал Стейбус,

вслушиваясь в разговор, поскольку глаза его агента были неотступно направлены на бесноватого. Израильтянина пробирала дрожь, и Покс его понимал. Такое не каждый день увидишь. Не понимал он лишь мотивы ретропсихологов, по доброй воле работавших в телах подобных индивидуумов. Ведь если верить данным Лии, именно в сознании этого человекоподобного монстра, опутанного цепями, находился Жине Грайнут, когда всё произошло. Точнее сказать — он и сейчас там. Ведь само событие, обозначенное Лией, как ЧП и так её обеспокоившее, ещё не случилось.

— Освободите его! — приказал Иоанн.

Присутствовавшие неуверенно переглянулись, не решаясь следовать указанию.

Апостол слегка наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то такому, что окружающие не улавливали.

— Я сказал — освободите его, — повторил он.

Шестеро мужчин нерешительно двинулись вперёд. Бесноватый со звериным урчанием отступил назад, подтягивая свисающую с правой руки оборванную цепь. Его запястья и лодыжки охватывали наглухо заклёпанные обручи, ободравшие кожу почти до кости. Три оставшихся целыми цепи тянулись к костылям с отверстиями на концах, где они крепились коваными закладными штырями. Раньше сумасшедшему пришлось бы вырвать два костыля с одной стороны, чтобы дотянутся до любого из этих нехитрых замков. Но теперь одна рука уже свободна…

Первым делом добровольные помощники Иоанна попытались обезопасить себя и остальных от возможных выпадов со стороны бесноватого: за свободную руку ухватились сразу трое, причём двое теперь были обращены лицом в ту же сторону, что и больной, а один стоял напротив. Когда трое других приготовились таким же образом удерживать правую руку, спутник Иоанна подошёл к стене и вынул закладные штыри.

Стейбус медлил, выжидая удобный момент. Все психические больные делились примерно поровну — одни из них, с глубокими нарушениями психоматрицы, почти не поддавались лечению, а сама психоматрица напоминала аналогичную структуру у животных, да ещё ущербную. Сделать такого человека агентом было невозможно. Люди из второй группы по своему поведению ничем не отличались от первых, но под покровом безумия, в недрах подсознания у них пряталась вполне нормальная личность — что-то вроде резервной копии настоящей. На этом познания Стейбуса в области психиатрии и неврологии заканчивались, но их хватило, чтобы определить: бесноватый в цепях к первой группе не относится. Впрочем, в противном случае его не смог бы

использовать в качестве агента и объекта изучения Жине Грайнут.

Между тем ещё двое из присутствующих подхватили с полу цепи, идущие к оковам на ногах больного, а Сампсон, легонько оттолкнув его от стены, встал сзади.

— Подведите его ко мне, — сказал Иоанн.

Бесноватый словно дожидался этой команды. Никто ничего ещё не успел предпринять, как он с рёвом рванулся назад, притиснув к стене Сампсона, а затем начал яростно дёргаться из стороны в сторону. Стейбус слышал о невероятной силе таких людей, но видел впервые. Трое взрослых мужчин едва могли удержать одну его руку. Вот он резко двинул ногой, и израильтянин, державший цепь, прикованную к обручу на лодыжке, свалился и проехал на животе по земляному полу. Сампсон изо всех сил толкал сумасшедшего в спину, остальные силились вытянуть его на средину комнаты, поближе к Иоанну, но стоило бесноватому дёрнуться, как они валились с ног. Больной тут же вскакивал, легко поднимая на себе всю эту ораву, а один раз ему почти удалось освободить правую руку. Пять или шесть человек, в том числе и агент Стейбуса, прижались к стенам. Покс ещё минуту наблюдал, как одержимый, довольно хлипкий с виду, таскает по всей комнате девять рослых мужчин. На лбу бесноватого вздулись жилы толщиной в палец; он то закрывал глаза, то выпучивал их так, что они вылезали из орбит. Не желая больше медлить, Стейбус скользнул в сознание больного.

Словно ныряльщик, стремительно проскочив слой бурлящего на поверхности кипятка беспорядочно перемешенных эмоций, Покс вошёл в спокойную прохладную воду подсознания. Почти сразу он обнаружил то, что ретропсихологи называли резервной личностью. Она выглядела достаточно миролюбиво, в данный момент — жалко, будто человек, который присел на корточки и зажал руками уши, желая спрятаться в безопасном убежище от страшного шума, царящего наверху, и уберечься от струй кипятка, изредка сюда прорывавшихся.

Нащупав область органов чувств, Стейбус получил возможность видеть глазами бесноватого, но сейчас его больше интересовало то, что творилось внутри. Вот и личность Жине Грайнута. Судя по всему, ретропсихолог пребывал в смятении. Стейбус понял, что Грайнут уже какое-то время не контролирует ситуацию и не способен самостоятельно построить канал обратного перехода в своё время. Фактически, он оказался в плену, но был в порядке, только немного запаниковал. Присутствия Стейбуса он не заметил, хотя и должен был: ведь все ретропсихологи или сильные сенситивы, или имплантёры.

Покс сообразил, что налаживать контакт придётся ему.

Приближался кульминационный момент, и он хотел призвать Жине провести совместные наблюдения, однако внезапно его отвлекло нечто интересное. Кто-то ещё был здесь — ещё один путешественник во времени! Стейбус позвал его, но тот не услышал. Если Грайнут просто пребывал в неловком положении из-за невозможности обратного перехода, то третий клиент вляпался серьёзно — он полностью отождествлял себя с агентом, причём не с резервной личностью, а с подлинным «я», владевшим телом и бушевавшим наверху.

Стейбус быстро «выглянул» на поверхность. Ни единого шанса. Третий путешественник сенситивом не был, установить с ним контакт и в более спокойной обстановке оказалось бы непросто. Одновременно Покс оценил обстановку в комнате. Помощникам апостола наконец удалось отчасти совладать с бесноватым, приспособившись к его беспорядочным рывкам; они вытащили его на средину помещения и одержимый оказался напротив Иоанна.

— Кто бы ты ни был, дух злобы, выйди из этого несчастного! — воскликнул апостол вытянув руки так, что они оказались над головой бесноватого. — Именем Иисуса Христа заклинаю тебя — изыди навечно!

При его последних словах, Стейбуса, Грайнута и третьего путешественника, которого Покс так и не успел опознать, вышвырнуло из сознания агента в то время, из которого они отправились в раннехристианскую эпоху. Ретропсихолог очнулся в стенах Института сравнительной истории в Дилойме. Стейбус — у себя дома несколько дней спустя. Грайнуту прийти в чувство помогла Лия, которая позже и доложила о происшествии Стейбусу. Что касается самого Стейбуса, то рядом никого не было, и пришлось просто отлёживаться на полу. Рядом валялось опрокинутое рабочее кресло. Тихо гудел ретроскоп.

Глава 2

Считается, что сознания клиента и агента не взаимодействуют. Считается, что путешественник не способен повлиять на поступки своего агента или внушить ему какую-нибудь мысль. Позвольте поинтересоваться — а вы пробовали? Пытались сделать это — проводить внушение намеренно и целенаправленно, в течение больших промежутков времени? Нет! Да вы же шарахаетесь от одной мысли о подобной возможности, поскольку такие действия способны привести к изменению прошлого. А вы попробуйте! Сразу же поймёте, что основной закон ретроскопии не крепче трухлявого пня.

Статья на сайте «Кронос» в Галактической информационной сети «Глобал». Автор не идентифицируется.

Стейбус не пошёл на работу утром следующего дня: ему только что присвоили статус управляющего второго разряда, а это позволяло брать выходной когда угодно. Вместо этого он в спешном порядке разместил на доске объявлений «Ретродрома» небольшую заметку, содержавшую ключевую фразу для связи с Синдикатом. Они так условились с Агиляром на тот случай, если у Покса возникнут проблемы с «Вавилоном» или трансцессором. На имплантат и оптимизатор Стейбус пожаловаться не мог, но решил, что после вчерашнего у него есть хороший повод потревожить своего приятеля, а может быть и Блэкбэда. Что ни говори, а он безупречно выполнял данные со своей стороны обязательства: аккуратно выплачивал круглые суммы за имплантат и операцию и выступал гарантом качества «Вавилона» на подпольных сделках Синдиката с первыми желающими приобрести чудо-программу. Почему бы не воспользоваться связями?

Ответ пришёл, но весьма необычный. Ему на почту прислали хронокоординаты и пси-паспорт человека, жившего в четыреста шестьдесят втором году новой эры. Агиляр назначил рандеву в прошлом. Ладно, и где же у нас место встречи?..

Палестина… Палестина, чёрт возьми! Ах, нет — Синайский полуостров. Но всё равно горячо, почти рядом. Гора Закона… Ещё горячее. Неужели Синдикат уже в курсе произошедшего? Впервые Стейбус задумался, а не установил ли ему врач вместе с трансцессором и кое-что ещё? Да только зачем Синдикату следить за ним и выяснять, в какие именно эпохи он путешествует? Правда, и совпадений таких не бывает.

Это подтвердилось, когда он включил ретроскоп и, введя

координаты вместе с параметрами пси-ритмики агента, оказался в теле христианского монаха-отшельника. Ну, точно, обстановка соответствует.

«Надеюсь, мне не придётся второй раз присутствовать при изгнании бесов, — подумал Покс. — Неприятно, когда тебя вот так вышибают пинком под зад».

Да, это была гора Синай, на которой, согласно Библии, Моисей некогда разговаривал с Богом. Монах поднимался вверх по её склону, следуя изгибам узкой тропки; на отдельных, особенно крутых участках, в скале кто-то вырубил ступени.

Вот он добрался до места и, нырнув в небольшую пещеру, сбросил с плеч тощую вязанку хвороста. Аккуратно поставил в угол довольно большой сосуд с водой. Стейбус, чьи органы чувств синхронизатор связывал в единое целое с аналогичными у монаха, ощущал жажду невероятной силы. Казалось, его агент не пил целую неделю. Да он и сейчас не спешил делать это. Более того — немного отдохнув, он принялся подметать пол в пещере, расточительно сбрызгивая его драгоценной влагой из принесённого кувшина.

При виде воды, впустую проливаемой на неровный каменный пол, Стейбус едва не потерял над собой контроль, ибо жажда от такого зрелища многократно усилилась. Пришлось срочно отстраиваться от ощущений отшельника. И вовремя — закончив с подметанием пола, тот подвесил кувшин с помощью двух верёвок на вбитой между полом и сводом сучковатой жерди так, что он превратился в импровизированный рукомойник. Впрочем, не такой уж импровизированный. Одна верёвка крепилась к подобию деревянной педали, грубо изготовленной из половины полена. Прижимая педаль ногой, монах стал умываться — долго, тщательно, и Стейбус подумал, что будь он по-прежнему в полном контакте с ним, то непременно сошёл бы с ума; если не сразу, то уж непременно тогда, когда отшельник, завершив омовение, вытерся куском грубой ткани и отошёл от кувшина, так и не выпив ни капли воды.

Причину подобного мазохизма Стейбус уразумел не сразу, но потом до него дошло, что весь ритуал служит непременным атрибутом практического курса по умерщвлению плоти — так, как это понимали в древности. Некоторые монахи, работая весь день на жаре в условиях пустыни, не только не пили ничего от рассвета до заката, но ещё и ели соль — причём насухо. Покс тут же вспомнил известный ему эпизод из жизни ливийских отшельников — одного из них подвергли порицанию за то, что он, не в силах проглотить ком соли, смочил её водой, превратив в кашицу, и так стал есть.

Покончив с уборкой и умыванием, отшельник двинулся вперёд, во тьму, и только тут Стейбус понял, что пещера состоит из двух частей — первая была естественного происхождения, а вторая вырублена в скале, и в неё вёл узкий ход, на полпути поворачивающий под прямым углом. Тут горела лампада и была постель, если только кусок невыделанной верблюжьей шкуры с плоским камнем вместо подушки кто-то мог назвать постелью. Икон не видно: или монах не нуждался в них, или иконопись не получила ещё широкого распространения у насельников Синая. От шкуры на полу жутко воняло падалью.

— *Здравствуй, Стейбус,* — сказал вдруг Агиляр. — *Как тебе местечко? Уютно?*

По времени ретроскопа прошло сорок минут — многовато для заранее назначенной встречи. Агиляр уловил мысль и поспешил добавить:

— *Я не опоздал. Мог бы придти раньше, хоть секунда в секунду с тобой, но захотел дать тебе освоиться. Ты же любишь.*

Стейбус промолчал. Такой способ общения — в сознании человека из прошлого — был ему непривычен, ведь исследователи никогда не применяли его специально, даже сенситивы. Случайные встречи имеют место, но они редки, и чаще всего проходят незамеченными одной из сторон. А вот у нелегалов это обычная практика. Отследить разговор невозможно, если не знаешь хронологических и психосоциальных координат агента с точностью до нескольких минут, что гарантирует высокую степень секретности. Таким способом всемерно пользуются проводники: встречаются со своим подопечным в хорошо известной им зоне и ведут дальше по цепочке агентов.

Отсутствие навыка общения внутри чужого сознания приводило к тому, что Стейбусу требовалось значительно больше времени для усвоения информации и формирования ответа, чем обычно бывает при мыслесвязи. Любое действие, совершаемое отшельником, мешало сосредоточиться, приковывало к себе внимание. Усилием воли он перевёл дисциплинатор трансцессора в экстренный режим — стало легче.

— *Сразу бы так,* — одобрил его решение Агиляр. — *А для чего, по-твоему, существуют дисциплинаторы?*

— *Не в том дело. Я и в реальности редко пользуюсь мыслесвязью. Обычный комплекс бывшего нормала. Со своим соседом-сенситивом — и то вслух разговариваю.*

— *С Кену Струво? Диспетчером «экстры»?*

— *И это знаешь? Вы что, в Синдикате, досье на меня собираете?*

— Я не знал. Блэкбэд знает. Он же мне и рассказал о той передряге с изгнанием бесов, в которую ты угодил. Интересен ты, видишь ли, Блэку. Не знаю почему. Помнишь, как мы познакомились?

Конечно, Стейбус помнил. Он вышел на Агиляра через общих знакомых в «Глобале», на «Ретродроме», когда тот ещё захаживал туда, приторговывая подпольными лингвистиками и оптимизаторами. Сперва общался с ним там, потом встретился в одном из объединённых кварталов столицы. Затем стал встречаться регулярно, время от времени приобретая нужные ему программы, которых больше нигде нельзя было достать, и обмениваясь с ним интересными хроноплатформами.

— Хочешь верь, хочешь нет, но он меня предупредил о предстоящем знакомстве с тобой за месяц до самого события, — сообщил Агиляр.

— Выходит, он меня на тебя специально вывел? Но я уверен, что действовал самостоятельно.

— Конечно, самостоятельно, — согласился Агиляр. *— Это и удивительно. А посему — удивись один раз и прекрати. Я тебе уже говорил, что Блэкбэд есть особое явление в мире ретроскопии… и вообще в мире.*

— В мире… — вдруг прошептал монах. — Помоги мне, Господи, в мире душевном пребыть!

Будь Стейбус в этот момент в собственном теле, а не в чужом, он вздрогнул бы от неожиданности. Отшельник поднялся с пола, где сидел, обхватив колени руками, и забегал по своей келье.

— Как он здесь живёт? — удивился Стейбус. *— Ну и вонь!*

— Воняет от верблюжьей шкуры — да ты, наверно, понял, — отозвался Агиляр. *— А знал бы ты, сколько в ней насекомых! Когда шкура засохнет и перестанет источать сей незабываемый аромат, он её выкинет и приобретёт у кочевников новую, причём потребует, чтобы шкуру сняли с прирезями и не выскабливали. У нашего отшельника есть мешочек с золотыми монетами, которые он…*

— Ради всего — зачем он это делает?!? Ему что — приятно жить словно червяку в куске тухлого мяса?

— Ты ничего не соображаешь в религии, а ещё историк, — осуждающе заметил Агиляр. *— Тут всё дело в духовной практике и тех целях, которые ставит перед собой христианин-аскет. Главная задача — отречься от мира и от всего, что может к нему привязать душу или доставляет удовольствие. Лучше всего вести себя так, будто ты уже умер, и вот-вот предстанешь на Господень суд. Такое состояние разума называется «память смертная», и достичь его живому человеку, сам понимаешь, нелегко. На помощь*

приходят всяческие уловки, например — ношение власяницы, надетой на голое тело. Власяница, чтоб ты знал, это одежда, изготовленная из грубой верблюжьей шерсти, и таскать её на себе в условиях субтропиков может только настоящий подвижник. Тело жутко потеет, зудит, потом покрывается струпьями; верблюжий волос вызывает раздражение на неповреждённых участках кожи, а стекающий пот ещё больше разъедает язвы, делая мучения почти невыносимыми. Подумай, можно ли получать удовольствие от жизни, нацепив подобную одёжку? В то же время власяница хорошо защищает от ночного холода, ведь в пустыне ночью температура нередко опускается ниже нуля. В ней недостаточно тепло, чтобы монах чувствовал себя комфортно, мёрзнет он всё равно, зато почти наверняка не подхватит воспаление лёгких. Днём, под палящим солнцем, власяница, подобно всякой плотной одежде, спасает от теплового удара…

— Ну а причём здесь протухшие шкуры?

— Всему своё время. Итак, отшельник отказывается от своего имущества, общения с женщинами, оставляет близких, семью. Истязает себя при помощи власяницы или вериг, мёрзнет ночью, страдает от жары днём, но не настолько сильно, чтобы взять да и протянуть ноги по причине физических мук. Белый свет ему не мил — а тебе понравилась бы такая жизнь? Через пару лет он уже всей душой стремится в лучший мир, да оно и понятно — что ему здесь терять? Однако страх смерти преодолеть нелегко. Но можно к нему привыкнуть… Для этого и нужна шкура. Другие отшельники пользуются чем-то ещё, к примеру, спят в собственноручно вырытых могилах, а мы здесь имеем дело с частным изобретением нашего нынешнего агента. Каждый раз, ложась спать, он представляет, что уже умер, и его тело гниёт, чему помогает мерзостная вонь — всё очень натурально и не приходится напрягать фантазию. Фантазию напрягать вредно. Одна из целей подвижников как раз в том состоит, чтобы избавиться от любых мечтаний и посторонних мыслей, максимально отчистить свой разум, сосредоточив его на молитве.

Монах, продолжавший во время беседы бегать от стены к стене, замер и обратил свой взор на грубо высеченный крест, освещённый неверным пламенем лампады. Поверхность скалы была неровной, тем не менее Стейбус хорошо видел, что это именно крест распятия — похожий на букву «тау», с седикулой и черепом внизу[22].

— Он учуял нас, — сказал Агиляр. *— Сейчас начнёт молиться.*

— Что значит — учуял? — не понял Стейбус.

— Услышал отголосок нашего разговора. Мыслеобразы, с помощью которых мы общаемся, нами воспринимаются

опосредованно, поскольку мы используем трансцессоры; ну а монах воспринимает их напрямую, словно неясные посторонние мысли, насильно лезущие ему в голову.

— Это невозможно!

Отшельник прошептал слова молитвы и бросился на колени, наклонившись вперёд. При этом он коснулся ладонями и лбом пола пещеры, замер так на мгновение и снова поднялся на ноги.

— Почему невозможно, Стейбус? — удивился Агиляр. *— Аскеты тратят десятилетия на то, чтобы ни о чём не думать кроме Бога, у них особая внутренняя дисциплина мышления. Такую вряд ли сможет обеспечить и мощнейший трансцессор. Фактически, они все сенситивы, просто не все знают об этом. Я, конечно, имею в виду настоящих подвижников, а не тех, кто лишь внешне им подражает. Не удивительно, что он нас чувствует. Ведь мы болтаем о посторонних ему вещах.*

— Почему о посторонних? Мы обсуждали его быт.

— Аскеты не говорят о своём быте. Они или молятся, или заняты размышлениями о высоких материях. Вот если бы мы с тобой вели беседу в духе современной ему христианской традиции, оперируя привычными для него понятиями, он не заметил бы нас.

Монах сотворил ещё один земной поклон, потом ещё, ещё… Перед взором Стейбуса, видевшего его глазами, ненадолго фиксировалось изображение креста, отшельник шептал Иисусову молитву и бросался навзничь; замирал, и всё повторялось сызнова. Одновременно Покс обнаружил, что стал хуже слышать и почти не чувствует ударов коленей и лба о скалу, а ведь должен был. Он перевёл синхронизатор в режим повышенной чувствительности — не помогло.

— Дьявол его задери, он нам сейчас разговаривать не даст! — недовольно пробурчал Агиляр, и вдруг разразился таким потоком ярчайших мыслеобразов, что Стейбус, хотя и стоял как бы «в стороне», а поток был направлен не на него, слегка ошалел. Пси-атака шла на всех уровнях: свежий чистый воздух взамен смрада пещеры; берег реки, выходящая из воды молодая девушка; великолепные арабские скакуны, компания весёлых собутыльников, добрая выпивка и нежнейший аромат копчёного мяса.

— О Господи! Избавь меня от помыслов бесовских! — воскликнул монах, на секунду замирая в стоячем положении, а потом бросился на колени и ударил лбом в пол с такой силой, что Стейбус, только что включивший синхронизацию ощущений на сто процентов, на минуту потерял ориентацию в пространстве. Несмотря на это, он почти не почувствовал боли, хотя монах приложился к скале очень крепко.

— *Помоги-ка мне…* — пропыхтел Агиляр.

Он продолжал свою направленную мыслепередачу, сопровождая её столь достоверными и красочными картинами царских чертогов, роскошных пиров и обнажённых женщин, что всё в целом напоминало хорошо смонтированную художественную пси-постановку.

— *Что ты делаешь?* — удивился Стейбус, наблюдавший за его действиями.

— *Разве сам не понимаешь? Мешаю ему сосредоточиться. Ты же видишь, что мы теряем контакт с его органами чувств и стали хуже слышать друг друга?Если так пойдёт дальше, то вскоре мы окажемся наглухо заблокированы в его сознании.*

Агиляр говорил правду. Нарушение синхронизации Стейбус заметил давно, а сейчас обнаружил, что слышит своего собеседника как сквозь сильные радиопомехи. Монах продолжал молиться. Агиляр усиливал натиск. Образы становились всё ярче, картины пиров — привлекательнее, девушки — всё более соблазнительны даже по меркам достаточно высоких в этом плане запросов Стейбуса.

Отшельник вошёл в ритм и клал поклоны с механической равномерностью. Пауза — чтение молитвы — поклон — пауза. Встать на ноги — чтение молитвы — поклон…

— *Долго он так может?* — поинтересовался Стейбус.

— *Взгляни внимательно сам,* — предложил Агиляр. — *Это его обычное место для молитвы.*

Пауза — встать на ноги — чтение молитвы… Стейбус увидел перед собой каменный пол. В тех местах, где его касались колени, ладони и лоб отшельника, в скале были ямки с пологими краями глубиной в четыре пальца.

— *Вот это да!* — поразился Стейбус — *И сколько поклонов надо, чтобы так продолбить скалу?*

— *Не знаю,* — ответил Агиляр сквозь помехи. — *У таких ребят две – три тысячи поклонов за день — обычное дело. У некоторых — больше. Этот сидит в пещере уже лет сорок и всё время молится… ДА ПРЕКРАТИ ТЫ СВОЙ БУБНЁЖ, УРОД ПРОКЛЯТЫЙ!*

— Не остави меня, Боже, милостию своей! — запричитал монах. — Отгони прочь бесов нечистых и всю силу диавольскую!

— *А ХРЕН ТЕБЕ!!!* — азартно крикнул Агиляр, посылая мыслеобраз человекоподобной свиньи с длинным хвостом и покрытым дымящейся кровью трезубцем, зажатым в когтистой лапе. Пси-атака была такой силы и напряжённости, что Стейбуса, несмотря на экран, зацепило краем волны; а отшельник, должно быть, уловил нечто большее, чем просто слабый отголосок,

поскольку замер и боязливо огляделся вокруг. Связь между двумя путешественниками сразу заметно улучшилась. Покс ощутил тупую ноющую боль во лбу, передающуюся ему от агента.

— *Ну чего ты к нему привязался?* — с упрёком сказал он Агиляру. — *Давай лучше уйдём отсюда. У меня есть о чём тебя порасспросить. Ты только что продемонстрировал мне феномен прямого взаимодействия между клиентом и агентом. Фактически — нарушил неприкосновенность прошлого. Это новость, которую стоит обсудить.*

— *Для меня это давно уже не новость,* — проворчал Агиляр. — *Как и для многих других временщиков. Просто вы там совсем закисли, в своём институте. Надо следить за последними достижениями коллег, пусть они и нелегалы. Заходил бы на «Ретродром» почаще…*

— *Тем более. Вот и просветишь меня. Где встречаемся?*

— *Ладно… Раз уж я настроился сегодня тратить на тебя время… Давай через час, в Лессике, у главного восточного туннеля на шестой уровень квартала С-2. Потом вместе спустимся пониже.*

— *Хорошо, — согласился Покс.*

— *Ты в норме? Этот пещерный индюк тебя не сбил с катушек?*

— *Я в порядке. Через час, в Лессике.*

Агиляр пропал из сознания монаха сразу, словно его сдуло. Стейбусу потребовалось около минуты, чтобы сориентироваться в изменившемся до неузнаваемости сознании аскета и построить канал обратного перехода. Он нырнул в своё время, а отшельник провёл раскрытыми ладонями по лицу, словно совершал омовение, возблагодарил Бога и продолжил молитву.

Глава 3

Если мы примем как данность, что воздействие на сознание агентов возможно, то должны принять и факт возможности изменения прошлого. Влияние будет оказано косвенным путём, но это не должно нас успокаивать. Неизвестно, как давно мы вольно или невольно искажаем события ушедших тысячелетий. Кто начал первым? Каковы масштабы и какими будут последствия? Одна мысль, вложенная в голову агенту и принятая им как руководство к действию, может произвести не меньше изменений в Древнем мире (следовательно, и в современном тоже), чем если бы кто-то попросту своего агента убил. Допустим, мы внушим Юлию Цезарю не переходить Рубикон; Колумбу — что не стоит искать новый морской путь в Индию; Вильгельма Завоевателя убедим ничего не завоёвывать. И что мы получим уже через несколько сотен лет после любого подобного эксперимента? Другой мир. Другую историю планеты Земля. А нашего сегодняшнего мира, возможно, не будет вовсе.

Статья на сайте «Кронос» в Галактической информационной сети «Глобал». Автор не идентифицируется.

У Стейбуса оставалось достаточно времени до встречи с Агиляром, поэтому он не стал спешить, снова вошёл в «Глобал», но уже не через ретроскоп, и спустя минуту бродил по страницам «Ретродрома». Почти сразу он нашёл то, что искал.

Хронотрансформер. Нечто новое в ретроскопии!

Устал прыгать от агента к агенту? Напрягает бесконечное составление алгоритмов перехода? Забудь об этом! Не стоит тратить время, дожидаясь, пока твой агент сделает то, чего ты хочешь. Не стоит менять агентов в поисках того человека, который тебе нужен. Зачем охотиться за событием, которое ты мечтаешь пережить?

Обратись к нам! Мы не ждём, пока произойдёт то-то и то-то. Мы сами создаём желаемые события. Если тебе нужна любовь, значит, будет любовь. Если нужна война — да будет война!!!

Перевоспитай своего агента с нашей помощью. Преврати застенчивого тихоню в неотразимого любовника! Преврати труса в славного воина! Мы поможем тебе в этом.

Обращайся прямо сейчас!

Так вот, значит, до чего дошло, устало подумал Стейбус. Агиляр прав — надо чаще заглядывать на «Ретродром». И внимательнее просматривать засунутые в дальний угол страницы.

Хронотрансформация! То, чего все так боялись, о чём

спорили, сто раз проверили, и наконец убедили себя, что подобного никак не может произойти.

А нелегалы рекламируют комплексное силовое воздействие на психику агентов почти в открытую. Масштабы поражали. На просторах «Ретродрома» подобные услуги предлагались настолько широко, что оставалось лишь гадать о числе пользователей. На других нелегальных сайтах в аналогичных предложениях также не было недостатка. Всего различные варианты хронотрансформации применяли три десятка независимых групп и около двухсот проводников-одиночек.

Просмотрев статистику, Стейбус вздохнул было с облегчением — число повторных обращений пользователей стабильно уменьшалось в течение последних трёх месяцев. «Ага, не пошёл бизнес, — подумал он не без злорадства. — Не так-то просто оказалось делать зомби из людей былых эпох?» Но, пробежавшись ещё раз по страницам, осознал причину спада коммерческой деятельности: просто соответствующее программное обеспечение стало общедоступно, и на многих сайтах предлагалось уже бесплатно.

«Модификатор Е-400» — изменение психотипа личности.

Суггестор «Атака», версии с первой по седьмую.

«Инь-Ян баланс» — сравнительно новая программа, с помощью которой ничего не стоило раскачать психику, усилить какое-то одно качество, подавив все остальные.

«Доминанта» — то же самое.

«Пси-агрессор» — облегчённый и крайне опасный вариант «Атаки».

И так далее, и так далее…

Все эти программы для жёсткого внушения ударного типа, некогда запрещённые законами Империи и Содружества, теперь в открытую выкладывались на «Ретродроме». Запрет давно сняли, поскольку для применения в реальном мире в придачу к ним необходимо сложное оборудование, которое само по себе находилось под запретом. Легально его использовали только в спецклиниках Департамента исправительных учреждений — в особых случаях, обрабатывая преступников с тяжёлыми расстройствами психики, которые не могли или не хотели добровольно снимать личную пси-защиту для последующего лечения. В нормальных же условиях и с разрешённой техникой программы оставались достаточно безобидными — в настоящее время для защиты от любой из них и всех вместе взятых достаточно экрана, который каждому гражданину Империи ставят сразу после рождения.

Но у людей из прошлого никаких экранов нет.

Для применения «Атаки» или «Доминанты» против них довольно ретроскопа и обычного трансцессора. Нужно лишь слегка их модифицировать…

Стейбус в меру своих знаний прикинул, возможно ли это. Ответ был — да, возможно. И ни к чему даже «Игрек» подпольной сборки, соответствующий по параметрам ретроскопу класса «Икс». Хватит и обычного средненького ретроскопа, которые продаются сейчас в любом маркете.

— Или я идиот, или мы на пороге конца света, — пробормотал он. — Почему власти не принимают меры? Не знают? Глупости! Должны знать… О чём думают в Академии Времени? Куда смотрит Коллегия Мастеров? Они что, не понимают, к чему идёт?

Да нет, скорее всего понимают. Но это ещё хуже. Тогда их бездействие объясняется тем, что просто невозможно ничего предпринять. По крайней мере — быстро.

Нужны новые законопроекты, которые бы заново запретили использование устаревших, но вновь ставших грозным оружием программ. До принятия законов «Ретродром» сможет предлагать их вполне легально.

Как замечательно! Нелегальный портал предлагает легальные программы, которые в пространстве ретроскопа будут похуже, чем ядерное оружие.

Но ведь современная Империя совсем не то что старая. Сейчас не период Нового Расцвета, когда Император был реальным правителем, а не фигурой для представительства. Как-никак при конституционной монархии живём. И каждый гражданин Империи сегодня имеет право… Гражданин Империи — нонсенс! Логично было бы сказать — подданный. Подданным можно велеть прекратить, раскаяться и заткнуться, а вот гражданам уже требуется законное обоснование действий властей.

Быстро переодевшись в серые с чёрным рубашку и брюки, которые он всегда использовал для вылазок в объединённые кварталы, Стейбус вышел из дому и вывел из бокса свой икар. К чёрту конспирацию! Если полиция накроет Агиляра, то тем лучше. Одним нелегалом станет меньше, пускай его зажарят в аду. Сейчас Стейбуса ничуть не смущало, что при таком развитии событий достанется и ему самому. К чёрту всё! Миллионы путешественников во времени на текущий момент заняты тем, что провоцируют своих агентов на совершение несвойственных им поступков, могущих изменить глобальную хронологическую матрицу. Жаль, что встреча назначена не с Блэкбэдом — тогда он сам связался бы с полицией Сестрории. Или даже пошёл в ад —

лишь бы и Блэк там оказался.

Лессика жила своей повседневной беспокойной жизнью. Вогнав икар в приёмник шестого уровня квартала С-2 словно меч в ножны, он быстро прошёл к главному восточному туннелю. По обе стороны от транспортного коридора располагались полуоткрытые площадки, где размещались столики элитных кафе — элитных не только по меркам объединённых кварталов. Их посещали и жители мегабилдингов, и даже владельцы частных особняков, расположенных в зелёных зонах города.

Кафе у внешних арок транспортных туннелей были единственными в столице, где требовалось платить просто за вход, поскольку их для того и посещали, чтобы насладиться зрелищным, щекочущим нервы аттракционом — десятки частных и общественных икаров, сверкая габаритными и сигнальными огнями, шли на таран Лессики по обе стороны от стационарной транспортной линии — по крайней мере, так это выглядело со стороны. Казалось, что любая из аэромашин может вот-вот врезаться во внешнюю стену объединённого квартала или прямо в площадку кафе; в последнюю секунду они сворачивали и скрывались в туннеле на скорости от ста до трёхсот километров в час. Зрелище особенно замечательно выглядело ночью, но производило впечатление и днём, причём настолько сильное, что владельцев кафе обязывали иметь на входе предупреждающие вывески: «Посещение данного заведения нежелательно для беременных женщин, людей со слабой психикой и страдающих заболеваниями сердца». Стоя под такой вывеской, Стейбуса и дожидался Агиляр.

— Зайдём? — предложил он.

— Ты же хотел на нижние этажи, — возразил Покс.

— В общем-то, не имеет особого значения, — отмахнулся Агиляр. — Знаешь, у меня теперь бизнес здесь, на шестом уровне. Легальный, хоть и оформлен на подставное лицо. Я неплохо зарабатывал в последнее время…

— Что за бизнес?

— Ретросалон, что же ещё? Двадцать ретроскопов — для начала. Каждый стоит в отдельной кабинке. Скоро буду расширять, от клиентов отбою нет.

— Верю на слово. Ну и программки, конечно…

— Ничего подобного. Здесь у меня всё чисто. Только законная деятельность. Да и обычные посетители у меня — коренные жители Лессики, и денег у них кот наплакал.

— А с каких пор занимаешься хронотрансформацией? — в лоб спросил Стейбус.

Агиляр воззрился на него с изумлением.

— Ты что, совсем сбрендил после сегодняшнего? Я же просто так, просто показал тебе… Зачем мне это? Я что — ссыкун какой-нибудь? Как ни крути — хрон-магистр. Так мы зайдём или нет?

— Ладно. — Стейбус первым вошёл в кафе, сел за столик подальше от транспортного коридора и включил зону конфиденциальности.

Дождавшись, пока официант подаст заказ и уйдёт, Агиляр сказал:

— Я не думал, что шутка с монахом на тебя так здорово подействует. Блэкбэд попросил пояснить тебе всё на счёт изгнания бесов, когда спросишь. Ну, я и… С чего ты взял, что я стану тратить время на такую херню, как хронотрансформация?

— Это совсем не херня, если ты хоть что-то понимаешь, — сказал Стейбус.

— Погоди-ка, погоди, — лицо Агиляра прояснилось. — Ты что, после нашего расставания заходил на «Ретродром»?

Стейбус кивнул.

— По-о-онятно, — протянул Агиляр. — Но тогда ты видел же, что начинания всех этих «трансформеров» и «модификаторов» медленно и верно засыхают на корню? Зачем же я буду встревать в заведомо гиблое дело?

— Слушай, скажи мне… Только честно. — Стейбус пытливо взглянул собеседнику в глаза, и не мог не признать, что Агиляр смотрит на него так же открыто. — Скажи только одно, и больше можешь ничего не говорить; я встану и уйду, и мы больше никогда не увидимся. Я хочу знать: Синдикат приложил руку к извлечению из мусорной кучи «Глобала» этих программ? К адаптации «Атаки» и прочего психотронного хлама для ртроскопа?

Агиляр бросил вилку на стол и отвалился на спинку кресла.

— Ну ты даёшь, доктор! Вроде, знаешь нас достаточно давно. И мог подумать, что Синдикат станет заниматься подобными делами? Мы с серьёзным программным обеспечением работаем.

— «Пси-агрессор» против людей из прошлого — это очень серьёзно.

— И «Пси-агрессор», и «Доминанта», и «Атака» — это лишь программные присадки к психотронному оружию или специализированному медицинскому оборудованию, — сказал Агиляр. — Им тысяча лет, они всем известны, и любой толковый программёр сможет перекроить их под ретроскоп даже не вспотев. Все временщики так и поступают — самостоятельно. Ты не специалист, но сразу понял ведь, что к чему? Ретроскоп служит для перемещения сознания клиента и проектирования его образа в сознание агента. Трансцессор работает как усилитель. Тут и

менять почти ничего не нужно. Единственное, что подвергается переработке, так это оптимизатор, которым пользуется путешественник. Его необходимо переписать, заставить работать в обе стороны, что и обеспечит возможность контакта с личностью агента. А потом настраивают трансцессор для работы с усовершенствованной программой, для чего на ретроскоп устанавливают дополнительный пси-проектор вдобавок к основному. Теперь трансцессор станет проецировать в сознание агента отдельный виртуальный образ оптимизатора, что и даст человеку из прошлого способность усваивать кое-какие мыслеобразы путешественника, хотя сам он по прежнему ни о чём не подозревает. Качество передачи равно пятнадцати – двадцати пяти по тысячебалльной шкале Дендайма, но тут ничего не сделать. А дальше можно использовать что угодно, хоть и «Атаку»… Я не знаю, кому из ретродромовцев пришла в голову идея сделать на этом деньги, но ты сам видел, что получилось. Они смогли на несколько месяцев заинтересовать самых зелёных, неопытных пользователей и что-то нарубили на продажах и сервисе — потом всё начало глохнуть. И они выложили программы бесплатно. Потому что последний ссыкун понимает: ему выгоднее использовать старый добрый копиринг, чем отстёгивать свои кровные.

— Что за зверь — копиринг?

— А ты не знаешь? — удивился Агиляр. — А туда же — сразу обвинять Синдикат. Копиринг — это такая штука, что в среде ретроскопа он будет опаснее «Пси-агрессора» с «Доминантой», хотя его впервые изобрёл тупой и никуда не годный новичок без имплантатов и способностей сенситива. Это не программа — он не может устареть и его нельзя внести в «чёрный список», для него не нужно никаких приспособлений. Копиринг есть просто способ воздействия на человека из прошлого, и его нельзя запретить никак иначе, как только запретив ретроскопию вообще, поскольку для копиринга используется лишь сам ретроскоп — в готовом виде, из магазина.

Агиляр сделал паузу, оценивая, какое действие произвели на Стейбуса его слова.

— Готов слушать? — спросил он.

— Ещё как. Валяй.

— Рассказ будет долгим. Но сначала скажу, что, согласно статистике, в одной только Сестрории сейчас продаётся четыре миллиона ретроскопов в год. По Алитее в целом — сто двадцать миллионов, а это значит, что ретроскоп стоит в каждой второй квартире. Тот, кто не может позволить себе покупку, имеет доступ к ретроскопам в частных клубах мегабилдингов и объединённых

кварталов. По популярности в плане развлечений с ним соперничают лишь художественные пси-постановки, причём половина из них представляют собой переработку хроник, добытых, опять же, при помощи ретроскопии.

Посмотри хотя бы на жителей Лессики. Служащие без категории с минимальной зарплатой и бесконечной рабочей неделей. Для них одна отрада — завалиться после работы домой или в ретросалон, уйти в прошлое и поискать острых ощущений. На мозговые имплантаты у них денег нет, услуги проводников они могут оплачивать через раз, а способности у большинства из них таковы, что переход от агента к агенту для этих людей труден, если вообще возможен. Согласись, так путешествовать достаточно тоскливо. Если они случайно находят хорошего агента или попадается стоящее событие, вроде ночки любви с красоткой из прошлого, то это только разжигает аппетит. И вот кому-то приходит в голову, что неплохо бы повлиять на ту агентуру, которая уже доступна — чтоб вела себя поживее… Тебе или мне сложно такое понять, но поставь себя на их место. Мы с тобой можем ходить где угодно, нас тянут всё новые и новые эпохи, новые люди, а им из всего ретропространства доступен лишь маленький кусочек, содержание которого обычно не намного богаче, чем их настоящая жизнь.

И вот этот кто-то — имя его история не сохранила — изобретает копиринг. Заметь себе, изобретатель не был гением. Как временщик он был ничтожеством. Но — упорным ничтожеством. И что же он делает? Он в меру своих сил осваивает любую доступную технику внушения, откапывает где-то «Доминанту», настраивает её по своему вкусу — ну, к примеру, на подавление любых мыслей, кроме мыслей сексуального характера. Пытается воздействовать с помощью этого коктейля на своего агента, однако эффект очень слаб. В лучшем случае агенту придёт в голову, что вон с той девушкой было бы неплохо переспать, но подойти он к ней не отважится. Для того, чтобы характер человека из прошлого изменился, требуется нечто большее… Изобретатель не способен найти другого агента, однако по жизни своего собственного перемещается свободно — такое доступно любому. И, естественно, он может без конца возвращаться к нему на последующих сеансах. Тогда изобретатель принимает пародоксальное решение — он кодирует при помощи «Доминанты» самого себя. Чувствуешь? Он знает код собственного экрана, следовательно, ему не нужно никакое оборудование — всю операцию можно провернуть с помощью домашнего ИРа. Это не противозаконно, поскольку преступлением считается лишь вторжение в чужую психику, а не

в свою собственную…

Потом он выбирает нужный момент в жизни агента. Скажем, когда тот находится в состоянии алкогольного опьянения. Делает заход в прошлое, воздействует на него с помощью внушения и фиксирует хронокоординаты. Возвращается в своё время, настраивает ретроскоп на бесконечное повторение цикла и начинает совершать визиты в одну и ту же точку прошлого. Теперь ответь: сколько сознаний-копий окажется в прошлом после тысячи визитов?

— Тысяча, — сказал Стейбус. — Но толку-то. Физически личность клиента всё равно одна, и тысяча одинаковых копий не смогут установить контакт между собой или наладить какое-то общение. Они даже не почувствуют друг друга.

— А ты мог бы установить контакт с ними?

— Мог бы, — уверенно ответил Стейбус. — С любой из них или со всеми вместе, что в нашем случае одно и то же. Как отреагирует одна, так отреагирует и другая. Я не увижу между ними разницы и не буду знать, что их тысяча.

Агиляр довольно хихикнул.

— Ты был бы прав, если бы наш гений-недоучка сразу создал все копии. Но он всякий раз возвращался в своё время. Число безопасных вхождений равняется десяти в сутки. На создание тысячи копий у него уйдёт сто суток. Подумай, изменится ли человек за это время.

Стейбус онемел.

— Согласись, что его психика как-то изменится под влиянием внешних факторов и между двумя переходами в один и тот же день, — сказал Агиляр. — Следовательно, ты должен признать, что в сознании агента окажется тысяча разных сознаний — с минимальными отличиями, но все знают технику внушения и все одержимы жаждой секса благодаря «Доминанте».

— Погоди… Погоди, они всё равно не смогут контактировать друг с другом!

— Почему? — спросил Агиляр.

Стейбус помолчал, подумал, но ничего не сказал. Действительно, а почему не смогут? Агиляр прав — такие вещи не очень-то воспринимаются, если ты привык путешествовать по разным эпохам и сменил сотни агентов. Да что там — иногда сотню за день меняешь…

— Хорошо, — кивнул он, — продолжай!

— А что тут продолжать? Тысяча личностей изобретателя копиринга смогут-таки осознавать свою индивидуальность и общаться между собой, используя свои минимальные отличия в качестве разделителя, но они не станут, поскольку раскалены

«Доминантой» добела, хотят секса, и единственная их цель — заставить человека из прошлого делать то, что им хочется. А поскольку без своего реального прототипа копии недееспособны, им понадобится координатор. Тот, кто станет командовать армией. И это опять наш гений — он отключает «Доминанту» при помощи домашнего ИРа (да он каждый день после сеанса должен так делать, иначе сойдёт с ума или изнурит себя онанизмом), потом отдыхает, приходит в норму и переходит в прошлое в обычном состоянии сознания. Устанавливает контакт — легко, ведь все его копии очень похожи, как ты справедливо заметил. Потом даёт сигнал к пси-атаке. А тысяча нормалов, овладевших самой простой техникой внушения и действующих сообща, превзойдут и сенситива первого класса, и любого имплантёра.

Стейбус молча ковырял вилкой в своей тарелке.

— Способ не мог не стать широко известен среди новичков, — сказал Агиляр. — Изобретателю не терпелось поделиться своим успехом… Теперь ты понял, кем был третий путешественник рядом с тобой и ретропсихологом на сеансе изгнания бесов? Думаю, бедняга-агент и свихнулся благодаря его усилиям. Адепты копиринга ничего ведь толком не умеют. Он настраивал того израильтянина на какие-то действия — на агрессию, скажем, или на тот же секс, и психика не выдержала. Агент сошёл с ума, путешественник оказался заблокирован в его сознании. Возможно, здесь, в нашем времени, он уже был при смерти, когда ты на него там наткнулся. Дошло теперь, почему я не занимаюсь ретротрансформацией, и мне этот бизнес просто противен? Дошло, почему никто из Синдиката ею не занимается? Нам эта грязь не ко двору… На «Ретродроме» не клиент, а проводник выступает в роли координатора, понимаешь? Они на технику безопасности забили, делают с личности к ним обратившегося по шестьдесят копий в сутки и больше; а если проводник потом бросит новичка, так у него, одурманенного «Инь-Ян балансом» или «Доминантой», вообще нет шансов выбраться из прошлого. Те пользователи, что поумнее, предпочитают обходиться сами. Ну, и не все из них новички, конечно. Ты видел сегодня, что я делал с монахом. Теперь представь, что меня было бы там десять или сто. Клянусь, святой отец помчался бы галопом по пустыне до ближайшего селения с проституткой. А попадись на его пути верблюд — то и не добежал бы.

Официант, проходивший по залу, с подозрением покосился на их столик. Они сидели уже около часа, почти ничего не съели из того, что заказали, только разговаривали. Стейбус хотел для отвода глаз попросить принести кофе, но потом решил не

обращать внимания.

— Почему власти ничего не предпринимают? — спросил он.

— А что они могут? — удивился Агиляр. — Изучение силовых методов внушения законом не запрещено. Изучай на здоровье. Может, ты научный доклад готовишь… Подвергать себя воздействию «Инь-Ян баланса» и любых других модификаторов сознания можно — это всего лишь не рекомендуется Департаментом здравоохранения. В качестве усилителей используются трансцессоры. И что делать — трансцессоры запретить? Это же не психотронные пушки тебе! Это нормальный бытовой прибор.

— Но на официальных сайтах даже нет упоминаний о самом существовании проблемы!

— С год назад, когда всё началось, было долгое обсуждение на форуме «Правосудия». Но потом его прикрыли, справедливо рассудив, что любое упоминание копиринга служит ему лишь рекламой, и ничем больше. Теперь дают по шапке всем, кто осмеливается выложить в «Глобале» материалы по теме. Взялись за это дело настолько рьяно, что даже «Ретродром» не рискует разводить болтовню. Стратегия, как видишь, дала результат — сам-то ты не слышал же о копиринге до нашего разговора? Способ медленно распространяется лишь благодаря устной традиции, а парламентарии с Коллегией между тем решают, как разбить кувшин, не пролив при этом молока.

И наша Академия молчит всё по той же причине, подумал Стейбус. Ясно… Психотроника разрабатывала приборы, с помощью которых можно в тысячи раз усилить излучение мозга отдельного человека; кому могло примерещиться, что тысяча человек, объединившись, способны использовать в качестве психотронного излучателя обычный трансцессор? Такое невозможно представить в реальной жизни. Ведь тогда тысяча индивидов должна действовать как единое сознание!

А в прошлом — возможно. Копии одной и той же личности внутри чужой психики…

Покс представил, в каком затруднении находится сейчас Законодательное собрание. «Давайте, ребята, с завтрашнего дня строго запретим производство и использование шнурков для ботинок. При известной сноровке ими можно задушить человека. Конечно, убийца сможет совершить злодеяние со всеми удобствами только при условии, что не потеряет ботинки по пути к месту преступления. В противном случае ему придётся ходить босиком… Также нам необходимо принять во внимание, что некий мерзавец захочет задушить шнурками своего предка в четыреста пятьдесят девятом поколении. Несущественно, что

предок уже умер десять тысяч лет назад, а его могила вместе с планетой, на которой он похоронен, исчезла в недрах Хаоса. Главное для нас — закон и порядок».

Да ведь трансцессоры и остальная пси-техника — не шнурки. Шнурки запретить намного проще, заставив граждан носить туфли с замочком сбоку. А трансцессоры…

— Хорошо, — невесело вздохнул Стейбус. — А что насчёт изгнания бесов?

— Тёмная история, — ответил Агиляр. — Об инертах, с которыми ты столкнулся, сам Блэкбэд ничего определённого не говорит.

— Шутишь? — саркастически заметил Стейбус. — Ваш великий Блэк может перед чем-то спасовать?

— Зря насмехаешься. Блэкбэд знает о времени и его свойствах больше, чем вся ваша Академия вместе с филиалами. Но инерты — особое явление. В среде временщиков ходят слухи, что кто-то объявил войну поклонникам копиринга. А заодно и всем путешественникам, которые так или иначе изменяют прошлое. Они не очень-то разбираются, кто и по каким причинам оказывает воздействие на агентов. Просто вышвыривают к чёртовой бабушке. А могут и убить.

— Не понял — что, инертами руководят тоже путешественники? Отсюда, из нашего времени?

— Я же сказал — не знаю. Говорят, на Алитее существует некая секта, исповедующая религию, замешанную на псевдонауке и парапсихологии. Те, кто с ними не сталкивался, утверждают, что это враньё. Некоторые считают, что инерты являются неотъемлемой частью прошлого и к нам не имеют никакого отношения. Просто жили такие люди… Сторонники последней теории не уточняют, откуда тогда инерты могли знать события будущего. Я вдоволь пошлялся по древнему Израилю, и могу точно сказать, что и Моисей, и все ветхозаветные пророки были инертами. И будущее они видели достаточно хорошо. Ну, Иисус Христос, конечно, тоже. Я разок налетел на него, когда подселился в сознание одной тамошней шлюхи по имени Мария. Девка была просто зашибись, трахалась направо и налево. Пользовалась большой популярностью у путешественников, в основном у женщин, которым в реальной жизни недостаёт секса и хочется чего-нибудь пожёстче. На ней постоянно висели шестеро из нашего времени — пять баб и один мужик; я решил подключиться к их тёплой компании. Марию, видно, мучили определённые сомнения относительно своего душевного здравия. Трудно ничего не заметить, когда в твоём сознании постоянно тусуются три сенситива первого класса и четверо имплантёров,

оснащённых всем, чем только можно — синхронизаторами, трансцессорами, а я ещё и «Вавилоном». Девчонка пошла к Иисусу. Не стоит и рассказывать, что случилось потом — ты это сам пережил. Повышибало нас обратно в своё время, а одна путешественница, как я потом узнал, отправилась прямиком на Восстановление. Я через неделю попробовал вернуться к Марии — хрена с два, ничего не вышло. Самое удивительное, что я вообще не смог в неё попасть — в период времени до момента изгнания — тоже. Это вообще невероятно. По идее-то должен был. Ну, я плюнул, пошёл гулять дальше, побывал на Лесбосе в гостях у Сафо, а потом добрался до своих амазонок.

— Так тебе не только нравится быть женщиной, но ты ещё и склонен к лесбийской любви? — спросил Стейбус. — Необычно для парня с твоей внешностью. Достаточно мужественно выглядишь. Манеры только — немного того…

— Причём тут внешность? — перебил Агиляр. — Главное то, что внутри. Видишь — мне всё равно, что ты это знаешь обо мне. А больше почти никто не знает. Блэк, да несколько друзей-подружек. Прошлое — оно всё покрывает.

— Я сомневаюсь, — задумчиво проговорил Стейбус. — Очень сомневаюсь, особенно после того, что ты мне тут рассказал. — Ему казалось, что Агиляр, будучи полностью искренним на протяжении всего разговора, поведал об инертах далеко не всё, что знал, но он решил не заострять на этом внимание. — Слушай, не откажи в любезности? Кидай мне иногда на почту свои координаты, чтобы я мог найти тебя в прошлом. Это ведь безопасно. И Блэкбэду сообщи, что я с ним не прочь побеседовать.

— Ладно, встретимся. Решил полностью перенять обычаи нелегалов? Блэку сообщать необходимости нет. Держу пари, что он уже знает о твоём желании.

— Не в ваших обычаях дело. Просто я хочу провести небольшое частное расследование. И мне может потребоваться консультация.

Агиляр с сожалением посмотрел на Покса.

— Занимался бы ты своим Тёмным периодом, а? Не суйся к инертам. Ты же видел, какие они. Если это путешественники из нашего времени, то круче них я не встречал. Даже Блэк их избегает. Сказал мне, чтобы я держался подальше, и что позже он мне о них расскажет — и всё. Но ясно же — опасные ребята. Прихлопнут они тебя, если станешь надоедать.

— А я издали… На цыпочках. И кто сказал тебе, что я забыл о Тёмном периоде? Он и есть основная цель. Я очень хочу знать, отчего он наступил. Теперь во мне крепнет подозрение, что он мог наступить от того, что мы меняем прошлое… И ещё я хочу

знать, откуда взялся Хаос.

Глава 4

Настоящий исследователь не должен сосредотачиваться на частностях. Его первоочередной задачей является выявление общих закономерностей, с помощью которых только и возможно правильное истолкование каждого отдельно взятого факта.

Профессор Оллентайн, руководитель проекта «Ретроскоп — всё прошлое». Статья «Корректный подход» на официальном сайте Академии Времени в Галактической информационной сети «Глобал».

Что бы ни думал о планах Стейбуса Агиляр, сам Покс не собирался ничего предпринимать второпях, и уж тем более он не горел желанием разбираться с инертами на территории инертов, то есть в дальней временной зоне. Строго говоря, они и их феноменальные возможности не слишком интересовали Стейбуса, как и то, откуда инерты взялись. Он надеялся со временем это выяснить, пока же его больше волновал сам факт взаимодействия людей разных эпох. Просмотрев массу материалов по истории ретроскопии, Покс понял, что до сих пор многое упускал из виду.

Самое главное — проблема оказалась не нова. О возможности взаимного влияния личностей клиентов и агентов упоминал в своих работах ещё изобретатель ретроскопа Родерик Дендайм. Вслед за ним на опасность изменения хрономатрицы путешественниками указывали учёные, которых по праву считали отцами ретроскопии —Ленорн, Вэлл, Жордан и Оллентайн. Их доводы, насколько понял Стейбус, никогда не были опровергнуты; но почему же тогда они молчат сейчас, когда угроза из гипотетической превратилась в непосредственную? Дендайм — ясно почему, он умер сорок пять лет назад. А остальные?

Ленорн, Вэлл и Жордан в своё время представляли собой партию противников популяризации ретроскопии. Они настаивали на том, что технология должна оставаться в руках правительства, дабы к ней могли иметь доступ только лицензированные специалисты. К группе непримиримых примыкал Оллентайн, занимавший умеренную позицию: широкого распространения ретроскопии не избежать, считал он, однако необходимо принять все меры по постановке любых исследований прошлого под жёсткий контроль. О свободных странствиях, вроде современного развлекательного хронотуризма, речь тогда вообще не шла. Странно, что к учёным никто не прислушался.

Непонятным оставалось и то обстоятельство, что незадолго до смерти Дендайма тройка противников популяризации вдруг резко изменила свою позицию на прямо противоположную. Если раньше они были безоговорочно против массового производства ретроскопов, то теперь стали столь же безоговорочно «за». Причину столь резкой перемены их настроения Стейбус понять не мог и не допускал, что учёные уступили, поддавшись давлению со стороны правительства или промышленников. Это не объяснило бы их горячего энтузиазма по внедрению в жизнь технологии, которую они только что призывали засекретить самым строжайшим образом. Ленорна, Вэлла и Жордана в этот период всемерно поддерживал и Оллентайн, причём все они, вступая в полное противоречие со своей новой политикой, продолжали угрожать хронокатастрофой обществу, вставшему на путь свободного использования ретроскопии.

Ссылками на работы этой четвёрки пестрила любая диссертация по методике исследований; их труды считались основополагающими, сами они — непререкаемыми авторитетами. Чем объяснить непоследовательность их поступков тогда и самоустранение сейчас, хотя все они ещё живы? В чём дело? Стейбус приказал своему домашнему ИРу провести глобальный поиск, но не обнаружил никаких следов деятельности бывших «непримиримых» за последние двадцать лет. Из всех сподвижников Дендайма официальный пост занимал лишь Оллентайн, да и тот молчал как рыба в пироге, ограничиваясь выкладыванием статей почти нейтрального характера на «Кроносе». Вэлл, Жордан и Ленорн словно испарились. За пределами узкого круга специалистов о них никто не вспоминал, и такое полное забвение казалось более чем подозрительным. Стейбус прервал изматывающее блуждание в имперских архивах и обратился за разъяснениями к Оллентайну.

— Давненько вы не заглядывали ко мне, — приветливо сказал профессор, когда Покс вошёл в его кабинет. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Стейбус кратко изложил ему суть дела. По мере того, как повествование приближалось к концу, лицо Оллентайна мрачнело всё больше.

— Вас никогда не удивляло, — внезапно перебил он, — что я занимаю пост руководителя отдельного проекта и сижу здесь, в Дилойме, вместо того, чтобы управлять всей Академией Времени?

— Честно говоря, меня давно интересовал этот вопрос, — признался Стейбус. — Но я как-то не углублялся.

— Были слишком заняты, верно? — усмехнулся профессор. — Научные прорывы, и всё прочее?

Покс смутился и ничего не ответил.

— Хорошо, я вам расскажу, — продолжил Оллентайн. — Я даже не требую, чтобы разговор остался между нами, хотя его обнародование может повлечь весьма неприятные последствия для меня лично. Как вы знаете, ретроскоп был изобретён Родериком Дендаймом и впервые опробован в его частной научной лаборатории — здесь, в столице. Мы вчетвером — Вэлл, Жордан, Ленорн и ваш покорный слуга — работали с Родом рука об руку. Првые трое — с самого начала. Ну а я — почти с самого начала. Ретроскоп попал в поле зрения военных сразу же, как только Дендайм доказал, что это не фантастика, то есть ещё на стадии разработки. Мы не хотели с ними сотрудничать, но нас принудили. Вам интересно, с каких пор мы знаем, что с помощью ретроскопии можно изменить давно произошедшие события? Боже, да с самого начала! Невозможно вторгнуться в прошлое, не изменяя его. Это аксиома! Перенос во времени человеческого сознания, которое является ничем иным, как информационно-энергетическим образованием, мало чем отличается от перемещения в прошлое физических тел. Даже простая мысль имеет собственное материальное выражение и массу, равную сумме масс её носителей — инфотронов. Но мы как раз и ставили первоочередной задачей сведение риска к нулю, или, правильнее сказать, к отметке, на которой изменения не будут иметь катастрофических последствий. Военные хотели совершенно иного. Они собирались превратить ретроскоп в оружие.

— Войны во времени? — спросил ошарашенный Стейбус.

— Да, и главной стратегией становилось агрессивное силовое внушение, управление сознанием агентов-носителей. С армией за владение хронотехнологиями соперничало ГУСС[23], которое в то время имело слишком много власти. Возможно, что полноправный хозяин Управления Стейм, о коем говорили, что он явно стремится свергнуть императора и ввести диктатуру, планировал использовать ретроскоп в личных целях. Дабы этому воспрепятствовать, Дендайм обнародовал своё открытие на Гальнийской научной конференции. Технология стала достоянием гласности, а сам Род был убит. Скорее всего — сотрудниками спецслужб. Они опоздали только на один день. Или не опоздали, а просто решили отомстить. Это в их обычае.

— Он ведь погиб в авиакатастрофе?

— Я знаю, говорили о столкновении двух икаров над Гальни. Но на самом деле по икару Дендайма был нанесён удар из космоса. Выстрел произвели с орбитальной сторожевой платформы. Вскоре выяснилось, что Императорские военно-космические силы к покушению никакого отношения не имели.

Однако признать факт самопроизвольного залпа Министерство обороны не могло, да и никто не поверил бы. Сторожевые платформы предназначены в первую очередь для отражения атаки внешнего противника, и для изменения параметров наводки требуется тактическая переориентация всей системы. Оставалось предположить, что искусственный интеллект станции подвергся перепрограммированию для уничтожения планетарной воздушной цели, а сделать такое способен или Генеральный штаб, или Главное управление секретных служб. Верхушка Министерства обороны на убийство Дендайма не решилась бы, тем более что он был им нужен. Кто остаётся? Тогда и придумали историю с авиакатастрофой. Дело замяли, но оно послужило отправной точкой большого передела сфер влияния на самом верху, явилось причиной последующей отставки директора ГУСС Стейма и ослабления роли спецслужб в имперской внешней и внутренней политике.

Оллентайн прервался и вышел в приёмную. Стейбус услышал, как он попросил секретаршу сварить кофе и отдал распоряжение не беспокоить его весь остаток дня. Недоумевая, почему нельзя было сделать это по связи, Покс отрешённо оглядел помещение, и только минуту спустя до него дошло: профессор экранировал кабинет сразу же после его прихода. Стоило закрыть дверь, и комната оказывалась изолированной от внешнего мира.

Оллентайн так и сделал, вернувшись с подносом, на котором стояли две чашки и кофейник.

— Знаете, приготовленный кухонным комбайном кофе совсем не такой, как сваренный на плите, — сказал он. — Единственное преимущество техники заключается в том, что комбайн готовит кофе намного быстрее.

— Выходит, Дендайм обнародовал своё открытие, опасаясь, что спецслужбы получат монополию на ретроскоп, — медленно проговорил Стейбус. — А вы поддержали его, потому что…

— Шаг был непродуман, да… — согласился Оллентайн. — И он оказался преждевременным. Целью ГУСС был не Древний мир, конечно — прошлое Земли их совсем не интересовало. Как и далёкое прошлое Алитеи, впрочем. Ближняя временная зона — вот куда хотели прорваться военные, а вместе с ними и спецслужбы. Причём самое близкое прошлое — сто лет, двести лет… Тогда ещё никто не знал, что это окажется непросто. Мы думали, что возможность путешествий в ближнюю временную зону дело нескольких месяцев. В крайнем случае — лет. Мы не могли допустить, чтобы Стейм стал хозяином времени и развернул в прошлом операцию по переделке истории. Стейма

сместили, а к чему всё привело? Отдельные люди в правительстве тут же заинтересовались возможностью управлять поколением ныне здравствующих граждан, используя воздействие на давным-давно умерших подданных Империи. Армия не теряет надежды научиться делать агентами негуманов. О представителях нашей собственной расы из других Человеческих Миров я и не упоминаю — это первоочередная задача. Её решение позволило бы Алитее занять и прочно удерживать первое место в сфере сбора разведданных и диверсионной деятельности. Угроза вторжения извне вообще перестала бы существовать — ведь любую такую попытку военные могли бы предотвратить задолго до осуществления. Мы оба — опытные ретроскописты, но согласитесь, что и у вас, и у меня с трудом укладывается в голове возможность выиграть войну ещё до её начала, правда? А у генералитета — укладывается. И сторонники хронократии в правительстве не находят ничего странного или аморального в своих идеях, подразумевающих массовое внушение задним числом или устранение своих политических противников до их рождения. Ещё неизвестно, кто из них хуже… И военные, и хронократы не в состоянии понять, что последствия любых из перечисленных действий непредсказуемы в принципе. К счастью, все их планы провалились — близкое прошлое недоступно до сих пор. Но бизнес-элита сразу почуяла в ретроскопе неиссякаемый источник наживы, и когда пришло их время, остановить процесс мы уже не смогли. Хотя и пытались. Одним из способов стало создание Службы безопасности межвременных путешествий, больше известной как Коллегия Мастеров Времени. Я в ней никогда не состоял, а вот трое моих коллег по работе у Дендайма — да. Достаточно долго им удавалось контролировать дальнейшие разработки в области ретроскопии, хотя от них уже мало что зависело. Избежать конфликтов при этом было невозможно. Ленорн дважды сидел в тюрьме, а Вэлл и Жордан провели по нескольку лет на каторжных планетах. Двадцать лет назад из Коллегии выжили последнего из них. С тех пор Служба больше никак не влияет на общее положение дел, хотя и остаётся сдерживающей силой, препятствующей хотя бы мелким мошенникам обделывать свои грязные делишки…

— А вы? — спросил Стейбус.

— Что — я? Я тоже делал что мог. Я раньше всех понял невозможность поворота назад. С самого начала предчувствовал это. И взялся за единственное, что сулило благой результат — всеми силами старался привить сотрудникам, работающим под моим началом, надлежащую культуру проведения исследований. Я сделал всё, чтобы оказаться во главе Института сравнительной

истории. «Ретроскоп — всё прошлое» — центральный проект Академии Времени, и здесь я в состоянии принести наибольшую пользу.

— А я-то думал — чем объясняется ваше нежелание осваивать новые методы? — грустно заметил Стейбус. — Всё просто. Для вас они уже пройденный этап. Но если так, то выходит, что я не оправдал ваших надежд. Я как раз использую те способы, противником которых вы являетесь.

Он немного помолчал, потом признался — неожиданно для самого себя:

— У меня даже синхронизатор в голове стоит.

— Давно подозреваю это! — весело сказал Оллентайн. — Но кто вам сказал, что вы что-то там не оправдали? Будь так, вы не сидели бы здесь сейчас, беседуя со мной. Будь так, вы сидели бы теперь в моём кресле. Стоит вам лишь пожелать…

— Сомневаюсь, что это так просто, — буркнул Стейбус.

— А вы не сомневайтесь. Да, стоит вам только пожелать, и руководство Академии с удовольствием заменит меня на вас. Но вы этого не желаете. Что и доказывает — я в вас не ошибся.

Стейбус поставил на поднос пустую чашку и только тогда заметил, что выпил кофе, совсем не чувствуя вкуса любимого напитка.

— Начинаю понимать, — сказал он, — почему полиция ничего не может поделать с временщиками-нелегалами.

— Да это же элементарно! — воскликнул Оллентайн. — Конечно, большая часть группировок финансируется современной ГУСС и военными. Управление растеряло былое влияние, но не оставило надежд прорваться в ближнюю временную зону. А пока им служит полигоном дальняя. И всё происходит при полном попустительстве имперских властей. Нелегалам поставляется новейшее оборудование, в том числе и секретные разработки для армии; ГУСС делится с ними собственными открытиями в области ретроскопии — стоит ли удивляться, что они с лёгкостью уходят от полицейского преследования и всегда опережают официальную науку? Бизнес-аристократия желает производить ещё больше ретроскопов; правительство мечтает получить ещё один рычаг управления гражданами… уже получило, если разобраться. Пусть близкое прошлое пока недоступно, однако ретроскоп способен оказывать влияние на настоящее даже не изменяя прошлого. В распоряжении граждан оказалась игрушка, которая к настоящему моменту поглотила всё их внимание и отвлекла от насущных проблем. Число забастовок и антиправительственных выступлений неуклонно снижается с каждым годом. Их становится тем меньше, чем больше мы

продаём ретроскопов, и вскоре народное недовольство совершенно утонет в омуте тихих домашних игр со временем…

Стейбус распрощался с Оллентайном и отправился домой, всё ещё находясь под впечатлением услышанного. Взяв свой икар с институтской стоянки, он обнаружил, что не в состоянии нормально управлять — пришлось вести машину на самой малой скорости, но включать автопилот он всё же не захотел. Едва набрав высоту, он увидел, что на Сестрорию наползает серая мгла, и включил сводку погоды. Метеорологическая служба передавала предупреждение об аномальных ППУ в районе столицы.

«Гражданам с повышенной ППУ-чувствительностью: советуем заранее связаться с вашим работодателем… Лицам, относящимся к категории относительно подверженных: просьба воздержаться от вождения личного транспорта».

Плохие погодные условия… всего-навсего. Однако, на славящейся поистине райским климатом Алитее, печально известная аббревиатура давно стала символом почти всенародного бедствия. Завтра двадцать пять процентов жителей Сестрории не сможет выйти из дому или даже самостоятельно подняться с постели. Ещё сорок процентов сделают это с большим трудом.

Расплачиваемся за свою неприспособленность, думал Стейбус. А ведь когда-то люди радовались, обнаружив в Андромеде дивную планету, где климат такой ровный, что лёгкая рябь на море уже сходит за шторм. Дождь и солнце — всего в меру. В каком бы климатическом поясе ты ни находился — везде хорошо, выбирай по вкусу. На экваторе чуть жарче, а в умеренных широтах — прохладнее. И это всё. Первые аномалии были отмечены всего лишь около ста лет назад.

Сначала их связывали с глобальным потеплением, а затем наоборот — с глобальным похолоданием. Учёные говорили об окончании климатического цикла длиной в четыре тысячи лет, который являлся завершающим этапом большого периода, продолжительностью в шестнадцать тысячелетий. Называли и другие причины, в том числе техногенного характера. Но никто так и не смог сказать ничего определённого, никто не отважился сделать долговременный прогноз. А погодные аномалии учащались, ширился круг их проявлений. Вначале ППУ носили единичный характер — раз в год или раз в несколько лет; но уже полвека назад стали представлять серьёзную проблему, в совокупности с прочими природными явлениями экстремального порядка, которых раньше на Алитее не отмечалось.

Участились землетрясения, в том числе и в районах с

благоприятной сейсмической обстановкой, а их магнитуда увеличилась в среднем в полтора раза. Оживилась вулканическая деятельность. За последние десять лет огромные морские волны разрушили несколько посёлков на побережье, а фешенебельный курортный Шекеньян смыло в море целиком. Число человеческих жертв превысило миллион человек, и Шекеньянская катастрофа стала крупнейшей за всю историю Алитеи. Та же самая волна, что уничтожила самый дорогой курорт Империи, разрушила дамбы вокруг торгового центра Южного побережья — Кастибу. Расположенный в устье величайшей реки планеты, город оказался затоплен. Большую часть населения удалось эвакуировать, но сильнейшие ливни помешали восстановительным работам, и Кастибу превратился в болото с торчащими над его поверхностью башнями мегабилдингов.

Решив посмотреть, насколько плохо дела обстоят на сей раз, Стейбус отдал бортовому ИРу команду о герметизации машины и поднял икар вертикально вверх, почти на границу тропосферы. Панорама столицы и её окрестностей теперь напоминала крупномасштабную карту, и Покс выругался сквозь зубы. С востока на Сестрорию натягивало здоровую чёрную тучу, обрамлённую по краям беспорядочными серо-белыми лохмотьями. Она стремительно росла, увеличиваясь в размерах, словно великан надувал воздушный шарик. Следом за ней, как армия за передовым отрядом, шёл сплошной грозовой фронт, расчерченный кривыми длинными трещинами молний.

Придя в себя, Стейбус направил икар вниз по наклонной траектории, которая, согласно прогнозу ИРа, выводила его прямо к ангарам Старого Квартала. По связи как раз передавали сводку погоды на следующую неделю, но он переключил канал не дослушав. И так было ясно, что хорошего ждать не приходится.

— Говорит радиостанция «Пентаграмма», — раздался из динамика голос одного из дикторов первого новостного канала. — Сейчас ровно шесть вечера по столичному времени, пятница, окончание рабочего дня и рабочей недели для служащих второй категории, которые, как известно, составляют двадцать процентов трудоспособного населения Империи. Следовало бы пожелать вам приятных выходных, и я это сделаю, однако мне придётся для начала попросить прощения у жителей столицы — для них такое пожелание звучало бы издевательски, поскольку большинство из них…

Покс вздохнул и приказал ИРу блокировать связь. Его икар продолжал быстро снижаться. Машина вошла в жерло приёмника ангара как раз в тот момент, когда на столицу упали первые крупные капли дождя.

Глава 5

Если в реальной жизни у тебя возникают трудности с поиском партнёра из-за нестандартной сексуальной ориентации, то ты можешь забыть об этом с сегодняшнего дня. Обратись к нам!

Гомосексуализм в любых странах от эпохи фараонов до конца двадцатого века. Древняя Персия — царство изощрённого разврата. Индия и Египет. Америка до Колумба и после. Последователи Магомета — всегда ли они уважали запреты Корана?

Япония — гомосексуализм в среде самураев. Кодекс подростка — «Путь юноши». Однополая любовь здесь была непременным атрибутом обучения воинскому искусству, как и в Древней Греции. Священный лох города Фивы — отряд, состоявший исключительно из гомосексуальных пар. Именно они впервые в истории сокрушили непобедимую спартанскую фалангу и убили спартанского царя!

Гомосексуализм в Древнем Израиле, Африке, Московской Руси; в среде Католической церкви и в стенах буддистских монастырей. Интересные факты из жизни известных личностей — Юлий Цезарь, Леонардо да Винчи, Эдуард Второй, Пётр Чайковский, Эрнст Рём, Ральф Уолдо Эммерсон…

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

Утром Покс хотел улететь на выходные в курортный Гангу, славящийся своими лечебными грязями, однако выбраться на личном икаре за пределы Сестрории не было никакой возможности, а ждать очереди на общественных транспортных линиях он не захотел.

Весь вечер и всю ночь на столицу обрушивались целые водопады воды. Старый Квартал вздрагивал от могучих раскатов грома: мощнейшие акустические удары были не в силах погасить никакие системы звукопоглощения. Утром город накрыло толстое одеяло низкой облачности, почти касавшееся бесконечных неровных крыш объединённых кварталов, а мегабилдинги, казалось, вовсе перестали существовать. Их километровые шпили, вонзившиеся в бело-серую массу, снизу казались какими-то жалкими обрубками.

Стейбус открыл дверь и вышел на террасу.

По открытым транспортным каналам между кварталами медленно тащились рваные клочья облаков, похожие на гигантские заблудившиеся привидения. На земле, в самом низу, текла настоящая река — системы ливневой канализации

перестали справляться с невероятным количеством осадков уже через час после начала дождя. Из новостей Покс знал, что великолепный Императорский парк сейчас напоминает трясину, а население зелёных зон города пришлось спешно эвакуировать.

— Нет необходимости ехать в Гангу, — сказал Стейбус себе под нос. — В столице сейчас своей грязи сколько угодно. Правда, она не целебная, но зато её много.

Целый день он работал на ретроскопе, хотя и без особого азарта, часто прерывался и выходил на террасу с чашкой кофе или стаканом молочного коктейля. Периодически из облачного покрывала наверху обрушивалась новая порция воды, и Стейбус, приказав ИРу растянуть над террасой тент, подолгу сидел, глядя на дождь.

К вечеру ливень перешёл в мельчайшую водяную морось, в которой проскакивали мокрый снег и ледяная крупа. Температура упала до плюс двух градусов, что на широте Сестрории, да ещё летом, было настоящей сенсацией.

Стейбус так глубоко задумался, глядя на эту фантастически безрадостную картину, что не сразу понял, что за мелодия родилась в его голове. Потом прошёл в комнату и взял со стола обруч оставленного там внешнего трансцессора.

— Я уж думал, ты не ответишь, — услышал он.

— Кену? Я не ждал связи… Сегодня я наверняка никому не нужен. Все мои подчинённые лежат в нокауте, а тем, кто на ногах, я, наверное, в рабочее время опостылел придирками.

— На ужин придёшь? Я уже в кафе.

— В такую погоду? — изумился Покс. Потом подумал и поправился: *— А почему бы и нет? Сейчас буду.*

Одевшись потеплее, он поднялся уровнем выше и увидел диспетчера ЭМП, восседавшего за одним из столиков. Хотя владелец кафе заботливо прикрыл всю террасу тентом — не только сверху, но и с наветренной стороны — больше там никого не было. А за стеклом, в закрытой части заведения, не набралось бы и десятка посетителей.

— Я рад, что ты решил не нарушать традицию, — улыбнулся Кену. — Наш сегодняшний ужин будет не совсем обычный, верно?

— Чтобы не сказать больше. Надеюсь, еда не примёрзнет к тарелкам прежде, чем мы успеем её проглотить.

Высказавшись столь пессимистично, Стейбус, однако, улыбнулся в ответ, сел напротив диспетчера и с азартом потёр руки. Идея начинала ему нравиться. Ужин, действительно, обещал быть необычным. Дыхание при такой температуре превращалось в пар, и Покс, всю жизнь проживший поблизости от экватора, про себя удивлялся, что произнесённые слова не

выпадают на стол в виде инея.

— Я в молодости работал на севере, — сообщил Кену. — Там такая температура — обычное дело, правда, не в разгар лета. Ну и решил сегодня устроить традиционный пикник на свежем воздухе в северном стиле. Мясо жарят на вертеле и подают вместе с тушёными овощами и кашей. Всё периодически приходится подогревать на жаровне, но от этого только вкуснее. Ну и, конечно, «Гранд Старк» пятнадцатилетней выдержки. Этот напиток способен прожечь желудок насквозь, но чудесно согревает. С ним никакой мороз не страшен.

— Согревающее действие алкоголя — всего лишь иллюзия, — возразил Покс. — Сам знаешь, что тепло отдаёт твоё собственное тело.

— А ты вот поживи месяц-другой при такой погоде, и чем угодно пожертвуешь даже за иллюзию. Но ты же наверняка и снег-то видел всего пару раз, когда выезжал покататься на горных лыжах куда-нибудь в Сейн или Карам.

Два официанта, закутанные с ног до головы, поглядывавшие на странных посетителей как на ненормальных, установили рядом со столиком большую электрическую жаровню.

— Я не знал, что в нашем кафе есть такие, — заметил Стейбус.

— Здесь — нет. Жаровню хозяин по моей просьбе заказал в ресторане Имана, как и «Гранд Старк». В глубине души я был уверен, что ты согласишься.

— Раз уж ты решил так разориться, почему мы не отправились прямо к Иману?

— Там всё слишком вычурно. Здесь мне нравится больше.

Кену разлил по рюмкам тягучую жидкость, похожую на дёготь.

— Давай, по первой.

— Что, натощак?

— Эх ты, тропический житель, — с сожалением сказал Кену. — Ничего не понимаешь. Конечно, натощак.

Стейбус отпил глоток из своей рюмки и едва не поперхнулся. «Гранд Старк» прокатился по его пищеводу, подобно потоку лавы, и остывать в желудке не спешил.

— Ну как? — довольно спросил Кену. — Сейчас будет готово мясо, и после третьей рюмки ты полностью осознаешь преимущества крепких напитков и калорийной еды при низких температурах.

Шашлык «по-северному», или как он там назывался, тоже был необычен. Два здоровенных куска мяса размером с ладонь и толщиной в три пальца, насаженные на шампур, выглядели

прямым отрицанием вегетарианства и умеренности в пище. Покс взглянул на свою порцию с чувством неуверенности в собственных силах, но от мяса исходил такой восхитительный аромат, что он не заставил себя упрашивать. Кену, не дожидаясь официантов, опасливо поглядывавших из-за стекла в ожидании знака от клиентов, разложил по маленьким сковородочкам кашу и овощи.

— Прихватывай того и другого, и не забывай по очереди ставить всё на жар, — посоветовал он. — Напитка полагается по бутылке на нос, но тут, так и быть, я тебя пожалею, иначе ты не дойдёшь до квартиры без посторонней помощи.

Стейбус в первый раз видел своего друга таким. Глаза Кену вспыхивали мрачноватым огнём, и он, то и дело прищуриваясь, поглядывал в сторону, в вечерний сумрак, который казался почти настоящей ночной темнотой из-за нависших сверху беспросветных туч.

— Что за настроение у тебя сегодня? — спросил Покс. — Обычно ты не склонен устраивать пиры с попойкой в лучших традициях пещерных жителей.

— У пещерных жителей не было «Гранд Старка», — возразил Кену. — И от этого они много потеряли в жизни.

После первого безразмерного куска мяса и четырёх рюмок «дёгтя», Покс был склонен с ним согласиться. Рюмки были небольшими, но их содержимое с избытком восполняло недостаток объёма, заливая организм потоками приятного жидкого огня. Вскоре он совершенно перестал замечать холодный ветер, задувающий под тент, и расстегнул наполовину молнию на своей меховой куртке.

— Ага, — удовлетворённо заметил Кену, — ты начинаешь приспосабливаться к окружающей метеорологической обстановке. Ещё немного, и она начнёт тебе нравиться. Отличительной особенностью «Гранд Старка» является то, что его поклоннику вскоре становиться глубоко наплевать на любые погодные условия. А наша скромная пирушка объясняется просто. Мне, если честно, надо расслабиться после дежурства. Я только что сменился. Сам понимаешь, при ППУ такой силы работа в ЭМП смахивает на эвакуацию сумасшедшего дома во время землетрясения.

— Много вызовов?

— Много — не то слово. Ни минуты покоя. Все группы на заявках. На станцию никто не возвращался почти, я сразу же заворачивал врачей с одного адреса на другой. Все больницы забиты, все пункты быстрой помощи переполнены. И дело тут не только в непосредственных неприятностях от ППУ. Некоторые

придурки, из особо подверженных, не отключают ретроскопы, надеясь пересидеть тяжёлые времена в прошлом. Оно бы и неплохо, им действительно так легче всё переносить, но распорядок вхождений-то нужно соблюдать! А они уходят в Средневековье или Древний мир и висят там бесконечно, боясь высунуть нос в реал. Можешь себе представить, сколько народу пойдёт на Восстановление до конца недели?

— Синоптики обещают, что положение не изменится как минимум дней двенадцать.

— Да, я знаю. Но что будет к концу второй недели, мне не хочется и думать. Бог с ними, с чокнутыми ретроскопистами. Эти сами виноваты. Нормальных людей жаль. Сердечные приступы — словно эпидемия. Обострение всех хронических заболеваний. А при такой температуре неизбежны простуды, воспаления лёгких и прочие неприятности, что из-за резкого падения сопротивляемости организма в период ППУ грозит тысячами смертельных случаев в каждом районе столицы, в каждом квартале…

— И нельзя ничего сделать.

— И нельзя ничего сделать, — согласился Кену. — Половина жителей сейчас ведёт растительное существование в пределах своих квартир. Утром, пока из столицы бежали те, кто не успел или не смог сбежать вчера, было невозможно пробиться ни в один вид общественного транспорта. А сейчас — посмотри — город как вымер. Всё это, знаешь ли, навевает на меня мысли о светопреставлении.

— Апокалипсис? Похоже. Вымершая Сестрория, вымершие кварталы, замёрзшие квартиры и двое не подверженных ничему, кроме «Гранд Старка», бродяг, пирующих на могиле цивилизации.

— Да, так примерно. Честно, Стейбус, я не смог бы сегодня поужинать дома, зная, что творится вокруг. Здесь мне как-то легче.

— Как твоя Абелла?

Кену сразу помрачнел.

— Всё так же увлечена ретроскопом. Пока — в меру. Не знаю, что будет дальше.

— Не пытался просто ей запретить?

— Я ей не муж.

— Так стань. Когда вы, наконец, поженитесь?

— Она не согласна, пока я на пенсию не выйду. Она права, в общем-то.

Кену надолго умолк, переставляя в жаровне сковородочки, потом в очередной раз наполнил рюмки.

— ППУ странно учащаются в последние годы, — задумчиво

сказал он. — Не нравится мне это.

— А кому нравится?

— Я не о том. Я вообще. Что если дело не в естественных глобальных изменениях климата? Что если дело в ретроскопе?

— Что ты имеешь в виду?

— Мы вторглись в прошлое. По «Глобалу» упорно ползают слухи, что любые события можно менять. Будто многие делали и делают это. Такие действия не могут не отразиться в настоящем, и первым делом станет меняться климат. Я так слышал.

— Да, теория стара как мир, — согласился Стейбус.

— Вот ты, как профессионал, скажи — такое возможно?

— Кену, дружище, я историк, а не специалист по теории хронокатастроф, — ответил Покс. — И ответа я не знаю. Вообще-то — да, при некорректных действиях в прошлом, в нашем времени изменения в первую очередь должны коснуться климата и тому подобных вещей, а вовсе не событий нашей жизни, как можно было бы подумать сгоряча. Первыми начинают колебаться константы, для корректировки которых требуется больше всего времени. Легко изменчивая событийная матрица приходит в движение последней. Таким образом, процесс в целом завершается одновременно, создавая новую картину мира. Но, по совести сказать, я не вижу никаких оснований для изменения алитейского климата после нашего вторжения в прошлое Земли. Вот если бы мы путешествовали в далёкое прошлое самой Алитеи, тогда… И не забывай, что первые ППУ-аномалии отмечены более чем за пятьдесят лет до изобретения ретроскопа. А это сводит на нет твою теорию. Не думай, что такие же мысли не высказывались. Они высказаны давно, виднейшими учёными… но пока ничем не подтверждены.

— Выходит, можно спать спокойно?

— Можно, если тебе начихать на наступление ледникового периода естественным порядком… Ну что ты пристал? Не знаю я. Сам хотел бы иметь ясный ответ на твой вопрос. Но — не знаю.

Стейбус снял с жаровни свой шампур. Мясо с одной стороны покрылось аппетитной коричневой корочкой, жир зарумянился и шипел.

— Не могу поверить, что мне придётся бросить эту прелесть недоеденной, — серьёзно сказал он. — Но я просто не в состоянии съесть второй кусок весь целиком.

— Слабак! — презрительно сказал Кену. — Но тебе простительно. Что можно ожидать от человека, круглый год со дня рождения живущего при температуре от плюс восемнадцати до плюс двадцати шести? А вот если я прав, и погода установится на новом уровне — на том, что ты ощущаешь сейчас — ты через

год сможешь слопать всё, потом ещё столько же, затем ещё полстолько, а под конец ещё четверть-столько. После чего попросишь добавки.

* * *

Встав на следующее утро — без похмелья, но с лёгким головокружением — Стейбус так и замер у окна. Снаружи всё было покрыто снегом!

Не веря своим глазам, Покс быстро оделся и вышел на террасу. Везде лежал снег.

Он шёл ночью, а теперь прекратился, покрыв столицу словно погребальным саваном. Непривычный вид белой Сестрории, чего раньше никогда не бывало, настолько поразил Покса, что он долго стоял, не в силах ни о чём думать.

Вышел из под навеса, подошёл к ограждению.

Нагнулся, захватил в пригоршни холодную белую массу и не спеша слепил снежок.

«Первым делом меняется климат».

Не может быть!

Вернувшись домой, Стейбус сел в кресло и, положив снежок на стол, долго наблюдал, как тот медленно тает, расползаясь в лужице воды. На улице тоже таяло, поскольку температура вдруг начала быстро повышаться.

И снова хлынул дождь. Он в считанные минуты сожрал новый столичный наряд и прекратился, словно уничтожение следов ночного снегопада было его единственной задачей. Температура продолжала повышаться, и к вечеру воскресенья над столицей повисло удушающее марево, усугубленное критическим уровнем влажности — как в бане. В понедельник и вторник перепады атмосферного давления были столь внезапны и сильны, что в постель слегли многие из тех, кто раньше влиянию ППУ подвержен не был. Большинство учреждений не работало, стояли закрытыми магазины и кафе. А в среду на Сестрорию обрушился град.

Это был не просто град — настоящая ковровая бомбардировка. Стоя у окна, Стейбус наблюдал, как о покрытие его террасы разбиваются градины величиной с кулак, засыпая ледяным бисером обрывки моментально сорванного тента. Тысячи стремительных белых снарядов остервенело крошили изящный декоративный парапет, облицованный гранитной плиткой. Поксу повезло — его жилой модуль располагался с подветренной стороны квартала. В других местах, как он потом

узнал, не всегда помогали даже стальные жалюзи на окнах.

Градины сыпались всё чаще, они становились всё крупнее, вес некоторых достигал полутора килограммов и больше. Так продолжалось пятнадцать минут, и когда всё закончилось, город был покрыт полуметровым слоем льда, битым стеклом, кусками камня, пластика и обломками сотен сбитых икаров. Мегабилдинги сверху смотрели на объединённые кварталы, зияя пустыми провалами выбитых окон и рваными дымящимися дырами в тех местах, где их протаранили не успевшие приземлиться летательные аппараты. Кое-где со зданий время от времени продолжала отваливаться гигантскими пластами зеркальная облицовка. А с востока на город снова наползали грозовые тучи, щупающие землю и громоотводы уродливо искривлёнными пальцами молний.

Глава 6

Мы переправимся с Кортесом через океан и завоюем Мексику! Присоединяйся! Империя инков глазами победителей!

Япония! Войны самураев! Оцени древнее искусство владения мечом катана!

Тибет. Ритуал освящения знамён. Хочешь увидеть? При обряде использовалась человеческая кровь! Кто бы мог предположить, что буддийские монахи, остерегающиеся убить букашку, занимались человеческими жертвоприношениями!

Австралия до прихода европейцев. Ты зря не обращал раньше внимания на эту страну! Здесь много интересного! Хочешь узнать, чем занимались аборигены?

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

Перемена погоды и резкие перепады давления на Стейбуса не действовали, но зато он впал в депрессию. Его отдел продвинулся вверх по Тёмному периоду до 1995 года и накрепко застрял на этой отметке по причине ППУ, поскольку большинство сотрудников или взяли вынужденный отпуск по причине недомогания, или чувствовали себя слишком плохо для работы с ретроскопом.

Но главная причина отвратительного настроения Покса заключалась, конечно же, в том, что он узнал от Оллентайна. Если старик прав, и нелегалов покрывает ГУСС, то картина складывалась совсем неутешительная. По правде сказать, она была ещё хуже, чем могло показаться при первом рассмотрении. Действительно, если спецслужбы используют нелегалов в качестве своего рода внештатных сотрудников, пусть даже не все они знают об этом, а возможность воздействия на сознание людей прошлого широко пропагандируется уже около года, так значит, способ не нов, давно известен спецам из ГУСС, признан устаревшим и рассекречен. Следовательно, сами они продвинулись дальше, и кто знает, насколько далеко и в каком направлении. Стейбус понимал, что вряд ли подробную информацию по данному вопросу можно обнаружить на «Ретродроме», но всё же попытался.

«Ретродром» был крупнейшим, но далеко не единственным частным сайтом временщиков. Все они — легальные и нет — конкурировали друг с другом, заманивая к себе посетителей. Из отголосков их междоусобных войн и эха вечной вражды всех без исключения частных сайтов с «Кроносом» опытный человек мог

при желании извлечь больше информации, чем откуда-либо ещё. Достаточно посещать крупные сетевые форумы, владельцы которых зачастую специально стравливали официалов и подпольщиков между собой, вбрасывая в «Глобал» провокационные статьи купленных ими авторов.

Много времени уходило на отсеивание шелухи, но если набраться терпения… И Стейбус, не в силах думать ни о чём другом, целыми днями просиживал или в прошлом, или на «Ретродроме», или на форуме «Перекрёсток времён». На «Перекрёстке» он обычно выбирал самую горячую тему, включал трансцессор и часами слушал разговоры пользователей. Общение с помощью мыслесвязи шло почти мгновенно, секунды по внутреннему отсчёту форума растягивались в часы и дни — точно так же, как бывает в прошлом при использовании ретроскопа. Иногда Покс отдыхал, отпуская сознание в свободное плаванье, ловил случайные диалоги.

Ваган, хрон-прима, стаж — 5 лет, потенция — 2547:*Расскажу вам историю. Вы слышали, конечно, про Общество самоубийц. Само Общество существует давно, однако из старейших членов никого не осталось, ведь у них там постоянно обновляется состав — ха-ха! Они отправляются в прошлое затем, чтобы уже не возвращаться. Некоторые просто блокируют переход обратно в своё время, но такое редкость. Основная же часть ищет себе агента, который вот-вот отдаст концы, причём с треском и под звуки фанфар. Один парень недавно подселился к Джордано Бруно как раз перед тем, как того сожгли на костре. Другой зацепился за сознание одного из астронавтов «Челенджера». Просто такой способ лишить себя жизни, ничего особенного в их пониманиц, хотя лично я поджаривания заживо не пожелал бы и злейшему врагу. Ну, взорваться вместе с «шаттлом» ещё куда ни шло… Раньше в Общество принимали только тех, кто уже пережил одно бесплатное Восстановление и на второе мог не рассчитывать. Сейчас порядки смягчились. Заходи кто хочешь.*

У них же квартирует группа «Камикадзе» — самые отчаянные экстремалы. Эти, наоборот, даже режим вхождений в прошлое не нарушают, не говоря о длительности пребывания, но совсем не следят за выбором эпох и агентов. Если им где понравится, лезут в самое пекло. Ясно, что часто гибнут вместе с агентом.

И вот теперь в Обществе завелась третья группа. Сплошь одни ссыкуны, а почему их туда приняли, для всех загадка, поскольку они ничего не умеют.

Эмир, хрон-прима, стаж — 16 лет, потенция — 9045: *А ты думаешь, для того, чтобы стать покойником, требуются глубокие знания?*

Импала, хрон-магистр, стаж — 4 года, потенция — 24560: *Облажался, Ваган. Думай, что говоришь.*

Ваган: *Да ладно вам! Импала, девочка, ты мне обещала встречу в реале.*

Импала: *Перебьёшься. Это я так, пошутила.*

Эмир: *Давайте по теме.*

Импала: *Зануда с шестнадцатилетним стажем.*

Ваган: *Я и так по теме, а ты влез… Так вот, я решил выяснить, чем они там занимаются, поскольку эта ссыкунская группа в Обществе принимает к себе только самых тупых недотёп, которые не в состоянии рассчитать простейший алгоритм перехода. Меня заинтересовало — может, глупым вам покажется, ребята, — но как они планируют совершить самоубийство, если из года в год висят на одних и тех же агентах?*

Импала: *Будут ждать, пока агент помрёт от старости!*

Эмир:*По-моему — ясно, как. Просто уходят в прошлое без будильника… Или перемещаются по жизни своего агента к самому моменту его смерти.*

Импала: *Тебе бы хоть каплю чувства юмора, Эмир. Ну конечно, мы понимаем, что так проще!*

Ваган:*Так нет же, ни хрена подобного! Они просто изо дня в день долбят своего агента внушением, заставляя его совершить самоубийство там, в прошлом. Простейший способ — накапливают в сознании бедняги бесконечные копии своей личности… Ну, вы все знаете, как это делается.*

Импала: *Отпад!*

Эмир: *Сдуреть можно!*

Ваган: *Вот и я говорю! Если бы сам не наблюдал это, ни за что не поверил бы.*

Импала: *Да зачем?!? Им что, трудно себе вены вскрыть в обычной жизни?*

Стейбус ощутил всеобщее лёгкое замешательство. В разговоре трёх временщиков, который воспринимался им как отдельная волна в общем необъятном и непрерывном прибое форума, промелькнула чья-то тень, словно большая рыба всплыла из глубины. Прибыл новый участник.

Кортик, хрон-секунда, стаж — 2 года, потенция — 126: *Не вижу, чему тут удивляться, уважаемые.*

Эмир: *Этот ещё откуда взялся?*

Ваган: *Вали отсюда, ссыкун жалкий!*

Кортик: *Мне кажется, я тоже имею право на собственное мнение.*

Импала:*Имеешь; но только не слишком умно с твоей стороны высказывать его в нашей компании. Мозги могут перегреться — да-*

да! Шёл бы к своим, на секунда-уровень.

Эмир: *Ладно, ребята, пускай остаётся. Послушает, что старшие говорят, наберётся опыта.*

Кортик: *Кое в чём у меня опыта побольше, чем у вас.*

Ваган: *Да ну-у-у? Люблю скромных.*

Кортик:*Зря скалишься, Ваган. Ты думал — сейчас вывалю на прилавок новость про самоубийц, и все разом завопят: «Ах, блин, как круто!» Так вот — ни хрена не круто. Я, например, всё это давно знаю. И ещё я знаю то, чего не знаешь ты… Вы тут треплетесь, почти не скрываясь, и в этом смысле вы хуже любого новичка. Ваган, должно быть, вступил в Общество, иначе он не выведал бы того, о чём рассказывает. Не его уровень.*

Ваган: *Кто бы тут об уровнях болтал, сопляк!*

Кортик:*Заткнулся бы ты. И поберегись теперь: Общество не прощает тем, кто выдаёт его секреты. Грохнуть они тебя могут, вот что.*

Ваган: *Полная фигня!*

Импала: *Нет, Кортик прав. Я слышала, что они убивают отступников.*

Эмир:*Где — в прошлом?*

Импала: *Нет, в реале.*

Кортик:*Вижу, тут ещё здравые люди есть, кроме меня. Теперь поразмысли, Ваган. А я пошёл — мне и вправду тяжеловато общаться здесь. И точно не хочется попадать под раздачу вместе с вами.*

Волна темы опять задрожала — рыба нырнула в глубину. Стейбус физически ощутил мощь водоворота, закрутившегося на месте её погружения. Может, Кортик и хрон-секунда, но потенциал у него хороший. Этого новичка ждёт большое будущее, если только останется в живых после стажировки в группе «Камикадзе».

Эмир:*Так говоришь — убивают отступников?*

Импала: *Да.*

Ваган:*Когда же успевают, интересно, ведь они самоубийцы? Должны сразу отправляться на тот свет. Отгулы, что ли, берут в своём Обществе? Академический отпуск — гы-гы-гы-ы!*

Импала: *Знаешь, Ваган, мне иногда кажется, что я с удовольствием убила бы тебя и без всякого повода. Давай, рассказывай дальше свою историю.*

Ваган: *Да там и рассказывать больше нечего. Я лишь общие сведенья собрал. Отследил двух агентов — один жил в двадцатом веке в Новой Зеландии, другой в восемнадцатом, на территории России. Последний случай меня и зацепил — иначе я не связался бы с ублюдками из Общества. Случайно вышел на этого парнишку —*

лет десять. Отрок, как тогда говорили. На нём висел клиент-самоубийца, который вдалбливал ему мысль броситься с обрыва. За деревней, где он жил, находился глубоченный овраг…

Стейбус не стал слушать дальше и покинул форум, мимоходом удивившись, насколько поднялся его уровень за последнее время. Пока он молчал, другие пользователи его не видели; даже Импала, хрон-магистр по классификации временщиков, его не учуяла.

Покс хорошо знал их — всех троих. Ваган был не кто иной, как весельчак Скай Вамис, с которым Стейбус работал когда-то в одной ячейке, а под псевдонимом Эмир скрывался Рид Кастл, нынешний главный аналитик его отдела. Импала в реальной жизни была секретаршей Оллентайна. Она Покса не интересовала, как и Рид; а вот Скай завтра получит…

* * *

На следующий день, во время первого перерыва, Стейбус ввалился в ячейку Вамиса и, не церемонясь, выпроводил вон его подчинённых. Затем врубил один из ретроскопов, чтобы в автоматическом режиме экранировать ячейку.

— Ещё недавно я не знал, что у замороженной секретарши нашего профессора, у этой безупречной примерной фифы без страха и упрёка, стоит нелегальный мозговой имплантат, — начал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Скай почувствовал приближение больших неприятностей, и вечная улыбка сбежала с его лица. За последние полгода он здорово переменился, окреп, как-то быстро и неожиданно превратившись из молодого озорного парня в мужчину. И в весе прибавил — десяток килограмм, наверное. Стейбус не слишком сильно, однако чувствительно ткнул его кулаком в живот.

— Чего брюхо распустил? — грубо спросил он в такой неожиданной и несвойственной ему хамской манере, что Скай опешил. — Вес согнать не мешало бы тебе. Ну да я этим займусь. Прямо сейчас. А потом отволоку тебя к Оллентайну. Попарим вас вместе с Импалой — лучше, чем в бане, и через часок от тебя, дружище, останутся кожа и кости.

— Господи, босс, что я сделал? Откуда ты вообще… Да я!.. Да мы!..

— Заткни пасть! — жёстко велел Стейбус. — Ты что, шутки вздумал шутить со мной, примак несчастный! Я тебе не Импала, мать твою! Я тебе не Рид с его вшивыми второсортными имплантатами! Вы что о себе вообразили — временщики, тоже

мне! Треплетесь о чём попало на «Перекрёстке»… Хоть прикрылись бы как следует!

— Что?.. Так вот, значит… Ну ты даёшь, босс! — почти радостно воскликнул Скай, быстро приходя в себя. — Так у тебя уровень уже! Какая у тебя сейчас потенция?

— Не тебе, глупому цыплёнку, судить о моих потенциях, — уже спокойнее сказал Стейбус. — Но стоило бы вас шугануть вчера с форума, чтоб перья полетели. А ну, давай мне координаты того паренька, про которого вчера говорил!

— Какого? — не понял сразу Скай. — Чего?

— *Того!!!* — заорал Стейбус, легко переключаясь в мысленный режим. Скай выпучил глаза и его качнуло назад. — *Соображай быстрее, клоун, а не то отберу ячейку сегодня же, и сделаю вас с Эмиром служащими без категории!*

— А Импалу отправлю к Лие на стажировку, — добавил он вслух. — Разбаловал её старина Олли.

— Хорошо, хорошо, дам я тебе координаты, — успокаивающе отозвался Скай, выставив перед собой руки ладонями вперёд. — А чего ты решил ввязаться? — полюбопытствовал он.

— Не твоего ума дело. Распустил я вас. Мы разве не договаривались, что в отделе не должно быть секретов?

— Договаривались. Так ведь не насчёт частных исследований!

— Теперь будем считать, что договаривались насчёт всего. Я босс, как ты верно подметил, и я меняю правила; мы все временщики, а значит я волен поменять их задним числом, и ты всё равно будешь виноват. Давай мне координаты паренька, и помни, что я сказал. Будешь выступать — разжалую. Ты что, не понимаешь, какое это имеет значение? Убийства агентов, кто бы и какими методами их ни совершал… Мы и так уже превратили прошлое в настольную игру, а теперь — ещё и это!

— Можешь меня разжаловать. Но Импалу Олли тебе на растерзание не отдаст, и не надейся.

— Отдаст, когда узнает, что на «Перекрёстке» её зовут не так, как он величает повседневно. Почему ты не сказал мне про самоубийц?

Скай вздохнул и отвёл взгляд.

— Да вот, боялся именно такой твоей реакции. Ну, я знаю, и ты теперь знаешь. Да наверняка знаешь не только то, что знаю я — иначе не завёлся бы так. Ты же магистр с потенцией в сотню тысяч, наверное…

— Никакой я не магистр. Такой же хрон-прима, как и ты. Просто имплантаты хорошие.

— Ага, рассказывай. Ладно, не желаю я спорить с тобой. Хочешь, дам координаты прямо сейчас? Ретроскоп уже включён…

— Дошло наконец! Давай, сделай милость!

* * *

— Эх, зачем же ты с обрыва-то сигал! — с сожалением сказал здоровенный добродушный дядька в чёрном, ласково поглаживая мальчика по голове.

— Так вот, беда с ним, отченько, — отозвалась мать подростка, коренастая женщина с красным лицом. — Не в первый раз ведь это… Что дальше будет — не знаю уж! Как будто порчу на него навели.

Священник, похожий одновременно на былинного богатыря и Деда Мороза в рясе, задумчиво погладил рукой русую бороду. Мальчик лежал совершенно неподвижно, и Стейбус видел только угол бедной крестьянской избы, немалую часть которой занимала русская печь, да оконце над лавкой, затянутое бычьим пузырём.

— Да ты скажи, малой, не таись, — продолжал увещевать священник. — Что за беда у тебя такая, что сам себя жизни лишить задумал? Знаешь ведь, небось, что великий грех это. Господь милостив, и смерти твоей не восхотел, но теперь уж не скрывай от меня ничего. Тоже грех будет. А грех на грех накладывать — куда же ты так дойдёшь? Ну, сказывай — зачем прыгал с Чёртова яра?

— Сам не знаю, — внезапно отозвался мальчик.

Его мать вздрогнула от неожиданности, прижала руки к груди.

— Слава те, Иисусе, заговорил! — промолвила она, быстро вытирая ладонью сбежавшую на щёку слезу. — А то молчит, молчит всё…

— Спину он повредил себе… самую хребтинку. Тяжело ему говорить. А ты бы вышла, Агафья, — предложил священник. — Я сам с ним…

— Как велишь, отченько, — пробормотала крестьянка, поворачиваясь, и Стейбус услышал, как со скрипом отворилась дверь. Он быстро прозондировал священника — не инерт, нормальный. Воспоминания об изгнании бесов в Иерусалиме были ещё слишком свежи в его памяти, и Стейбус не хотел повторений. И нужно было вычислить висевшего на мальчике путешественника-самоубийцу. Его личность Покс обнаружил сразу. Теперь надо определить как можно точнее, откуда он.

— Давай, Сёмушка, рассказывай, — продолжал уговаривать священник. — Я ведь не враг тебе, так что не скрывай. Враги твои те, кто внушает тебе мысли гибельные — бесы, приспешники

сатаны. Они сами не имеют благодати, и нам всем хотят смерти вечной…

— Голос я слышал, — сказал мальчик невнятно. — И голос говорил мне, что если я прыгну с яра, то у меня вырастут крылья, и я полечу словно птица…

— Да ведь не птица ты, — укоризненно сказал священник, снова погладив мальчика по голове. — А если нет, откуда ж взяться крыльям?

— Знаю, — легко согласился тот. — Но так хотелось полететь!

— Ты прыгал уже прошлым летом с крыши амбара. Полетел разве? Только расшибся. А теперь — с обрыва! О-ох, беда с тобой! Не зря ведь этот яр Чёртовым зовут — вот бес и заманил тебя туда. Пожалел бы мать с отцом — один ты у них! Ладно, поправляйся, а потом посмотрим. Может, отправлю тебя в город, к отцу Адриану на отчитку. Слышал о нём?

— Как не слышать. Он бесов изгоняет.

«Ещё один, — отметил про себя Стейбус. — Наверняка инерт. Или я не прав, и путешественников чувствуют не только инерты?»

Он осторожно зондировал личность висевшего на мальчике самоубийцы. Типичный хрон-секунда начального уровня, и выше такому не подняться. Покса путешественник не чуял.

«Ну погоди, сволочь, — злорадно подумал Стейбус, тщательно сканируя отражение чужой памяти в сознании мальчика. — Попляшешь ты у меня. Выбрал себе жертву — надо же! Не-ет, не понадобится нам отец Адриан. Зачем его беспокоить? Я сам тобой займусь — лично!»

Вскоре он уже собрал необходимые сведения и вышел в своё время. Перед ним возникло озабоченное лицо Ская Вамиса.

— Ну как, босс? — поинтересовался он. — Успешно?

— Более чем. Гад совсем не прикрывается, будто он один в прошлом… А сейчас ты мне поможешь. Одно дело, если какой-нибудь придурок хочет отправиться на тот свет вместе с астронавтами «Челенджера». Это личное дело каждого. Но доводить до самоубийства детей… Поможешь?

— Без разговоров. А что ты задумал? — полюбопытствовал Скай.

— Двигаем к нему.

— К кому?

— К самоубийце. Он живёт в Сетрории. Жилой массив Лессика, квартал С-8, двадцать седьмой подземный уровень.

Глава 7

Захотелось остренького? Не стесняйся!

Лицензированным историкам до сих пор неизвестно, кем был Джек Потрошитель — мужчиной или женщиной. Хочешь выяснить наверняка? Обратись к нам! Самые знаменитые убийцы прошлого. Хочешь увидеть мир их глазами? Или одни лишь убийства тебя не привлекают?

Сексуальные маньяки — оцени нашу коллекцию! Джеймс Макговен, Андрей Чикатило, Педро Лопес, Бруно Людке и десятки других. А если тебе мало, мы можем подготовить агента специально для тебя. Конечно, это будет стоить, ведь нам придётся поработать над ним — но оно того стоит!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

— Подземные уровни в Лессике — это же настоящая помойка! — сказал Скай, когда икар пошёл на снижение. — Сам живу в объединённом квартале, но под землёй никогда не был. И не хотелось.

— Ты прав, — ответил Стейбус. — Самое дно. Надо бы переодеться, ну да ладно. Впрочем, так даже лучше.

— Как ты намерен проникнуть к нему домой?

— У него идентификатор полгода как сломан. Только кодовый замок, а пароль я считал из его памяти.

— Ну ты даёшь, босс… А как же пси-экран?

— Да, было нелегко, — признался Стейбус. — Но при желании… Только бы у него был многоканальный доступ в «Глобал».

— Да сейчас у всех уже многоканальный.

Оставив икар на стоянке восьмого уровня, они зашли в ближайший супермаркет, где Покс приобрёл большую сумку, простенькую приставку для шумоподавления и самый дешёвый ретроскоп. Отказавшись от услуг службы доставки, он обратился к Вамису:

— Ты потащишь. Хорошая возможность чуть-чуть согнать жирок.

— Ох, беда с тобой, начальник, — вздохнул Скай, с кряхтеньем цепляя на плечо ремень неподъёмной сумки, в которую Покс бросил ещё и аптечку, захваченную им из института. — Ну почему ты иногда становишься таким?

— А ты в следующий раз будь откровеннее. И не думай, что за всех отдуваешься. Рид своё тоже получит. И Импала твоя

ненаглядная… Да вы хоть соображаете себе, какова ситуация, если людей из прошлого уже пачками убивают?

— Ну, я-то соображаю. А что можно изменить? Стучать в Коллегию Мастеров?

— Хотя бы.

— А почему мы сейчас так не поступаем? Почему тащимся к этому ублюдку с ретроскопом, собираясь предпринять незаконное проникновение в его жилище?

— Хочу сначала узнать у него кое-что.

Минус двадцать седьмой уровень квартала С-8 выглядел мрачно. О роботах-чистильщиках здесь, очевидно, и не слышали — тротуары были завалены мусором и осколками стекла из битых витрин; освещение работало в экономичном режиме, движущиеся пешеходные дорожки отсутствовали вообще. Возле каждой транспортной развязки стоял броневик военизированной полиции, а то и два. Покс и Вамис в своих элегантных костюмах выглядели здесь так же к месту, как две кинозвезды в полуразвалившемся приюте престарелых инвалидов.

— Надеюсь, ты не замышляешь убийства, — заметил Скай, пробираясь между лотков уличных торговцев. — Нас тут каждый встречный запомнит на всю оставшуюся жизнь.

Им вслед оборачивались, провожали взглядами. Офицер-гвардеец из встречного патруля оглядел их и замедлил шаг, намереваясь остановить, но потом передумал, и они прошли мимо беспрепятственно. Со Ская давно слетела вся его самоуверенность, и он только тяжело дышал под тяжестью ретроскопа, стараясь глядеть под ноги.

— Знаешь, мне самому никогда не пришло бы в голову проворачивать такую аферу, — пробурчал он. — А чего я только не творил в жизни… Что ты задумал?

— Сейчас увидишь.

Коммунальный блок В-39 имел три этажа, как и все остальные на двадцать седьмом уровне, и состоял в основном из однокомнатных квартир. Дверь не запиралась — она вообще отсутствовала, даже направляющие были выдраны с корнем. Пройдя через заплёванный вестибюль, Стейбус и Скай поднялись на второй этаж по неработающему эскалатору и двинулись по коридору налево.

— Я хочу извлечь из этой истории максимум выгоды, — сказал Стейбус, останавливаясь перед дверью под номером сто шестнадцать. — Мне нужен большой шум и самый большой скандал в СМИ за всю историю ретроскопии.

— И ты выбрал помощником меня! — воскликнул Скай, но тут же понизил голос: — Послушай, нас же выкинут обоих из

института!.. Впрочем, тебя-то оставят — а меня выкинут!

— Ага, проняло тебя. А ещё недавно был храбрый. Не бойся, не выкинут. Наоборот, я из тебя героя сделаю.

— Как-нибудь обошёлся бы без всенародной славы, — недовольно проворчал Вамис. — Ну ладно, раз уж связался с тобой… И, если хочешь знать, я на твоей стороне.

— Рад слышать.

— А ты думал, зачем я в Общество вступал? Хотел у них всё выведать. Мерзость это, вот что. Нельзя детей трогать. Даже тех, которые из прошлого, и уже давно мертвы.

Стейбус набрал код и дверь бесшумно разъехалась в стороны. Когда она закрылась, Покс быстро сменил шифр и сказал:

— А теперь — живо! Я не знаю, кто ещё в квартире, но…

— Кто здесь? — послышался из комнаты испуганный женский голос.

Покс двинулся туда, а Скай замешкался в прихожей — ему мешал ретроскоп. Когда он вошёл, Стейбус стоял пред невысокой, довольно симпатичной женщиной лет тридцати, с измождённым лицом, какое часто можно увидеть у служащих без категории, вынужденных работать ежедневно по двенадцать часов и без надежды на перемену к лучшему.

— Спокойно, — сказал он. — Это не ограбление. Но вы не сможете выйти отсюда, пока я вам не разрешу. И не пытайтесь поднять тревогу, иначе мне придётся прибегнуть к насилию. Проще говоря, если не захотите посидеть тихо — стукну вас по голове, и вы будете лежать без сознания, пока мы не закончим. Это ваш муж?

В кресле перед ретроскопом сидел щуплый некрасивый мужчина лет пятидесяти с лишним. Во рту у него был зажат мундштук автономной системы питания.

— Да, это мой муж… — неуверенно сказала женщина. — То есть, мы живём вместе. Он в прошлом уже третьи сутки. Что вы собираетесь делать? Он бы не хотел, чтобы ему мешали.

— Я не сомневаюсь, — зло процедил Стейбус сквозь зубы. — И вы знаете, чем сейчас занят… ваш сожитель?

— Ему надо закончить работу, — быстро сказала женщина. — Я… Я не знаю, что за работа. Но он говорил, что за неё хорошо заплатят. Он сказал, что мы сможем переехать отсюда… Кто вы такие?

— В настоящий момент это не важно.

Покс шагнул к креслу и, легко выбросив из него на пол безвольное тело, уселся сам. Женщина испуганно вскрикнула.

— Скай, готовь наш ретроскоп. Госпожа, будьте добры, раз уж вы всё равно здесь. Мне нужен ваш пароль для выхода в «Глобал».

Не хочется тратить время, копаясь в вашем ИРе.

— Но… Я не знаю! Ретроскопом у нас пользуется только Рэйв!

— Вы врёте.

Стейбус наклонился вперёд и взялся за системный кабель.

— Всем известно, что ретроскоп нельзя отключить, когда пользователь находится в прошлом. Но если не скажете код, я просто выдерну эту штуку с корнем. Или мой напарник взломает энергощиток в вашей квартире и вырубит питание. И основной контур, и резервный.

— Вы же убьёте Рэйва!

— Вы правы, госпожа, убью. В ваших силах его спасти. Просто введите пароль.

Скай уже распаковал прибор и подключил его к домашнему ИРу.

— Не тяните, госпожа, — посоветовал он. — Я знаю этого человека. Он ни перед чем не остановится, раз уж что-то задумал.

Женщина, наконец, решилась. Для того, чтобы ввести пароль, ей пришлось сесть на поручень кресла. Глядя ей в спину, Стейбус сказал Вамису:

— Не спускай с неё глаз, пока я не вернусь. Пока мы оба не вернёмся. Надеюсь, парень упрямиться не станет.

* * *

Вновь очутившись в крестьянской избе, в теле мальчика по имени Семён, Стейбус дождался, пока добродушный богатырь-священник выйдет прочь. Потом взялся за дело. Настроиться на контакт с путешественником не составило большого труда.

— *Привет, Рэйв,* — злорадно сказал Стейбус, наслаждаясь явным замешательством последнего, когда тот обнаружил рядом с собой чужого. — *Мне всегда было интересно — как чувствует себя убийца детей? А если он одновременно ещё и самоубийца…*

— *Кто вы? Что вам здесь нужно? Это мой агент!*

— *Да ну?* — удивился Стейбус. — *И соответствующие документы у тебя на него оформлены?*

Сквозь закрытую дверь в избу доносились невнятные голоса — мать мальчика разговаривала со священником.

— *Никакой звукоизоляции у них здесь, в восемнадцатом веке,* — посетовал Покс. — *И ещё они не умеют защищаться от такой мрази, как ты, Рэйв.*

— *Убирайтесь отсюда! Какое вам дело? Этот мальчик мёртв уже несколько тысяч лет! И он всё равно умрёт в двадцать три —*

от туберкулёза!

— Тогда почему тебе не скончаться вместе с ним от этой болезни? В отличие от него, тебе даже не придётся ждать тринадцать лет, поскольку ты можешь переместиться к моменту его смерти хоть сейчас.

— А вам-то что? Да я только облегчу ему страдания!

— И заодно лишишь тринадцати лет жизни. Самых лучших лет любой жизни, заметь. Детство, юность, первая любовь… Ты полный идиот, Рэйв. И я намерен поучить тебя уму-разуму. Немедленно выходи обратно в наше время.

— Да пошёл ты!..

— Лучше выходи — по-хорошему. Я начинаю от тебя уставать. Честно говоря, уже устал.

— Нет, — ответил Рэйв, внезапно успокаиваясь. Первый испуг от появления чужого прошёл, правда, его мысли всё ещё метались в беспорядке. *— Когда мой проводник узнает… Те, кто за мной стоит… Вы просто не понимаете, с кем имеете дело.*

— Ну почему же? Прекрасно всё понимаю. В данный момент я имею дело с поганым выродком, ничего не смыслящим в ретроскопии, да ещё начисто лишённым совести. А в будущем я намерен поиметь дела с бандой таких же выродков под названием Общество Самоубийц и конкретно с той сволочью, которая взяла над тобой шефство, или как там у вас называется.

Ответ Стейбуса вновь привёл Рэйва в замешательство, на этот раз окончательно.

— Как вы… Я не… Вы ничего не докажете! Да и нигде нет закона, чтобы…

— Хватит! — потерял терпение Стейбус. *— Сейчас я для тебя закон! Убирайся обратно в свою вонючую конуру в Лессике! УБИРАЙСЯ!!!*

Тело мальчика судорожно задёргалось, и он едва не упал с лавки, на которой лежал. Стейбус на какое-то время перестал соображать, где находится, а когда пришёл в себя, рядом не ощущалось абсолютно никаких следов сознания Рэйва. Сосредоточившись, Покс прошёлся по памяти ребёнка назад, до самого рождения, методично стирая бесчисленные копии личностей самоубийцы, которыми тот нашпиговал маленького Симеона. Безобидные сами по себе, без хозяина, они могли быть опасны вследствие уже имевших место неоднократных контактов с психикой мальчика — тот сам мог их активировать воспоминаниями. Вернувшись обратно, Стейбус вынужден был отдыхать, не в силах сразу уйти в своё время.

«Я не один из апостолов, конечно, — подумал он удовлетворённо, *— и даже не местный чудотворец Адриан — но*

тоже кое-что умею, а?»

Мальчик опять беспокойно пошевелился и застонал от боли в сломанном позвоночнике. Всю спину жгло и тянуло, как будто кто-то мял её большими, сильными пальцами, но боль почему-то была почти приятной.

— *Лежи спокойно, дружок,* — мысленно сказал ему Стейбус. — *Всё позади. Тебе больше никогда не захочется летать как птица.*

Он не думал, что ребёнок его услышит, однако тот услышал. И услышал очень ясно.

— Кто ты? — спросил он слабым голосом. — Я давно хотел спросить — кто ты?

Покс спохватился, но отступать было поздно. Очевидно, за последнее время его пси-потенциал возрос так, как он и сам не ожидал, а теперь, когда он ещё не вполне отошёл после атаки на Рэйва…

— *Я вовсе не тот, кто с тобой говорил раньше,* — ответил Стейбус. — *Тот голос лгал тебе, но его больше нет, и он не вернётся. А если вернётся — не нужно его слушать.*

— И я никогда не полечу, да?

— *Полетишь. Ты будешь летать очень много — во сне. Все дети летают во сне. А я позабочусь о том, чтобы ты никогда больше не слышал злые голоса.*

— Ты ангел? — спросил мальчик, и Стейбус, чувствуя, что беседа переходит на весьма скользкую почву, поспешил покинуть его сознание.

Он очнулся в убогой комнатке коммунального блока В-39. Шея затекла, кончики пальцев онемели, ныла поясница. Чёрт, забыл включить массажку… А она вообще есть в этом кресле — массажка?.. Рядом на полу ворочался Рэйв. Плачущим голосом причитала женщина:

— Господи, надо ему помочь! Позвольте мне помочь ему!

— Минутку, госпожа, — ответил Скай и склонился над Стейбусом, внимательно глядя ему в лицо. — Ты в порядке, босс? Целых два часа! По времени ретроскопа это… Что ты там делал? Всё прошло успешно?

— Надеюсь, — сказал Покс, пытаясь принять более удобное положение.

* * *

Далеко в прошлом крестьянка, получив напоследок благословение священника, проводила его до калитки и вернулась в избу. Её сын сидел на скамье и оглядывался по

сторонам — с удивлением, словно не узнавал обстановку.

— Пресвятые угодники! — бросилась к нему мать. — Нельзя тебе так, батюшка сказал — нельзя шевелиться!

— Но у меня ничего не болит! — Мальчик соскользнул с лавки и разогнулся в рост. — Видишь — ничего не болит!

Крестьянка торопливо перекрестилась. Только что священник говорил ей, что Семён вряд ли когда будет ходить.

— Заступница-Богородица! — прошептала она. — Да неужто ты обратила взор на сына моего?

— А знаешь, матушка, я сейчас говорил с ангелом! — радостно сообщил Семён. — И он сказал…

* * *

— Позвольте же мне помочь ему, — повторила женщина, сжимая руки.

— Думаю, госпожа, мы управимся с этим быстрее, — ответил Стейбус, вставая.

Чувствовал он себя хорошо, только немного шумело в голове. Наклонившись, он рывком поднял тщедушное тело Рэйва и небрежно бросил его в кресло.

— Скай, давай наш антишок. И аптечку тоже. Я сам займусь им, а ты прямо здесь составишь доклад в Коллегию. Воспользуйся домашним ИРом. Нет смысла осторожничать, история так и так должна получить огласку.

Когда Рэйв пришёл в себя и открыл глаза, Стейбус сидел перед ним на краю стола. Неудачливый самоубийца попытался вскочить, но Покс вытянул вперёд руку со сжатым кулаком и пихнул его обратно в кресло.

— Слушай меня очень внимательно, старина, — сказал он. — Там, в прошлом — это был я. Надеюсь, до тебя уже дошло, что со мной лучше не шутить. Настоятельно рекомендую быть откровенным.

Рэйв испуганно поглядел на незваного гостя, потирая ладонью впалую грудь.

— Итак, — продолжал Стейбус, — я знаю, что в вашем дерьмовом клубе человеконенавистников установлен патронаж. Кто твой патрон?

— Вы не полиция, — пробормотал Рэйв.

— Тонко подмечено. Сам понимаешь, церемониться не станем, презумпция невиновности для нас не существует. Давай, колись.

— Я ничего не скажу. Вы ничего не докажете. И закона такого

нет.

— Ты мне это уже говорил в прошлом. Но я и не собираюсь ничего доказывать. — Стейбус прикрыл глаза, стараясь сдержать приступ душившей его злобы. — *Я ничего не буду доказывать… Я ПРОСТО ВЫЖГУ ДОТЛА ТВОИ ГОВЁННЫЕ МОЗГИ, НЕДОНОСОК!!!*

Рот Рэйва открылся, тело свело судорогой, глаза выкатились так, словно приготовились выпрыгнуть из глазниц. Рядом послышался глухой стук — его сожительница свалилась на пол без сознания. Скай крутил головой, тщетно пытался удержаться на ногах, цепляясь непослушными пальцами за стену.

— Легче, босс, легче… — прохрипел он. — *Легче! Остановись, или ты убьёшь нас всех!*

Стейбус услышал и попытался взять себя в руки. Не сразу, но у него получилось. Тело Рэйва, выгнутое в кресле дугой, расслабилось, и он сполз вниз, свесившись через подлокотник. Скай, осторожно ступая непослушными ногами, перешагнул через лежавшую на полу женщину и тяжело уселся на неубранную постель.

— Чёрт бы тебя взял, Покс, — сказал он отдышавшись. — Ты хоть немного силу-то свою соизмеряй с необходимостью. Да хрена ли тебе говорить… Ты ведь уверен, что до сих пор хрон-прима…

Стейбус виновато прикусил губу. Он даже не ощущал никакой существенной потери пси-энергии.

— Ты мне экран пробил как воздух, — пожаловался Скай. — Точно — уникум… Не магистр — нет, тут впору перекраивать классификацию и придумывать для тебя специальный разряд. Я слышал такие сказки про Блэкбэда, что он так может, но чтобы самому изведать… Хочешь продолжать допрос? — Вамис кивнул на безжизненное тело Рэйва. — Надеюсь, там ещё осталось что допрашивать. Прости босс, но я немного знаком с историей Третьего рейха, и должен сказать тебе, что методы гестапо по сравнению с твоими — образец гуманизма.

— Ладно, не бей лежачего. Я сам не знал. Постараюсь в будущем себя контролировать.

— Да ты уж постарайся, — ехидно заметил Скай. — Иначе горы трупов гарантированы. А тебя засунут в самое глубокое подземелье, для опытов, с целью определения твоего потенциала… Хотя, что это я? Конечно нет. Ты ведь, наверно, сможешь отбиться от кого угодно и внушить любому всё, что вздумается.

— Допрашивать дальше не будем. Я уже узнал, кто его патрон в Обществе. Когда я начал атаку, он испугался…

— Надо же! А кто бы на его месте не испугался? Слушай, тебе

надо начинать практиковать непоколебимое спокойствие. Но я благодарен тебе. Теперь я точно знаю, что все легенды про Блэкбэда и некоторых других хрон-магистров — чистая правда. Просто они такие же как ты, а Блэк — самый крутой из всех. Хотя в последнем я после сегодняшнего не уверен.

Скай встал с постели, нерешительно потоптался вокруг женщины, а затем поднял её и уложил на кровать. Стейбус перенёс туда же Рэйва.

— Что теперь? — спросил Скай. — К счастью, они оба живы.

— Продолжаем начатое, — мрачно сказал Покс. — Доклад в Коллегию Мастеров Времени. А копии выложишь в «Глобал» — отправь на «Кронос» и на все крупнейшие новостные порталы. Сейчас же. Всё полностью… Да, и на «Ретродром»! Те материалы, которые добыл ты, хронику с Семёном, записи камеры в квартире, исключая этот наш разговор — он неважен.

— И твою атаку?

— Да. Если будет суд надо мной — тем лучше. Больше шуму, а меня, надеюсь, оправдают. Я хочу, чтобы общество и правительство наконец обратили внимание на то, что происходит.

— *Скажи ему — пусть сообщит и в полицию,* — возник вдруг в голове у Стейбуса бесплотный голос, и он узнал Блэкбэда.

Покс невольно оглянулся, не сразу определив источник. Скай удивлённо посмотрел на него:

— Ты что?

— *Он меня не слышит,* — предупредил Блэк. — *Не дёргайся, слушай, что скажу. Если хочешь наехать на Общество самоубийц — дело твоё, но себя не подставляй. Немедленно сотри запись с пси-атакой. В квартире нет приборов, способных зафиксировать её мощность, но спецы ГУСС и по видео определят…*

— *При чём здесь ГУСС? При чём полиция?*

— *При своём месте. Рэйв совершил преступление в настоящем, и стражи порядка с радостью им займутся, они как раз сейчас его ищут. А тобой займётся ГУСС, поскольку их интересуют сенситивы с боевыми пси-способностями. Не перебивай! Сотри запись, сообщи в полицию и убирайтесь оттуда немедленно. В квартиру уже направляются киллеры Общества.*

— *Я не верю тебе.*

— *Можешь не верить, но тогда твой друг — покойник. Ты, возможно, справишься и сможешь выбраться. Это всё.*

— *Стой! Как ты меня нашёл здесь?*

— *Идиот упрямый! Ладно, обещаю встречу и личный разговор. А сейчас стирай запись и валите оттуда оба!*

— Скай, — сказал Стейбус, — наши планы внезапно

изменились. С публикацией данных придётся подождать. Мы уходим.

Глава 8

С тех пор, как Пасифая воспылала страстью к быку, человеческая природа изменилась очень мало, и мы можем это доказать!

Зоофилия во все времена и у всех народов! Древний Китай, Индия, Египет, Монголия. За римскими легионами на походе гнали табуны коз, дабы славные воины могли компенсировать недостаток женского общества.

Тайны истории. Скотоложство — банальное удовлетворение похоти? А быть может, нечто большее?

Цивилизации Южной Америки — обрядовый секс с животными или серьёзные попытки создания гибридов?

Зооморфы прошлого — мифы и действительность. Кентавры — мифологические существа или кочевники, построившие особую культуру на ритуальном совокуплении с лошадьми? Узнай прямо сейчас! Проверенные агенты. Услуги проводников…

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

Обещанный Блэкбэдом разговор состоялся на следующий день, в том самом открытом кафе в Старом Квартале, где Стейбус обычно ужинал со своим другом, диспетчером ЭМП Кену Стурво. Только теперь было время завтрака, и столик с ним делил Блэкбэд. Чернокожий, в своём немыслимом цветастом халате, Блэк сиял на всю округу не хуже сигнальной пешеходной системы в свете фар, но, кажется, никто и не думал обращать на него внимание. Немногочисленные посетители смотрели в его сторону не больше, чем в любую другую. Официант обслужил их с таким видом, словно худой длинный негр в остроносых туфлях и дурацкой шапочке, похожей на тюбетейку — обычное явление в этом районе столицы. Впрочем, Блэкбэд выглядел бы нелепо в любом районе.

— Неужели не догадался? — прищурился он, следя за выражением лица Стейбуса. — Секрет моего инкогнито здесь весьма прост.

— Таким тебя вижу только я.

— Что делать? — усмехнулся Блэк. — Остальные слишком заняты своими важными мыслями для того, чтобы замечать очевидные вещи.

— Массовое внушение, — задумчиво проговорил Стейбус. — Несмотря на защитные экраны…

— Ну что ты! — иронично отозвался Блэкбэд. — Зачем мне

их гипнотизировать? Они полагают, что раз я сижу в кафе Старого Квартала, то не могу быть никем иным, как добропорядочным гражданином в дорогом костюме. Подумать только, как предвзятое отношение к чему-либо мешает проникновению в суть происходящего! Вот скажи, почему бы мне не забраться на императорский трон? Держу пари, увидев меня там, они подумают, что я император.

— Всю Алитею тебе не заколдовать. И ещё остаются средства коммуникации… Кстати, как тебе удаётся обманывать камеры наблюдения?

— Но мне не нужно обманывать камеры. Я обманываю лишь тех, кто смотрит записи этих камер, вот и всё.

— Ничего себе — «вот и всё»! — не выдержал Стейбус. — Тысячи полицейских…

— Какие тысячи? — перебил Блэкбэд. — За последний год я и десятка раз не появлялся публично… Это гораздо проще, чем тебе кажется. Просто ты ещё не дошёл до моего уровня. Такая штука называется «чувство личной безопасности». Скажем так: я ощущаю колебания глобального пси-поля и знаю, когда кто-то где-то желает мне зла. Совсем не трудно вычислить этого человека и слегка… гм-м, откорректировать его восприятие действительности. Полиция не просматривает все записи со всех камер. Для одной Алитеи на такую работу потребовалось бы больше стражей порядка, чем их насчитывается во всём Содружестве. В режиме реального времени записи просматривают искусственные интеллекты. Через определённое время записи стирают, дабы не переполнялись архивы. И пока ни кому не приходит в голову дать главному ИРу полицейского управления Сестрории найти негра в разноцветном халате, я в полной безопасности.

— А если придёт?

— Если придёт, я это почувствую, ведь такой человек будет желать мне зла. Да только до сих пор не приходило, поскольку Блэкбэда считают или чистым вымыслом, или шуткой группы ловкачей не только все рационально мыслящие люди, но даже полицейские.

— Всё равно, это жизнь на лезвии ножа.

— Когда она мне надоест, я просто сниму этот чёртов халат.

Стейбус не выдержал и расхохотался. Действительно… Снимет халат, сделает пластическую операцию, обесцветит кожу. Сделает пересадку глаз; если потребуется, изменит форму черепа. Говорят, что сегодня изменить себя до неузнаваемости невозможно, однако то же самое криминалисты утверждали полвека назад; и с тех пор изобрели как новые методы

идентификации, так и разнообразные способы обмана идентификаторов. В распоряжении Блэкбэда десятки врачей-нелегалов. А при его способностях к внушению…

— Но так ты разрушишь годами создаваемый образ, — сказал он отсмеявшись. — Великий и таинственный Блэкбэд, король временщиков. Не жалко?

— Ничего я не разрушу. Образ уже создан и существует независимо от меня. Я только что сказал, что появляюсь на людях раз десять в год. А если верить слухам, то в двадцать раз чаще. Умри я прямо сейчас — ничего не изменится. Люди будут продолжать видеть меня и через год, и через пять лет, и через сто… Если только мода на ретроскоп просуществует так долго. Придушенному повседневностью обывателю нравится верить в супермэна-Блэка, которому чихать на условности и на закон. И всем хочется верить в чудеса. Кто-то захочет похвастать перед приятелями, рассказав небылицу, кто-то ради шутки нарядится в цветастый халат и пройдёт по улице. Блэкбэд родился однажды, Стейб, но теперь он бессмертен. Я уже вошёл в историю — навсегда.

Стейбус терпеть не мог, когда его называли Стейбом, но сейчас не обиделся. Он думал над словами Блэка и понимал, что тот прав. Блэкбэд будет жить до тех пор, пока живы его почитатели.

Однако сейчас Покса интересовали не отвлечённые предметы, а более насущные:

— После нашего ухода из той квартиры в Лессике, на двадцать седьмом уровне началось настоящее сражение между группой хорошо вооружённых боевиков и нарядами полиции. Коммунальный блок В-39 выгорел до каркаса вследствие применения боевиками реактивных огнемётов. Центральный транспортный поток уровня был перекрыт обломками двух десятков сбитых ракетами икаров и одного попавшего под обстрел поезда Транслайна. Общее число жертв, в основном — мирных жителей, превысило полторы тысячи человек, и может быть ты объяснишь мне, почему ребята не взорвали посреди Сестрории ядерную бомбу? Зачем было останавливаться на достигнутом?

Блэкбэд посмотрел по сторонам скучающим взглядом и ничего не ответил.

— Я, конечно, благодарен тебе за предупреждение, — продолжал Стейбус. — Однако мне трудно поверить, что крупнейшую бойню в истории столицы устроила кучка никчёмных самоубийц.

— Между тем, это так, — сказал Блэк. — Хотя я не просил

тебя верить, что они никчёмные. Война гангстеров с полицией никогда не прекращалась по-настоящему, хотя самые серьёзные сражения остались в прошлом. Как полагаешь, для чего в столице до сих пор постоянно дежурят гвардейские подразделения? И ты не прав. Драка возле коммунального блока В-39 — не самое крупное столкновение…

— При чём здесь гангстеры? Я…

— Сейчас объясню. Общество самоубийц давно стало коммерческой организацией. Думаешь, почему к ним народ валом валит? Столько желающих отдать богу душу за просто так? В прошлом году их было двести. Сейчас больше пятисот человек. И это при том, что чуть ли не ежедневно кто-то из членов Общества отправляется на тот свет. Дело вот в чём: раньше туда не принимали богатых, способных оплатить второе и третье Восстановление; сейчас принимают. Но они должны перевести своё состояние на счёт Общества, а он хрен знает на кого оформлен. Дальше. Некоторым беднякам, у которых за душой ничего нет, перед самоубийством выплачивается вознаграждение. Сумма не маленькая — обычно она равна доходу служащего третьего класса за двадцать лет.

— Какая разница, велика она или мала, — заметил Стейбус. — Покойнику деньги не нужны.

— Зато могут понадобиться его жене и детям. Мы все хорошо знаем, как живут третьеразрядники. И даже это жалкое существование постоянно под угрозой. Возможность получить зарплату за двадцать лет, пусть и не в свою пользу, многим интересна. А для безработного или служащего без категории это и вовсе настоящее богатство. Кому-то жизнь всерьёз осточертела, что не удивительно при их положении. Кто-то надеется забрать деньги и смыться. Но ещё ни у кого не получалось. Деньги-то платят не за просто так, а за убийство, совершённое в реале.

— Не понял?

— А что здесь понимать? Несколько преступных группировок объединились, и используют Общество самоубийц в качестве источника стопроцентно надёжных киллеров. Совершив убийство, ранее заказанное кем-то этому союзу, исполнитель отправляется в прошлое и там умирает. Одноразовые убийцы… Конечно, при выполнении заказа их страхуют профессионалы. Возьми своего друга Рэйва. Он где-то подцепил год назад эту свою подружку, которая, как ты видел, заметно моложе и привлекательнее его. Он по ней с ума сходил и согласен был жить впроголодь, лишь бы на неё денег хватало. Но основная проблема состояла в том, что он стремительно превращался в импотента. Не знаю, как он пришёл к своему последнему решению, однако на момент твоего

появления на сцене Общество перевело на личный счёт подружки солидный куш. Вот почему я посоветовал обратиться сперва в полицию, а не в Коллегию Мастеров. За Рэйвом числится реальное убийство — здесь, в Сестрории.

— Почему такая сложная схема? Зачем прятать концы в прошлом?

— Необязательно. Обычно исполнители гибнут ещё в процессе выполнения заказа. Рэйву просто повезло… Общество — лишь ширма для подбора кандидатов. Большинство членов являются тем, кем являются — бескорыстными самоубийцами, решившими свести счёты с жизнью необычным способом. Лишь малая часть делает это, доводя до суицида своих агентов.

Стейбус поморщился.

— Боже, какая гадость! В последнее время мне кажется, что вокруг ретроскопа сосредоточилась вся мерзость нашего мира.

— Так оно и есть, — спокойно подтвердил Блэкбэд. — Ретроскоп — это новая земля, неосвоенная и заманчивая. Туда стремятся те, кто не нашёл себя в реальности. И, естественно, те, кто хочет заработать. Любыми средствами. А на чём, в первую очередь, можно заработать? Развлечения. Секс. Прочие плотские удовольствия. Врождённая или благоприобретённая жестокость, жажда насилия… Муж-подкаблучник отправляется в прошлое и становится неотразимым обольстителем. Или убийцей женщин — на выбор. Незаметная некрасивая домохозяйка превращается в супермодель… Как ещё, скажи мне, служащий без категории может стать королём, едва отдубив свою смену? И всё это практически без всякого контроля извне. В штате Коллегии Мастеров, которую можно считать хронополицией, в настоящее время состоит не более тысячи человек. И они, в основном, заняты попытками пресечь незаконное использование хрономатериалов. Отследить деятельность всех наших соотечественников в дальней временной зоне Мастера просто не в силах. Путешественников в одной только Сестрории — миллионы.

— Пришло время покончить с этим. Мы зашли слишком далеко.

— Мы зашли слишком далеко, когда Дендайм впервые опробовал ретроскоп.

— Хочешь меня убедить, что бороться безнадёжно? Что уже поздно? Я не верю.

— На здоровье. Я принёс тебе кое-какие интересные материальчики — как и обещал.

Блэкбэд выложил на столик компакт-бокс для информкристаллов.

— Возьми. Посмотришь. Всё поймёшь.

— И стану мудрее, — саркастически заметил Стейбус.

— Я надеюсь, — серьёзно ответил Блэк. — С кем ты собрался бороться? С самим собой? Поразмысли сперва. Рекомендую начать с кристалла номер последний… там увидишь.

* * *

Последним был кристалл шестьдесят один. Никаких материалов, только хронокоординаты и пси-паспорт агента, характеристики которого показались Стейбусу очень знакомыми. Ах да, конечно же — его дружок из восемнадцатого века, мальчик по имени Семён. Но уже в более зрелом возрасте. Покс приготовился к переходу, смутно чувствуя, что здесь что-то не так. Слишком уж далеко отстояла точка выхода от того момента, когда Стейбус попрощался с ним. О-о-о, это уже не восемнадцатый век, а девятнадцатый! Ошибка?

Как только он очутился в сознании агента, то сразу понял две вещи — Семён гораздо старше, чем ему полагалось быть, а рядом находится Агиляр.

— *Давно не виделись,* — сказал он. — *И каково тебе было играть роль доброго ангела?*

Меж тем старик поднялся с завалинки, где сидел, и проковылял к забору, тяжело опираясь на клюку. Он был дряхл и передвигался с трудом, но Стейбус отметил, что его зрению ещё можно позавидовать. Путешествие до калитки старец предпринял не просто так: по деревенской улице шёл бородатый мужик с весёлым лицом.

— Эге! — позвал дед.

— Доброго здоровья, Симеон Игнатьевич! — почтительно отозвался бородатый, останавливаясь по ту сторону ограды, и между односельчанами завязался неторопливый разговор.

— *Я говорю — из тебя вышел бы неплохой ангел,* — повторил Агиляр.

— *Что это значит? Семён должен был умереть в двадцать три года!*

— *От туберкулёза, да?* — сочувственно переспросил Агиляр. — *Я тебе расскажу, что произошло. Рэйв убил бы его в двенадцать лет, опять подбив на прыжки с целью превращения в птицу. Позвоночник, знаешь ли, у пацана сросся бы и без тебя…*

— *Но я ничего не делал!*

— *Знаю, тебе так кажется. Ты просто подчистил его сознание от мусора в виде Рэйва и ещё двух путешественников, которых ты*

даже не заметил. А заодно и подправил ему карму. Или родовую память — называй как хочешь. В результате Семён, вместо того, чтобы быть болезненным, хилым, и скончаться в двадцать с небольшим, всю последующую жизнь отличался завидным здоровьем, никогда не болел, а сейчас ему сто четыре года. Настоящий Семён умер бы бездетным, а у этого девятнадцать детей от двух браков и восемьдесят шесть внуков. Правнуков я не считал, но думаю…

— Чушь! Я тут не причём!

— У паренька была плохая наследственность, — посетовал Агиляр. *— Не зря он оставался единственным ребёнком в семье. Ты так хотел ему добра…*

— Я всего лишь убрал из его сознания Рэйва и все воспоминания о внутренних голосах, — сказал Стейбус. *— Допустим, что наряду с Рэйвом я удалил и двух других клиентов со всеми следами их пребывания. Я о них ничего не знаю, а ты? Анализ теперь произвести уже нельзя, но что если именно эти путешественники явились причиной нервного расстройства, ослабившего иммунитет Семёна и повысившего опасность заражения туберкулёзом? Даже если ты прав, и я незаметно для себя превратился в этакого хроночудотворца, откуда тебе знать, что я не привёл события прошлого к первоначальному знаменателю?*

— А я этого и не знаю, — согласился Агиляр. *— Может, он и должен был дожить до ста четырёх. Я только хочу вдолбить в твою голову, что ты не можешь наверняка сказать, каким был упомянутый тобой первоначальный знаменатель. Сколько всего вхождений совершили все путешественники с момента изобретения ретроскопа? Вероятно, сумма выражается числом, которое не всякий сумеет произнести без запинки. И во время любого из них могли иметь место нарушения хронопоследовательности. У родителей Семёна десять лет не было детей. Вследствие чего? Бесплодие одного из супругов — возможно. Только естественное ли? Или оно уже являлось результатом взаимодействия с ними других путешественников? Почему потом ребёнок всё же появился на свет? Извини, но вы в своём институте не видите дальше собственного носа. Мне, например, известно, что успешное влияние на агента (подобное тому, что на Семёна оказывал Рэйв) обычно становится возможным вследствие так называемого родового проклятия. Термин был в ходу у землян, и я не вижу, почему бы нам его не использовать? Не исключено, что кто-то из его предков — родители, деды или прадеды — уже подвергались силовому внушению. Догадайся с трёх раз, кто мог это сделать.*

Агиляр замолчал, то есть прекратил направленную пси-

передачу, но Стейбус чувствовал, как в сознании собеседника движутся мощные скрытые мысленные потоки. Сделав совсем небольшое усилие, он окунулся в один из них и уловил воспоминания Агиляра о его любимой эпохе амазонок. Подручный Блэкбэда говорил с ним, думая о своём, из чего можно было заключить, что предмет обсуждения ему не интересен. Скорее всего, Агиляру действительно давным-давно всё это известно, а сам Покс и официальная наука, как всегда, позади.

Но ещё больше Стейбуса поразило то, насколько легко он проник во внутренний мир другого человека. Не кого-нибудь — опытнейшего временщика, хрон-магистра высшего уровня. Или Агиляр открылся специально?

Поксу так не казалось. Слишком много нового он успел узнать о себе за последние несколько дней.

— *Я только что тебя прощупал,* — сообщил он. — *И достаточно глубоко.*

— *Знаю,* — меланхолично отозвался Агиляр. — *Ты можешь делать так. Но, слава богу, не настолько аккуратно, чтобы я ничего не заметил.*

— *И тебе всё равно?*

— *Мне скрывать нечего. В обычной жизни любой счёл бы меня сексуальным извращенцем на последней стадии деградации личности. Одиночка, мизантроп, гомосексуалист, склонный к перемене пола… Мужчина, вселяющийся в женские тела только для того, чтобы наслаждаться лесбийской любовью. Но я давно не живу обычной жизнью. Я там только питаюсь, сплю, да и то изредка. Слышал о методе Фикко? Если всё правильно делать, можно выходить в реал не чаще трёх – четырёх раз в месяц на двое суток, а остальное время жить в прошлом.*

— *Разве это жизнь?*

— *А разве нет? Наша жизнь состоит из наших собственных переживаний, ощущений, мыслей. Ощущения, полученные с помощью ретроскопа, от реальных неотличимы. Тогда какая разница?*

— *Но…*

— *Что? Не сможешь ты ничего возразить. Она ничем не хуже. Да ещё и гораздо длиннее. Ведь время в ретроскопе течёт во много раз медленнее, и я уже успел прожить сотни жизней и тысячи лет. Ты, кстати, тоже.*

Стейбус не сразу нашёлся, что возразить, а когда приготовил возражения, они показались ему неубедительными. По крайней мере, они точно были бы неубедительны для Агиляра.

— *В прошлом все мы можем жить очень долго,* — продолжал

Агиляр. — *И не просто жить, а именно так, как хотим. Миллионы уже живут таким образом.*

— *И умирают.*

— *Да, конечно, некоторые умирают. Прикажешь мне проливать по ним слёзы? Это их судьба или их выбор. А участь выродков, вроде Рэйва и его собратьев по Обществу, мне и вовсе безразлична.*

— *Но они убивают агентов!*

— *Их агенты и без того давно умерли.*

— *Не играй словами. Ты понял, о чём я. Они изменяют прошлое, и это не может не отразиться на будущем.*

— *Я только что доказал тебе, что ты тоже менял прошлое,* — сказал Агиляр. — *Сотни тысяч путешественников изменяли его. Дело не только в силовом внушении или жёсткой коррекции линии судьбы, вроде того фокуса, что ты проделал относительно Семёна. Ты ведь уже понял, что само присутствие чужого сознания влияет на сознание агента, путь и незначительно. Однако невозможно вызвать заметные сдвиги в нашем мире, просто раздавив в прошлом бабочку. Или даже убив человека. Нелепо считать, что такая штука, как время, не имеет своих защитных систем, поддерживающих его стабильность, или что эволюция на каждом этапе предусмотрела для себя единственный путь, да ещё такой узкий — через одну конкретную особь. Я так думаю, что и уничтожение целого вида не перекроет дорогу эволюции — или исчезнувшему виду найдётся равноценная замена, или же он сам будет восстановлен. Ход человеческой истории нарушить проще, но и тут не всё до конца ясно. Событийную матрицу наверняка как-то меняли уже первые путешественники, но почему-то до сих пор здесь, у нас, ничего не произошло, а ведь мы прямые потомки землян? Не пытайся вовлечь меня в крестовый поход против всех путешественников вообще. Он бессмыслен. Невозможно ничего исправить. Только лишь для того, чтобы отследить все возможные изменения в жизни Семёна от рождения до ста четырёх лет, или даже до двадцати трёх, потребуется целая бригада специалистов. А восстановить первичную причинно-следственную цепочку его жизни смогут только ребята вроде тебя (если подучишься) и Блэкбэда. А много таких, как по-твоему?*

— *Раз ты у нас всезнающий, скажи: почему я стал таким?* — спросил Стейбус. — *Я ведь даже не сенситив. Просто имплантёр.*

— *А какая разница?* — возразил Агиляр. — *Между возбуждённым участком мозга экстрасенса и активированным мозговым имплантатом никакой разницы нет. Но Блэк считает, что ты скрытый сенситив. То есть, был скрытым. Посмотри запись на кристалле девятнадцать. Там всё подробно разобрано.*

Специально для тебя. И о тебе.

— Что за данные?

— А я знаю? Блэкбэд сказал…

— Блэкбэд! Блэкбэд!.. — вышел из себя Стейбус. *— Может, пояснишь мне только одно — откуда он, чёрт его раздери, всё обо мне знает? На кристаллах, что он мне дал, куча информации. Её не собрать просто так, за пару часов. Как он мог угадать, с чем я столкнусь и что меня заинтересует? Он что — Бог?*

Агиляр неожиданно развеселился — волна положительных эмоций с его стороны накатила на Стейбуса подобно радостному хрустальному потоку.

— Ну да, Бог! Бог ретроскопа!.. Слушай, друг, мне пора. Да и надоел ты мне со своей любознательностью, честно говоря. Посмотри записи, вникни. И будь осторожен. На тебя открыт сезон охоты.

— Кто?

— Общество самоубийц, конечно же. Естественно, на самом деле опасны не они сами, а их склонные к получению барышей и криминалу покровители. Ты думал, они просто так спустят вашу со Скаем выходку? Ну и ещё кое-кто.

— А точнее?

— Проповедники благих вестей, — загадочно ответил Агиляр, исчезая из сознания агента. Покс последний раз взглянул на мир прошлого глазами старика Семёна, и тоже ушёл в своё время.

Несколько минут он сидел, задумчиво перебирая на ладони разноцветные зёрнышки информкристаллов. Вспомнив, что ему посоветовали начать с девятнадцатого, выбрал его и потянулся к приёмнику. Потом передумал, и из чувства противоречия взял кристалл под номером три.

— У меня и так уже стойкое чувство, что мной умело управляют, — пробормотал он.

Или Блэк знал, что он откажется от девятнадцатого кристалла и начнёт с третьего? Ну, это было бы слишком. Тогда он и вправду Бог.

Мысленно усмехаясь, Стейбус заменил третий номер на восьмой. Не удовлетворился и, смешав умные зёрнышки как попало, выбрал наугад.

— Попробуй узнать, что я сделаю ещё, — зло процедил он. — Я ведь могу совсем не смотреть то, что ты мне подсунул.

Однако он знал, что смотреть будет. И умнее всего послушаться старших и начать с самого начала, предварительно посмотрев кристалл номер девятнадцать.

«Там всё подробно разобрано. Специально для тебя. И о тебе…»

Глава 9

Величайшие катастрофы прошлого! Путешествия в ад кромешный! Не смущайся и не трусь! Вместе с нами это безопасно.

Последний день Помпеи глазами очевидцев. Хочешь увидеть катаклизм, уничтоживший Содом и Гоморру? Извержение Кракатау — незабываемое зрелище!

Китай, 23 января 1556 года — самое грандиозное землетрясение в истории! Погибло 830000 человек. Гибель армии Камбиза — песчаная буря, унёсшая жизни 50000 воинов. 1815 год — извержение вулкана Тамбора. Взрыв был слышен на расстоянии 1400 километров! На расстоянии ста километров под тяжестью пепла обрушивались кровли домов. Порт-Ройял на Ямайке — страшная гибель пиратского Вавилона!

Обращайся к нам прямо сейчас! Мы гарантируем агента-очевидца, оказавшегося среди выживших. Для любителей экстрима — выход в наше время за секунду до смерти агента!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «100 катастроф».

Будучи узким специалистом, Стейбус раньше не подозревал, что ретроскоп представляет собой не что иное, как блок генераторов электромагнитных полей, помещённый внутрь сложнейшей системы вогнутых зеркал различной формы и размера. Шлем, которым большинство людей пользовались для просмотра пси-постановок или путешествий в прошлое, тоже, в общем-то, был вогнутым зеркалом, оснащённым интеллектроникой; но больше всего Покса поразило устройство хорошо знакомого каждому алитейцу трансцессора.

Обычный трансцессор, который половина граждан Империи носила почти не снимая, только выглядел как обруч. На самом деле при работе он создавал так называемое «виртуальное вогнутое зеркало», многократно улучшающее качество приёма и облегчающее передачу мыслепотоков.

Собственно, трансцессор отличался от ретроскопа только тем, что передавал отдельно взятый мыслеобраз от одного человека к другому в настоящем времени; а ретроскоп предназначался для трансляции в прошлое человеческой личности целиком.

Теперь, немного разобравшись в физике вогнутых зеркал, Стейбус не удивлялся, что ретроскопия, как наука, развилась почти одновременно с трансцессией, ведь одно являлось просто производным другого. При первых экспериментах по транслированию пси-образов на расстояние отмечалось, что их

приём иногда происходил на несколько часов раньше начала передачи. Другими словами, субъект читал мысль до того, как объект успевал её продумать. Лишь значительно позднее удалось полностью устранить данное отклонение и построить точную таблицу соответствия между формой и кривизной зеркал и частотой исходящего пси-сигнала.

Но чаще всего субъект совсем ничего не принимал; точнее, приёму мешал критический барьер его собственного сознания и разница в восприятии действительности. Тогда ещё считалось, что для трансцессии необходим только передатчик, а приёмник не нужен. Обе проблемы успешно решили посредством ещё одного трансцессора на другом конце линии пси-связи, и с тех пор технология прочно вошла в повседневный обиход. Все средства частной и массовой коммуникации постепенно адаптировали для новой формы общения и обмена информацией, хотя и старая не отмерла окончательно, продолжая стабильно развиваться.

А для не имевшей в ту пору даже собственного названия ретроскопии, необычный феномен «отстающей трансляции» мыслеформ, вызванный, как считалось, колебаниями электромагнитного поля Алитеи, оказался просто подарком. Оставалось лишь изучить его и усилить в желаемую сторону, что и было сделано. С той разницей, что теперь информационные пакеты стали на порядки сложней простого образа, и передавались назад во времени не на несколько часов, а на несколько тысячелетий. И здесь второй трансцессор действительно не требовался. А то, что утяжелённые пакеты перестали отклоняться в близкое прошлое случайно и не удавалось отклонить их туда намеренно, исследователей только обнадёжило. По крайней мере граждане Империи хотя бы на ближайшее время гарантированы от вторжения в их психику чужих сознаний!

Почти непреодолимая разница в восприятии действительности у алитейцев и их далёких предков с планеты Земля, создала видимость прочного барьера между сознаниями людей прошлого и настоящего, иллюзию неприкосновенности минувших эпох. Путешественники, чьи личности оставалась намертво привязанными к их телам, взаимодействовали с агентами, а агенты с ними — нет. Но так только казалось. Всё же и те, и другие были людьми, а история Вселенной, записанная в Энергоинформационном Поле, оказалась не такой уж стабильной и неизменяемой вещью. Непрямое взаимодействие сознаний в области эмоциональной сферы скрывало в себе не меньше опасностей, чем непосредственный телепатический контакт.

Сначала изобрели синхронизаторы эмоций…

Стейбус, нервно повозившись в рабочем кресле, горько скривился, вспомнив Библию. «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна пуста, и тьма над бездною…»

Теперь историю создания мира, и всю последующую историю вообще, можно перечеканить, выбив на старых монетах профиль нового повелителя.

«Вначале не существовало ничего, кроме безобидных вогнутых зеркал. А потом сотворил Человек ретроскоп. И был вечер, и было утро: день один».

«А на другой день Человек создал сенсуальный синхронизатор, опробовал его и сказал: «Это хорошо!»

Да только — хорошо ли это было? Многие сомневались, например — Оллентайн, но их никто не слушал.

«На третий день Человек…»

Что он там ещё наворочал на третий день? Да много чего. И на четвёртый, и на пятый… Появились оптимизаторы, лингвистики…

«А на шестой день посмотрел Человек на все дела, которые Он сделал и вот — хорошо весьма!»

Неужели? Позвольте усомниться. Работа не закончена, осталось заказать вывеску: «Апокалипсис для людей прошлого, заботливо подготовленный их далёкими потомками», и повесить над входом в Академию Времени. А также над главным входом в штаб-квартиру корпорации «Ретроскоп технолоджи».

«И совершил Человек к седьмому дню дела Свои, которые Он делал. И почил Человек в день оный… в ретроскопе».

Конечно, где же ещё? Создатель, достойный своего изобретения. Труды позади, можно поставить чудо-прибор на самое почётное место в доме; можно есть, дышать и заниматься любовью в ушедших веках, паразитируя на их обитателях.

Стейбус почувствовал острое отвращение к самому себе — не столько потому, что он не раз лично делал это ради удовольствия, сколько просто по причине принадлежности к человеческому роду. До тех пор, пока он считал прошлое чем-то стабильным и неизменяемым, он не видел ничего плохого в собственных невинных, как ему казалось, экскурсах в чужие судьбы.

Это потому, подумал он, что в застывших мёртвых веках все люди были бы мертвы, как буквы в книге. Просто летопись, которую я мог читать снова и снова, начиная с любого места. Все события уже произошли, всё плохое и хорошее случилось, все жизни прожиты их законными обладателями. Но как только оказалось, что на их мысли и поступки можно повлиять в ту или

иную сторону, переписывая тем самым отдельные главы летописи, как земляне тут же стали для меня живыми. А с живым прошлым и его живыми обитателями нельзя обращаться точно так же, как с мёртвыми. Не я первый осознал эту простую истину, не я первый пришёл к такому выводу — но разве кто-то остановился?

Кое-кто остановился. Но их было совсем мало. Остальные продолжали и продолжают использовать дальнюю временную зону в качестве игровой площадки, а игры становятся всё более жестокими.

Неужели мы не могли придумать лучшего применения для такого чуда, как ретроскопия? Ведь воссоздали же величайшие шедевры искусства и словесности, давно утерянные; даже такие, которые почти сразу погибли, которыми недолго наслаждались и современники старых художников, мудрецов, поэтов, а уже их дети знали только понаслышке? Вон, Фауст Вагнер, Мефистофель наш незабвенный, древнеегипетские папирусы воссоздаёт в полном соответствии с исходной технологией. И их содержание — со скрупулёзной точностью, иероглиф к иероглифу. Учёный Земли двадцатого века за любой из таких папирусов не раздумывая продал бы душу дьяволу — хоть целиком, хоть по кусочкам. Недавно Вагнеру выделили средства для воссоздания садов Семирамиды путём прямого синтезирования, так он совсем обнаглел, и теперь трясёт с Оллентайна деньги на Колосса Родосского. Утерянные творения Овидия его ребята записывают прямо за Овидием. Фауст умудрился найти в оригинале «Медеи» грамматические ошибки; хотел в своём варианте исправить, но Оллентайн не позволил. Делай, говорит, как было у автора, ты всё же не Овидий, хоть и знаешь латынь лучше него…

Да это правда, и очень здорово. Однако, во всей Академии Времени четыре тысячи ретроскопистов; ну, ещё столько же лицензированных частных историков по всей Империи… Ну, ещё нормальных, адекватных исследователей-любителей наберётся с десяток тысяч. А простых путешественников — миллионы и миллионы — несть числа…

И нелегалы, плюющие на закон и обычную человеческую порядочность. И спецслужбы со своими запросами. И хронократы со своими амбициями… Последние хуже всего. Что там ГУСС и войны во времени! Тоталитарная власть над прошлым и настоящим, над умами и жизнями при помощи ретроскопа — неужели это и есть завтрашний день одряхлевшей, едва стоящей на ногах алитейской монархии? Хорошо, что близкое прошлое пока недоступно.

Как долго удержится этот рубеж? Стейбус, ещё недавно с

азартом штурмовавший бастионы Тёмного периода, всерьёз задумался, а не свернуть ли ему исследования своего отдела. Правда, он ведёт работу с другого конца, снизу, но кто знает…

Нет, нельзя бросать. Покс всё ещё боялся признаться себе, но уже чувствовал, что тайна Тёмного периода, тайна катастрофы, поглотившей целую галактику, может иметь несколько иную природу, чем было принято думать до сих пор в научных кругах.

Млечный Путь вполне мог сгинуть в недрах Хаоса вовсе не в результате глобального космического катаклизма. Это могла быть и хронокатастрофа, а в списке возможных виновников первой и единственной стояла родина ретроскопа — Алитея. Вероятно, именно поэтому наши действия и не имели заметных последствий в настоящем, подумал Стейбус. Незначительные — в масштабе планеты — изменения климата не в счёт. У них, скорее всего, естественные причины. Не замечено, чтобы от ППУ страдали подлинные коренные обитатели Алитеи — дикие животные. Только люди, да некоторые одомашненные виды. Именно те, что когда-то были завезены в первые колонии землян в Андромеде.

Но что будет, когда мы откроем для себя близкое прошлое?

Напрягать фантазию не приходилось. Это будет финиш истории человечества. Технология уже продана Лидии, а на очереди ещё десяток межпланетных альянсов. И если они включатся в игры с ретроскопом, то угроза нависнет над всем Содружеством Человеческих Миров. Населения в одной только Алитейской империи, между прочим, в двадцать раз больше, чем было во всей Земной Гегемонии на первом этапе Космической эры. Вскоре на каждого когда-либо жившего человека дальней временной зоны придётся по сотне путешественников.

Правда, до столь неблагоприятного исхода нам далеко, это случится в настоящем, и здесь мы можем попытаться кое-что изменить. А жители прошлого беззащитны.

Стейбус вскочил с кресла и забегал по комнате. Они беззащитны… насколько? Среди них живут инерты — люди, с чьим сознанием не может вступить в контакт ни один путешественник. Они могут бороться — и борются по-своему, не понимая даже, с чем имеют дело, но вполне успешно. Мы для них демоны, внушающие им чуждые, несвойственные им мысли, воплощение некоего нематериального зла из потустороннего мира…

Что ж, они недалеки от истины.

Покс остановился перед рабочим столом. Как им помочь? И стоит ли?

Инерты… Они существовали всегда? Или их появление

вторично и является защитной реакцией на невиданное вторжение из будущего? Возможно ли вообще такое?

Стейбус хорошо понимал, что ни один из крутившихся в голове вопросов он просто так не решит. В свете новых открытий привычные представления о времени и казавшиеся ему незыблемыми законы ретроскопии рассыпались в прах, порождая тучи несовместимых друг с другом хронопарадоксов. А над свежими руинами старых знаний, из поднятых обвалами облаков пыли вставала мрачным исполином главная проблема: что делать конкретно ему конкретно сейчас?

Он снова сел в кресло и недобрым взглядом окинул примостившийся сбоку у стола генераторный блок ретроскопа. Будем надеяться, что всё не так плохо, подумал он. В любом случае, было бы глупо для достижения новых целей использовать другое средство.

Другое оружие, другой инструмент — называйте как хотите.

— На стартовую страницу, — приказал он своему домашнему ИРу. Экран вспыхнул, ретроскоп монотонно загудел, и в этом привычном звуке, раньше казавшемся Стейбусу музыкой, на сей раз послышалось нечто зловещее.

Хочешь приключений, которых ещё никто не переживал? «Страна Ретро» — лучший ретросайт из всех существующих! Материалы о чём угодно!

Конечно, подумал Покс. Без вас нам куда же…

Древняя Индия. Безграничные возможности для секса с реально существовавшими девушками! Кама Сутра на практике!

Рыцари в Земле обетованной. Освобождение Гроба Господня. Взятие Иерусалима Салладином!..

Перенесись во времена Христа! Палестина времён Христа…

Взятие крестоносцами Константинополя. Александр Македонский и Дарий…

Чингисхан. Нашествие Батыя на Русь — стань участником! Обращайся прямо сейчас!

Внимание! Неуловимый сексуальный маньяк в роли твоего агента! Возможно, это именно то, что ты искал. Попробуй! Ощути себя на его месте!

Зверские изнасилования несовершеннолетних. Твои воспоминания о реально существовавших девочках. Удовольствия без малейшего риска уголовного преследования!

— Вон из моей головы! — взревел Стейбус. На его висках вздулись вены, на лбу от напряжения выступили крупные капли пота. *— ВОН ИЗ МОИХ МЫСЛЕЙ!.. ЧТОБ ТЕБЕ КИШКИ СВЕЛО, ПОГАНЕЦ!!!*

Где-то за тридевять земель от столицы, на другом

континенте, дежурный оператор нелегалов внезапно почувствовал себя очень нехорошо. Ему пришлось прекратить передачу, отключить аппаратуру и прилечь в соседней комнате. Он даже позабыл о необходимости сообщить о внезапной пси-атаке координатору «Страны Ретро». Когда же наконец сделал это, тот не сразу разобрался, что случилось, и был вынужден провести сеанс конференц-связи с координаторами второго уровня.

— Источник не идентифицируется, — сообщил один из них. Разговор шёл по обычной линии. — Но, похоже, это Блэкбэд. Его стиль. И сила его.

— Глупости. Мы с Блэком не ссорились, делить нам нечего. Поговори с нашим администратором в Сестрории. Он должен знать. Атака началась оттуда.

— Уже сделал. Он ничего не знает.

— Есть ещё версии?

— Что если спецслужбы дурят? Или вмешалось правительство.

— Не исключено. Однако здесь нам ничего не удастся узнать наверняка. Но это точно не полиция.

— Согласен. Чёрт, как мне хотелось бы залезть в головы спецам из ГУСС!

— А мне кажется, известные фигуры здесь ни при чём, — высказал своё мнение один из молчавших до сих пор координаторов. — Просто на нашем поле появился новый игрок.

Часть третья. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Глава 1

Новый проект «Ретродрома» — «В мире животных»!

Ты ещё не решил, к услугам каких проводников прибегнуть? Тут двух мнений быть не может — иди к нам!

Величайший прорыв за всю историю ретроскопии! Впервые — и только у нас — животные в качестве агентов-носителей твоего сознания! Такого ещё никто не делал!

Несовместимость восприятия мира у людей и животных больше не преграда. Мы решили эту проблему. Не медли ни минуты! Обращайся к нам прямо сейчас!

Прошлое уже не ограничено дальней временной зоной. Давно ли сверхдальняя зона была пределом мечтаний? Но теперь мы можем повести тебя ещё дальше!

Земля до появления на ней человека. Ты можешь увидеть её одним из первых! Что было до начала истории? Узнай сегодня!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

— Шумный скандал вокруг так называемого «Общества самоубийц» начинает стихать, — с ноткой удовлетворения в голосе констатировал ведущий аналитической программы «Алитея сегодня». — Как и предполагалось, после короткого всплеска интереса в самых широких кругах, дальнейшее обсуждение проблемы стало уделом специалистов. Лидеры радикально настроенных группировок сделали всё возможное и невозможное, чтобы извлечь из ситуации максимальную выгоду, однако их усилия не увенчались успехом. Любители путешествий в прошлом могут спать спокойно — ретроскопы для свободного использования не запретят. Об этом сегодня заявил глава правительства Лери Беттани. Минутой позже вы сможете посмотреть запись его выступления, а пока я просто процитирую заключительную часть речи премьер-министра: «О сворачивании производства ретроскопов не может быть и речи, тем более — об их конфискации у населения. Отдельные факты якобы совершённых в прошлом преступлений — кстати, пока недостаточно подтверждённые доказательствами, — не должны повлиять на…»

Стейбус раздражённо дёрнул плечом. В последнее время он заметил за собой острое нежелание смотреть новости и вообще любые передачи в пси-режиме, довольствуясь аудиовизуальным форматом.

— И вы ещё будете уверять меня, что скандал заглох, —

пробормотал он. — Если сам премьер-министр был вынужден высказаться… Скажите лучше — вы сделали всё, чтобы его заглушить.

Стейбус протянул руку к лежавшей на столе сигаре, но передумал и приказал ИРу переключить канал. Ему не повезло — он опять попал на новости:

— Его Величество Император высочайшим указом отклонил прошение Сестрорийской юридической ассоциации, пункты которого служили предметом горячих дискуссий в парламенте весь последний месяц. Напомним, что члены ассоциации, при поддержке минимально возможного большинства парламентариев, считали возможным приравнять агрессивное пси-воздействие по отношению к людям из прошлого к обычным преступлениям того же характера, совершённым в нашем времени. Когда стало ясно, что решающего перевеса в две трети голосов набрать не удастся, депутаты обратились напрямую к премьер-министру Лери Беттани, а тот предложил передать вопрос на рассмотрение в Высший имперский суд…

— Ловкий ход! — с иронией заметил Стейбус. — Правительство свалило всю грязную работу на глубокочтимого монарха.

— …К сожалению, доктор исторических наук Стейбус Покс, приглашённый на нашу сегодняшнюю передачу, отказался от участия. Он никак не комментировал свой отказ, равно как и вердикт Его Величества, хотя, как мы знаем, являлся не только горячим сторонником проекта Сестрорийской юридической ассоциации, но и главным инициатором (если не сказать — виновником) невероятного ажиотажа, возникшего вокруг незначительных, на наш взгляд, прискорбных инцидентов, связанных с путешествиями во времени…

— Ну ещё бы я согласился участвовать в этой комедии, — буркнул Стейбус. — Не нужно было сообщать мне тему вашей передачи ещё до обнародования императорского указа. Это кое о чём свидетельствует… Перестарались.

Ведущий продолжал говорить, но Покс перестал слушать. Он прошёл на кухню, уже оттуда приказал ИРу вновь переключить канал и сделал на кухонном комбайне молочный коктейль с шоколадом.

— Вашей бабушке такие «незначительные прискорбные инциденты», — от души пожелал он в сторону гостиной. — И болтуны, вроде вас, просто не появились бы на свет.

— …Таким образом, после заявления премьер-министра и указа Императора, справедливо будет считать вопрос о дальнейшем свободном использовании ретроскопов

исчерпанным.

— Да черти бы вас взяли, — искренне удивился Покс. — Везде одно и то же! Как же вы торопитесь всё похоронить!

— Другое дело — существование неформальных объединений, подобных Обществу самоубийц. Если собственно Общество к настоящему моменту можно считать полностью ликвидированным, так как не только его лидеры, но и все активные члены находятся в тюрьме…

— И этих тоже рано хороните, — возразил диктору Стейбус, выключая стереовизор. — пересажали две — три сотни дураков, и думаете, нам всем будет счастье?

Последние слова диктора совершенно испортили ему настроение и отбили аппетит. Коктейль он выпил без всякого удовольствия, вспоминая события недельной давности.

Когда связавшийся с ним полицейский инспектор сообщил о гибели Ская Вамиса, Покс даже не сразу понял, о чём тот говорит. Скай работал, жил и наслаждался жизнью столь радостно и интенсивно, что, казалось, не собирался умирать никогда; невольно в это начинали верить и все окружающие его люди. Но неделю назад двое неизвестных напали на Ская прямо в маленьком ресторанчике его родного квартала в жилом массиве Пенс, избили до полусмерти, на глазах у всех выволокли наружу и, раскачав, швырнули через ограждение прямо в средину транспортного потока. В крематории со Скаем прощались, не открывая гроб, — его тело буквально размазало по головному вагону скоростного состава Транслайна, шедшего на скорости триста километров в час.

Нападавшие скрылись с места происшествия за несколько секунд до прибытия полиции, а их слаженные действия наводили на мысль, что операция была тщательно спланирована. На самого Стейбуса уже было предпринято одно покушение, и полицейский инспектор, проводивший дознание, посоветовал ему приобрести оружие.

— Я не могу этого сделать, — ответил ему Покс, — поскольку всё ещё считаюсь условно осуждённым по решению суда за незаконное проникновение в жилище Рэйва Фареса и прочие противоправные действия. К тому же попытка… э-э, моего убийства на митинге в объединённом квартале массива Никси была просто смехотворной. И после того случая я больше не выступаю на митингах.

— Но нападение на вашего сослуживца не выглядит смешным, — возразил инспектор. — Если покушение на вас являлось делом рук психически неуравновешенного одиночки-ретроскописта, то здесь чувствуется рука профессионалов. Цель

— не просто устранить человека, принявшего активное участие в деле ликвидации Общества самоубийц, не просто отомстить, но и запугать всех ваших последователей, доктор Покс. А их немало. Есть они и в полиции. Мы тоже люди. Вам не предъявят никаких обвинений, даже если вы купите пистолет сразу же по выходе из полицейского участка. Как понимаете, я говорю не сам от себя. Но в любом случае мне приказано передать вам, что условное обвинение будет снято ещё до конца недели. А решите воздержаться от приобретения оружия — наймите телохранителя.

— Я благодарен моим доброжелателям, кем бы они ни были, — искренне сказал Стейбус. — А также всем, кто меня поддерживает. Я и не ожидал, что их окажется так много. Надеюсь, мы выиграем.

И вправду, осуществляя свой памятный поход к Рэйву в Лессику, Покс не подозревал, что его действия будут иметь подобный общественный резонанс. Он бы удовольствовался и более слабым эффектом. За прошедшие с момента вторжения в квартиру Рэйва девяносто дней против него были выдвинуты самые разнообразные обвинения, в его адрес сыпались яростные проклятия и произносились немыслимые похвалы. Одни усердно делали из него героя, спасающего Империю от ретрозаразы (или прошлое от нечестивых граждан Империи — в зависимости от установок), другие столь же усердно втаптывали в грязь и самого Покса, и Институт сравнительной истории с Оллентайном во главе.

Три месяца все алитейские СМИ и «Глобал» в целом кипели призывами запретить Академию Времени как таковую, выставляя её организацией, стоящей на пути прогресса по освоению прошлого; конфисковать ретроскопы у населения и поставить любые исследования под строжайший контроль Коллегии Мастеров; отменить ратификацию договора по передаче хронотехнологий Союзу Джадо и планете-государству Сунгай; линчевать Покса и прочих противников этой ратификации; выловить и казнить без суда всех нелегалов и т.д., и т.д.

Стейбус обнаружил в себе незаурядный ораторский талант. Давно известные в широких кругах ретроскопистов-любителей истины в его устах приобретали совершенно другую окраску. Не довольствуясь возможностями «Глобала» и прочих средств массовой коммуникации, он использовал такой необычный и позабытый в современной Алитее приём, как публичные выступления в людных местах. И ко всему привычные, скептично настроенные столичные жители, лишившись спасительной перегородки в виде экрана стереовизора, который можно в любую минуту выключить, оказались совершенно беззащитны перед его

красноречием.

Стоило Поксу зайти в любую общественную столовую или просто появиться на одном из уровней какого-нибудь объединённого квартала — вокруг него сразу же собиралась толпа. И он начинал — твёрдо, аргументировано, последовательно; иногда — вкрадчиво, иногда — эмоционально, умело доводя аудиторию до состояния предельного напряжения, почти экстаза. Он одинаково хорошо находил общий язык с обитателями мегабилдингов и служащими без категории. Он никогда не увиливал от ответов на неудобные вопросы. Лицом к лицу, глаза в глаза.

Нам надо в первую очередь пересмотреть не свои взгляды на прошлое, говорил он. Нам необходимо пересмотреть самих себя. Свои моральные принципы. Свою душу ревизии подвергнуть, если хотите. Аттракционы нелегалов — явление вторичное. Именно спрос рождает предложение.

Какой же мы порождаем спрос? Сколько путешественников отправляется сейчас в странствие, чтобы насладится величием только что ставшей доступной для наших глаз цивилизации Атлантиды? Один из десяти. А сколько — чтобы, совершив беглый осмотр достопримечательностей, увидеть сцену её гибели? Остальные девять. И, думаете, ради восстановления в своём сознании исторической памяти о сём великом и скорбном событии? Отнюдь. Но это ещё пустяки.

Вот тут у меня статистика, любезно предоставленная моими друзьями-нелегалами… Да-да, у меня есть друзья среди нелегалов, и я этого не стыжусь. У всех вас они есть тоже, но вы в этом никогда не признаетесь…. Пятнадцать процентов пользователей «Ретродрома» занимаются (почти исключительно) своеобразной формой секс-туризма. Думаете, на официальном «Кроносе» процент ниже? Да, ниже. Аж на полтора пункта! Цифры говорят сами за себя, как и тот факт, что от «Кроноса» я на свой запрос ответа не дождался, и вынужден получать статистические данные через четвёртые руки. Двадцать два и девятнадцать процентов пользователей обоих сайтов соответственно предпочитают батальные эпизоды и сцены насилия. На «Ретродроме» широко рекламируется возможность поучаствовать не только в поединках благородных рыцарей, но и в любой самой кровавой резне, а на «Кроносе» — нет. Но если с того и другого сайта можно свободно получить билет в первые ряды Колизея, где христиан заживо скармливали тиграм и львам, то какая разница? Дело-то не в рекламе…

Любителей глобальных катастроф на «Ретродроме» и «Кроносе» поровну — восемь процентов. Однако самую большую

группу образуют всеядные любители острых ощущений. Сегодня они хотят заняться любовью с Бриджит Бардо, а завтра — застрелить какого-нибудь беднягу в револьверном поединке на Диком Западе; позавчера они сражались в рядах гладиаторских легионов Спартака, а третьего дня — сжигали еретиков на кострах святой инквизиции. Понятно — зачем ограничивать свои интересы какой-то одной темой? Поэтому число универсалов увеличивается с каждым днём за счёт всех остальных групп. Сейчас их сорок два процента на «Ретродроме», а на «Кроносе» даже на один процент больше.

Остаётся тринадцать процентов ретродромовцев и чуть больше — завсегдатаев «Кроноса», которым по душе мирные вещи, вроде созерцания нетронутой природы Земли, странствий во времена эпохи Великих географических открытий, религиозных паломничеств и, собственно, науки. Правда, сей факт не означает, что они никогда не заглядывают в боевые и эротические листы. Любители катастроф ведь тоже не прочь поглазеть на живого Будду. И — обратите внимание на эту цифру! — тринадцать. Она примечательна не потому, что число считается несчастливым. Просто тринадцать из ста — очень мало.

Но сейчас мы говорим не о мирных путешественниках и не об учёных. С ними всё более-менее в порядке. Мы говорим о девушке, которая вечером не прочь побывать в роли одной из жён Соломона, а утром начинает смену скромной служащей третьего уровня; о старике-инвалиде, который дополняет свой настоящий ужин из концентратов жареным павлином на виртуальном пиру в гостях у Лукулла; мы говорим о тех, кто на полном серьёзе пытается найти в прошлом Шерлока Холмса, чтобы сделать его своим агентом, а в реале носит полицейский мундир простого патрульного; кто в двадцатом веке прекрасно чувствует себя в теле совратителя малолетних, а утром идёт в одну из школ Сестрории учить детей.

Я сознательно привёл столь непохожие примеры. Некоторые из этих людей просто психически больны или не нашли себя в реальной жизни. Первых винить нельзя — их нужно лечить; вторым необходимо помочь. Но и остальные — вовсе не самые гадкие, развращённые и кровожадные среди всех граждан Империи. Просто им интересно. Они на диво легкомысленны. Они не понимают, что плохого в том, чтобы развлечься — каким угодно образом — ведь им кажется, что это всё не по-настоящему… Главное, чтобы было весело, приятно, необычно, забавно…

Тонет «Титаник» — это интересно. Особенно, если заранее знаешь, что окажешься в числе спасённых. Прожить самые

любопытные моменты судьбы Карла Стюарта — это забавно, особенно если уверен, что выйдешь в своё время за секунду до того, как палач опустит топор, отрубая королю голову…

Гибнет в огне пожаров только что сметённый землетрясением Сан-Франциско — нам весело. Сципион Африканский разрушает Карфаген — нам очень весело, потому что мы не умрём ни при штурме города, ни после него, нас не продадут в рабство вместе с уцелевшими жителями. Мы просто посмотрим.

Можно договориться с другом и сразиться на шпагах в чужих телах. Потом встретиться в реальной жизни, сравнить ощущения, посмеяться. Нам всё сгодится. Чем необычнее, тем лучше! От самого возвышенного до самого низменного — лишь бы отвлекало от действительности. От героики до каннибализма — лишь бы что-нибудь новое и экзотичное, сулящее острые ощущения… Какая разница, ведь это всё не по-настоящему... В действительности я так никогда не поступлю. И в прошлом так поступаю не я, а мой агент.

Но ведь отправляясь в иные времена, мы тоже имеем дело с действительностью. Действительностью прошлого.

Когда же у нас прояснится в голове?

Если человек в обычной жизни бережёт здоровье, проповедуя вегетарианство, а в прошлом ест людей — это совершенно не смешно. Если человек здесь, на Алитее, — прекрасный семьянин, а в прошлое отправляется затем, чтобы насиловать малолетних — это совсем не забавно, пусть он и делает такие вещи в чужом теле, сам не предпринимая ровным счётом ничего.

Потому, что — рано или поздно — у него может появиться искушение повторить кое-что из уже пережитого в реальности. Не говорите мне, что такое маловероятно. Давным-давно один мудрец сказал: «Человек живёт в мыслях». А свои мысли и воспоминания мы в прошлом не оставляем. Мы тащим их в настоящее.

Вам надо доказательств? Вот вам доказательства — не криминальная хроника, нет, хотя специалисты могли бы представить множество фактов и провести любопытные параллели между ростом производства ретроскопов и картиной трансформации современной преступности. Мои доказательства — это многочисленные программы для воздействия на психику, применяемые с целью заставить агентов делать то, что нам нравится. Нам уже мало действительных событий их жизни. Они кажутся нам «недостаточно активными». Так заставим их жить так, как им и в голову не пришло бы! Общество самоубийц, кстати, вовсе не самый худший пример…

После одного из выступлений с Поксом на связь вышел Блэкбэд. Он был краток:

— Слышал твою последнюю речь. Складно брешешь. Но разве ты не понимаешь, что напрасно надрываешься? Большинство твоих слушателей бешено аплодируют тебе… а через пять минут, в баре, после пары рюмочек они о тебе забыли. Пришли домой, поужинали, поскучали… И включили ретроскоп.

Стейбус так возмутился, что не нашёл сразу, что возразить. А подумав, и возражать не стал. День за днём он наблюдал за развитием событий, сравнивал, анализировал. И пришёл к выводу, что Блэк, по большому счёту, прав.

По мере того, как спровоцированный Поксом ретроскандал терял в глазах алитейцев прелесть новизны, накал дискуссий по наиболее важным вопросам слабел. Или сами дискуссии уходили в сторону и тонули в бесконечных мнениях, мнениях, мнениях… Эксперты-психологи, эксперты-социологи, эксперты чего угодно…

Конечно, никто не отрицает, что… Но в то же время, справедливости ради, нужно отметить…

Естественно, мы не собираемся спорить с необходимостью поставить заслон… Однако, если взглянуть с другой стороны…

Постепенно Покс перестал встречаться с представителями СМИ, а потом отказался от публичных выступлений в объединённых кварталах. И дело было совсем не в неудачном покушении на него. Просто он понял — дальше идти бесполезно. Он сказал всё, что хотел. Люди выслушали, повозмущались, предали публичной анафеме порочность современного общества. Кто-то пытался изменить себя. Большинство старались изменить окружающих. Остальные возвращались с митингов и, как говорил Блэкбэд, включали ретроскоп.

Правительство и бизнес-аристократия, которым скандал был невыгоден, активно пытались его замять. И общество, за исключением отдельных активистов, поддалось неожиданно легко. Стейбус и оглянуться не успел, как, образно говоря, остался с одними офицерами — но уже без армии.

…Нельзя не согласиться с тем, что моральный уровень отдельно взятых граждан оставляет желать лучшего, но…

…По мнению специалистов, сексуальная разрядка в прошлом зачастую помогает закомплексованным индивидам преодолеть…

…Участие в батальных эпизодах, бесспорно, полезно. Развлечения такого рода дают выход скрытой агрессии, что уменьшает вероятность её проявления в реальной жизни. Это своего рода катарсис; очищение психики, имеющее положительный эффект…

Да разве есть такая проблема, чтобы не нашлось эксперта,

готового высказаться?

Так что в разговоре с полицейским инспектором Стейбус кривил душой. В победу он больше не верил. Оставалось радоваться достигнутому. По крайней мере, он заставил некоторых усомниться в правильности выбранного пути, а других — действовать. Последние в настоящее время уже прекрасно обходятся без него — та же Сестрорийская ассоциация юристов. Много ли, мало ли — что-нибудь да сделают и они, и другие… Но в конечном результате Покс не сомневался. Общество в целом не хочет всерьёз менять ни ситуацию, ни, тем паче, само себя. Именно поэтому поднятую им проблему просто утопили в бесконечной болтовне.

А нелегалы между тем открыли очередную рекламную компанию, выставив на продажу новейшую услугу — использование животных в качестве агентов, и Стейбус не думал, что это всего лишь шутка. Но если нет, то выходит, что вскоре путешественникам станет доступно всё прошлое Земли вплоть до мезозойской эры и ещё дальше — до зарождения на планете жизни. Впереди маячила новая перспектива — долгожданный выход за пределы сравнительно узкого временного канала, ограниченного историей одной только Земли, так как жизнь вообще, конечно, встречалась не только там. Чем это грозит, Стейбус не хотел даже гадать.

Может быть, стоит приобрести оружие, как советовал полицейский? На сегодняшний день тысячи людей всерьёз желают ему смерти, и десятки готовы предпринять практические действия по его устранению. Им невдомёк, что Стейбус Покс уже нейтрализован. Ядовитый зуб, которым он надеялся куснуть соотечественников, оказался безвреден ввиду наличия у них слишком толстого слоя подкожного жира. А вот серьёзные ребята сразу сообразили, что вся его деятельность не более страшна для них, чем праздничный фейерверк, иначе его давно устранили бы. Да, фейерверк — много шума и треска, но это безопасно. Даже весело.

Стейбус подошёл к окну и тупо уставился в него, не осознавая, что стекло стоит на двусторонней тонировке и через него видно так же хорошо, как сквозь крепостную стену шестиметровой толщины. Всё чаще столица по утрам оказывалась во власти тумана. Иногда он бывал настолько густым, что солнечные лучи не могли разогнать его до самого полудня, и Стейбус включал тонировку, чтобы не видеть мутное молоко, липнущее к стёклам, а отключать её часто забывал. Всё более заметны становились перепады дневной и ночной температур; в метеосводках нередко сообщалось о непривычных для жителей

Сестрории двенадцати, десяти, а то и восьми градусах тепла ночью и ранним утром. Всё большей популярностью у посетителей столичных маркетов пользовались ветровки и лёгкие куртки, на которые теперь периодически возникал дефицит.

Может быть, перебраться в Дилойме, как он давно хотел? Поближе к любимому институту. Подальше от сумасшедшей столицы…

Может быть, совсем улететь с Алитеи? Куда-нибудь на одну из фермерских планет Гойи, за пятьдесят световых лет отсюда.

— Может быть, мне стоит застрелить тебя, пока ты никуда не уехал? — раздался голос позади.

Покс просто окаменел от неожиданности. Он не услышал, как в квартиру вошёл посторонний. Чужак проник внутрь несмотря на запертую дверь, охранную систему, и не потревожив чувство опасности самого Стейбуса, которое в последнее время обострилось необычайно.

— Лучше сделать это сейчас, пока ты без оружия, — сказал пришелец. — Я не люблю перестрелки. В них всегда есть элемент случайности.

Он не шутил. Покс не засёк момент его проникновения в квартиру, но теперь отчётливо ощущал себя взятым на мушку. Не оборачиваясь, Стейбус попытался прощупать сознание собеседника, но его внутренний взор упёрся в глухую преграду, и это был не защитный экран. Чувство было такое, как будто он протянул руку в темноту и пальцы наткнулись на каменную стену.

— Даже не пытайся, — посоветовал голос. — Я тебе не по зубам.

— Я думаю, ты не станешь убивать меня, иначе обошёлся бы без прелюдии, — сказал Стейбус поворачиваясь.

Перед ним стоял невысокий крепкий мужчина с большим пистолетом в руке. Скорее — старик с пистолетом, поскольку массивная круглая голова почти полностью поседела, но сила, чувствовавшаяся во всём существе пришельца, отбивала охоту считать его стариком. Оружие он держал уверенно, можно сказать — небрежно, однако твёрдо, готовый в любой момент выстрелить. И попасть.

— А ты не дурак, — протянул он. — Впрочем, мы такого и не предполагали.

— Кто вы? — спросил Стейбус.

— Какой ты быстрый. Завидую. Я вот еще не решил, предъявлять ли тебе визитную карточку.

Покс медленно прошёл мимо незнакомца и сел в кресло. По непонятной причине чужак его невероятно раздражал, и дело

было не в том, что он проник в квартиру без разрешения и держал его на прицеле. Просто раздражал — и всё. Внешним видом, манерой держаться, своей непроницаемостью. И в то же время Стейбус сознавал, что этот человек опасен — как может быть опасна приготовившаяся к броску змея, когда ты не в силах защититься.

— Назовите хотя бы своё имя, — устало сказал он.

— Зови меня Измаил, — усмехнулся мужчина.

— Хорошо… господин Измаил, если ты пришёл не для того, чтобы меня застрелить, то зачем?

— Чтобы предупредить. Нам понравился бесплатный общественный спектакль, который ты устроил для всей Империи. Твоя попытка была обречена на провал, но любое действие, предпринятое с благородными целями и по достойным мотивам, заслуживает уважения. Ты уже, наверное, и сам понял, что дело не выгорело. Ретроскоп не запретят. Технологию продали лидийцам, и продадут-таки Союзу Джадо и в остальные миры Содружества. Единственным заслуживающим внимания результатом можно считать усиление влияния Коллегии Мастеров и согласие правительства на создание собственно хронополиции. Насколько я понял, единственной задачей новых подразделений будет контроль за путешественниками.

— Да, премьер обещал набрать десять тысяч сотрудников. Капля в море, конечно.

— Согласен. Проблему так не решить. Если в обычной жизни существуют лень, манкирование обязанностями, взяточничество и… э-э, неформальные отношения представителей власти и преступного мира, точно так же будет и на пространстве прошлого. Рано или поздно внутри хронополиции придётся создавать службу внутренних расследований. Такая уже есть в Коллегии. Это легко предсказуемо, и нас не интересует. Но твои проповеди также вдохновили на подвиги сотни героев-одиночек, начавших свою личную войну против ретроскопистов, успевших особенно много напакостить в прошлом, и не собирающихся останавливаться. С первого взгляда картина выглядит отрадно, поскольку любовь к добру с террористическим уклоном — это всё же любовь к добру. Однако их действия зачастую несут в себе больше опасности, чем поступки тех, кого они пытаются остановить.

— А при чём тут я? — спросил Покс.

— Ни при чём, если не считать того, что ты являешься их главным вдохновителем.

— Я не призывал к самодеятельности. Я…

— Ты с неё начал, ворвавшись в квартиру Рэйва. Не думай,

что мы безоговорочно осуждаем подобные методы. Мы их сами применяем достаточно широко. Вопрос в том, насколько они оправданы в каждом конкретном случае. Не обижайся, но, несмотря на открывшиеся у тебя способности, ты просто котёнок, Стейбус. И ничего не умеешь. Что и доказал эпизод с мальчиком по имени Семён. Ты изменил прошлое гораздо глубже, чем это сделал бы Рэйв. Мы решили тебя простить…

— Как благородно с вашей стороны! — заметил Покс, не скрывая насмешки.

Незнакомец раздражал его всё больше. У Стейбуса появилось почти непреодолимое желание броситься на него и как следует набить морду, невзирая на его пистолет и преклонный возраст.

— Совсем не благородно, — сказал чужак. — Просто по-человечески. Но у тебя в отделе работает женщина, которая, при определённых обстоятельствах, способна напортачить больше, чем двадцать пять обществ самоубийц вместе взятых. Она настроена решительно, и вот-вот откроет боевые действия против всех без исключения путешественников в эпохе раннего христианства. Хуже всего то, что она мешает нам и рушит отлаженную, доказавшую свою эффективность систему. Поэтому…

— Да кто вы такие, чёрт возьми? — взревел Покс, поднимаясь с кресла, и вдруг остановился, поражённый внезапной догадкой. Лия… Чужак говорил про Лию. Она последнее время работала по ранним христианам. О ком ещё мог предупреждать его этот липовый Измаил?

— Её действия несут в себе непрогнозируемую степень риска, — спокойно продолжал мужчина, не обращая внимания на бурную реакцию собеседника. — Если она не остановится, нам придётся остановить её силой. Проще говоря — устранить от вмешательства в прошлое или… вообще устранить. Мы не желаем прибегать к крайним мерам, и надеемся…

Покс шагнул вперёд и, не обращая внимания на пистолет, схватил чужака за одежду и притянул к себе. Ему было уже всё равно, выстрелит старик или нет.

— Не смей трогать Лию, ты, мразь! — прошипел он прямо в лицо незнакомцу. Почувствовав дуло, крепко упёршееся ему в живот, он нашарил пистолет рукой и неожиданно легко вывернул его из руки своего противника.

Тот продолжал невозмутимо смотреть на Стейбуса, теперь — снизу вверх, поскольку был гораздо меньше ростом. С лёгким удивлением Покс недоверчиво оглядел отнятое оружие.

— Он что — не заряжен?

— Ещё как заряжен, — уверил незнакомец.

— Тогда что мне мешает застрелить тебя прямо сейчас? — Покс перехватил пистолет за рукоятку и приставил его к груди старика. — Незаконное проникновение в чужое жилище, — злорадно сказал он. — Прощай, Измаил. Можешь написать с того света письмо своим дружкам. Плевать я на вас хотел, а если тронете Лию, перестреляю вас всех. Понял?

— Так что ж не стреляешь? — спросил незнакомец. Вежливо. С любопытством даже.

— Ах, так?..

Стейбуса затопило неистовое бешенство, и он нажал на спуск. Одновременно что-то жёсткое и горячее врезалось ему в солнечное сплетение и прожгло насквозь, хотя незнакомец и пальцем не пошевелил. В глазах потемнело, и Покс безжизненно рухнул на пол.

Пришёл в себя он не скоро. С большим трудом поднялся на ноги, держась за край стола, попытался выпрямиться и согнулся от тупой ноющей боли вверху живота. Ощущение было такое, будто ему действительно крепко врезали в солнечное сплетение чем-то большим и твёрдым. Ломом, например. Или, скорее, куском монорельса. А в образовавшуюся дыру налили расплавленного свинца.

Поминутно хватаясь за стены и мебель, он осмотрел квартиру. Чужак исчез. Дверь закрыта. Записи камер не отмечали чужого присутствия за интересовавший Стейбуса промежуток времени. Или их почистили, или… внушили ему, чтобы он ничего не видел?

Он задал несколько вопросов домашнему ИРу, но тот ничем не смог помочь. Его память точно почистили.

Стейбус тяжело вздохнул и только тут заметил отлетевший в сторону пистолет. Чужак не забрал его, когда уходил.

Все патроны оказались на месте. Один в стволе, и предохранитель снят. Надо же, минуту назад я был готов поклясться, что выстрелил, подумал Покс. Жаль, не успел.

Он подобрал оружие и, списав серийный номер, хотел уже было связаться с полицией, когда увидел на столе пластиковую карточку, оставленную незнакомцем. Разрешение на ношение оружия. Номер соответствовал пистолету, который он держал в руке. Выписано на имя Стейбуса Покса, Старый Квартал, тридцать первый уровень, отдельный жилой модуль 3423-8745.

Это оказалось чересчур. Стейбус откинулся на спинку кресла и нервно расхохотался, тут же скривившись от боли. Как сказал этот неприятный коренастый старец? Котёнок. Да нет, он не прав. Не котёнок — мышка. С ним, Стейбусом, играют, словно с

мышкой, а он даже не знает, где находится кошка, сколько кошек всего, и…

Оборвав смех, он бросил пистолет поверх удостоверения и потянулся за обручем трансцессора. Надо связаться с Лией. Или лучше по обычной связи?

Лучше всего — в прошлом. Применим способ старины Агиляра и прочих наших друзей-нелегалов.

Он уже обдумывал варианты наиболее подходящих случаю хронокоординат, как сыграл сигнал вызова на трансцессоре. Покс одел обруч на голову.

— Отложи идею работать с ретроскопом в ближайшие дней семь-восемь, — сказал Блэкбэд. *— После того подарка, который ты получил от своего сегодняшнего визитёра, это небезопасно. Сначала приди в себя.*

— Блэк? С каких пор у нас в ходу трансцессоры? Тебе же обычная связь не нужна? Решил снизойти до уровня простого смертного?.. Ладно, я не спрашиваю тебя, откуда ты всё знаешь. Может, вы с ним заодно. Только скажи мне…

— Мы не заодно, — перебил Блэкбэд. *— Скорее — наоборот. А откуда я о нём знаю — я тебе рассказывал. Я всегда всё знаю о тех, кто желает мне зла.*

— Так вы конкуренты? Спасибо за добрую новость. Признания о ваших тёплых отношениях и полном взаимопонимании я не пережил бы.

— Прекрати ехидничать. Дело-то серьёзное. Ещё раз предупреждаю — не трогай ретроскоп. Если станет хуже, обратись к Агиляру. Оставишь сообщение на «Перекрёстке», и он тебя отправит в одну из наших клиник. Ну и — чтоб тебя окончательно утешить — мы с твоим посетителем не конкуренты, как ты выразился. Смертельные враги. Так-то вот. А с Лией поговори. Она собирается откусить ломоть, который не сможет проглотить. Подавится девочка, жалко — красивая. Почему ты до сих пор на неё внимания не обратил?

— Можешь объяснить, что происходит?

— Обойдёшься. Разбирайся сам, пора взрослеть. Правильно этот мужик тебе сказал — котёнок ты.

— Кто он такой на самом деле?

— Зови его Измаил, — усмехнулся Блэк.

— Чёрт бы вас всех побрал! — взвыл Покс, но Блэкбэд уже отключился.

Глава 2

Этих развлечений ещё не пробовал никто из твоих друзей! Стань первооткрывателем!

Любые животные в качестве агентов! Схватка первобытного человека с саблезубым тигром. Ты можешь оценить само зрелище и все сопутствующие ощущения прямо сейчас — как со стороны человека, так и со стороны тигра.

Подводный мир юрского периода! Такого вы и представить себе не могли! А также — теперь и всегда — подводный мир любой эпохи!

Земля — царство гигантских ящеров! Игуанодоны и аллозавры, диплодоки и велосирапторы! Бои и любовные игры тираннозавров. Незабываемо!

Обращайся к нам! Даже в давно известных временных зонах с нами будет интересно! Мир африканских животных глазами его обитателей. Бои слонов с носорогами. Что чувствует гепард, преследующий добычу? Схватка леопарда и крокодила — кто победит? Львы в период спаривания. Рекомендуем пробовать с осторожностью — иначе ты рискуешь забыть о женщинах и захочешь навсегда остаться львом. Мы пробовали — непередаваемо!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

На следующий день Стейбус прилетел в Дилойме значительно раньше обычного, оставил свой икар на служебной стоянке и пешком прошёл до одной из двух ближайших к институту станций Транслайна.

Мысль перехватить Лию ещё до начала рабочего дня посетила его вечером. Покс, связавшись с главным ИРом института Пантеоном, уточнил адрес и без особого труда вычислил её маршрут из дома на работу. Теперь он занял такую позицию перед станцией, что Лия никак не смогла бы его миновать; и точно — пройдя через зал ожидания, девушка натолкнулась прямо на своего бывшего руководителя отдела.

— Предлагаю тебе сегодня опоздать на неопределённое время, — сказал Стейбус. — Есть разговор. Прогуляемся?

Лия выглядела удивлённой и обрадованной. Она была тайно влюблена в Покса с первого же дня в институте, что тщательно скрывала ото всех, хотя и без особого успеха. Дружеское, по-отечески заботливое обращение с его стороны девушку здорово обижало, поскольку лишало надежды на большее, а последнее

время, с тех пор как Лия получила место ведущего исследователя, они и виделись редко. Впрочем, поглощённый общественной деятельностью, Покс теперь не слишком баловал вниманием и сотрудников собственного отдела, пуская всё на самотёк и надеясь на своего заместителя Рида.

Они свернули в сторону от общего потока пешеходов и вскоре оказались на одной из боковых аллей Центрального парка. Покс молчал, а Лия не решалась начать разговор, теряясь в догадках по поводу необычной встречи. Никогда он её никуда специально не приглашал. Никогда… Правда, она не слышала, чтобы Стейбус пригласил куда-нибудь и любую другую женщину. Даже самые отчаянные институтские кокетки давно потеряли надежду обратить на себя его внимание.

— Начну без предисловий, — сказал Стейбус. — И очень прошу тебя быть со мной откровенной. Вчера со мной на связь вышел человек, который на полном серьёзе собирается тебя убить, если ты не прекратишь делать то, что делаешь. Вот я и хочу спросить — чем ты сейчас занимаешься?

Лия открыла было рот, собираясь начать предложение обычными в таких случаях словами: «Простите… я не совсем понимаю…», — поскольку действительно не сразу поняла, но, взглянув Стейбусу в лицо, сообразила, что это будет лишним.

— Как он выглядел? — спросила она после долгого молчания. — Я имею в виду — тот человек, который с вами связался. Кто он такой?

С трудом удержавшись от искушения ответить: «Его зовут Измаил», — Покс легонько подтолкнул девушку в сторону, и они свернули направо — в самую глухую и непосещаемую часть парка.

— Очень энергичный старикан квадратного телосложения и с большой головой необычной формы, — начал описывать Стейбус. — Он ходит в чёрном и…

— Я его знаю, — перебила Лия. — Странно, что вы не догадались.

— Так просвети меня.

— Да это же Ленорн, бывший соратник Дендайма! Один из соавторов «Основ ретроскопии» и создателей ретроскопа.

— Не может быть. Я знаю Ленорна в лицо не хуже всякого другого. Рост и телосложение — да, но лицо… Голова?..

— Я думала, что вы всё про них знаете… Ленорн сделал пластическую операцию сразу после того, как второй раз вышел из тюрьмы, непосредственно перед тем, как уйти в подполье. Вэлл и Жордан как раз тогда бежали с каторги. Они же все подверглись гонениям за слишком активное противодействие официальной

политике правительства. Все трое были вынуждены скрываться, и тут им предложил помощь миллиардер Фолди Шеппинг, более известный под псевдонимом Меценат.

— Основатель «Ретроскоп технолоджи»? — удивился Стейбус.

— Да, — подтвердила Лия. — Он разбогател на продаже ретроскопов, а потом неожиданно перешёл в лагерь противников их свободного применения. То ли он прочитал один из малоизвестных трудов Ленорна, написанный в соавторстве с Оллентайном, и резко изменил взгляды, то ли знаменитая троица намеренно обратила его в свою веру… Точно никто не знает. Меценат в то время пребывал в очень непростом положении, поскольку в среде алитейской бизнес-аристократии был нуворишем, выскочкой, поднявшимся на самый верх благодаря случаю и собственной смекалке, а не происхождению. Представители старой элиты сделали всё, чтобы отобрать у него «Ретроскоп технолоджи», а он, предчувствуя, что его в конце концов съедят, неожиданно сдался без боя и устранился от управления, сохранив за собой тридцать пять процентов акций. А потом и вовсе исчез неизвестно куда.

— Я знаю эту историю, — подтвердил Стейбус. — Правда, не с такими подробностями. А дальше?

— Дальше — именно он спонсировал Вэлла, Жордана и Ленорна. Не сумев предотвратить вмешательство в прошлое из нашего времени, они решили поставить заслон воздействию на него в прошлом же. Каждый из них, кроме пластических операций, сделал операцию по изменению формы черепа. Вы знаете, как устроен ретроскоп?

— С некоторых пор — да, — ответил Стейбус. — Удивительно, однако раньше я не интересовался…

— Мало кто интересуется устройством того, что и так прекрасно работает, — сказала Лия. — Разве что специалисты. Зачем историку или, тем более, рядовому гражданину знать механизм взаимодействия электромагнитных полей и вогнутых зеркал? Конечно, совсем немногие задумываются над тем, что внутренняя поверхность черепа человека есть ни что иное, как вогнутое зеркало. И хотя биоэнергетика и электромагнетизм — разные вещи, давно известно, что узконаправленные биоэнергетические потоки способны вызвать колебания фундаментального электромагнитного поля, а мозг чувствителен к электромагнитному излучению и способен генерировать собственные полевые структуры аналогичного характера. Подогнав форму черепа под индивидуальную частоту излучаемых мозгом импульсов, мы получим…

— Ретроскоп! — воскликнул Стейбус, не в силах сдержаться.

Малоизвестная теория Родерика Дендайма, изложенная в его раннем труде «Человек и время», впоследствии раскритикованная его сподвижниками… В свете того, что успел узнать Стейбус — понятно, почему они её осмеяли. Уж точно не вследствие её несостоятельности.

Молодой Дендайм видел в своей гипотезе разгадку секрета всех феноменов необъяснимого знания когда-то произошедших событий и даже чужих жизней, известных на протяжении истории человечества. Некоторые люди всерьёз утверждали, что в прошлой жизни они были кем-то ещё. На самом деле, при случайном совпадении импульсов их мозга с формой собственного черепа, они обретали способность совершать короткие путешествия в прошлое… Короткие? Ну да, в их собственном времени. Они просто впадали в транс или делали это во сне. А в прошлом минуты превращались в недели и месяцы, как и при путешествиях с помощью настоящего ретроскопа. Вернувшись, такие невольные путешественники зачастую помнили не только события, но и переживания, ощущения давно умерших людей. Воспоминания бывали настолько достоверными и чёткими, что люди начинали считать чужие мысли и чувства своими, хотя они являлись лишь воспоминаниями агентов, в чьё тело временно перемещалось их сознание.

Дендайм считал, что самые ранние опыты спонтанных путешествий легли в основу мировых религий, построенных на догмате о переселении душ. Конечно, человек не машина, и совпадение нужного импульса с формой естественного вогнутого зеркала могла быть только случайной — и крайне редкой. Но и редких случаев хватало для возникновения легенд. А кое-кто понимал или угадывал суть и пытался подчинить процесс, управлять им…

Стейбусу сразу же вспомнилось необъяснимое на первый взгляд желание представителей некоторых древних народов изменять форму черепа. Младенцам перебинтовывали головы таким образом, чтобы кости росли неестественно, формируя, однако, нечто потребное для обретения высшей мудрости, общения с загробным миром… Нетрудно догадаться, как редко венчались успехом подобные попытки. А вот современная алитейская медицина могла стать более действенным инструментом.

— Зачем Ленорну и остальным это понадобилось? — спросил Покс.— У них был настоящий ретроскоп — раз. Излучение мозга имеет широкую изменчивость, и параметры перемещения в прошлое невозможно предугадать, как и спрогнозировать,

состоится ли оно вообще. Что — каждый раз делать новую операцию? Бред какой-то. Это всё равно что подгонять бокал с напитком по форме кубиков льда.

— Частота и интенсивность излучения напрямую зависит от того, о чём думает человек, — ответила Лия. — Точнее — от качества доминанты, определяемой числом и соотношением возбуждённых участков коры головного мозга. Специалисты обычно выделяют среди них собственно доминанту, а также зоны-сателлиты. Для нас это неважно. Важно то, что доминанту на текущий момент создаём мы сами, а её стойкость будет зависеть от дисциплины мышления. Совсем недавно я не знала того, что вам рассказываю. Пришлось изучить.

— Ты неплохо справилась. Хорошо, допустим, ты права. Но что это даёт? Настоящий ретроскоп всё равно надёжнее. Нужны годы тренировок, чтобы просто приблизиться к идеалу.

Лия искоса взглянула на Покса.

— В распоряжении соратников Дендайма были не годы, а десятилетия, — заметила она. — И они получали множество преимуществ, которые не слишком очевидны. Во-первых, не нужен сам прибор. У человека, овладевшего методом, ретроскоп всегда при себе.

— Хорошо… Дальше?

— На основе вогнутых зеркал работают многие другие приборы. Например — трансцессоры. Шлем-трансцессор сам является зеркалом, а обруч создаёт виртуальное зеркало, но принцип одинаков. Мозговые имплантаты используют в качестве зеркала, опять же, внутреннюю поверхность черепа. Вам разве не приходило в голову, что цена имплантатов совершенно несоразмерна с их содержимым? Почему их производство не поставят на поток, а делают индивидуально? Почему так сложна операция? Любой специалист скажет вам, что дорого стоит не сам имплантат, а его адаптация и настройка.

— Настройка на уже имеющуюся черепную коробку? Только-то?

— Разве этого мало? Это главное. И адаптация к излучениям мозга. Форма головы так же неповторима, как отпечаток пальца. Поэтому некоторые индивидуальные параметры имплантата, призванные в будущем обеспечить его надёжную работу, проще учесть ещё на стадии изготовления. Имплантат становится посредником, ретранслятором и усилителем электромагнитных импульсов нужной частоты. Фильтром, отделяющим нужный мыслеобраз от пси-матрицы.

— Погоди… — растерялся Покс. — Ты хочешь сказать…

— Ну да, вы же не выдёргиваете страницу из книги ради того,

чтобы ваш знакомый мог прочитать один абзац? Просто даёте ему книгу с закладкой в нужном месте. Точно также и при мыслесвязи мы передаём не отдельный образ, а целиком своё собственное сознание. А уж оно оставляет в голове другого человека определённый след, соответствующий возбуждённому участку коры нашего мозга — доминанте. Это и позволяет чужому сознанию активировать нужную зону внимания, а затем выделить и прочесть конкретный мыслеобраз. Таким образом, пси-связь есть взаимодействие аналогичных доминант между собой при тщательной фильтрации всего остального. Следовательно, невозможность пси-общения друг с другом обычных людей объясняется не тем, что они на такое не способны, а как раз наоборот. Они инстинктивно пытаются транслировать всё своё сознание как целое, не умея выделить главного. И если вернуться к приведённому мной примеру… Для собеседника усвоить передачу окажется не проще, чем прочесть текст на странице, просто окинув её взглядом. Или, лучше сказать, мгновенно прочесть всю книгу, не переворачивая страниц. А если книга написана на чужом языке, буквы пропечатаны плохо, а у чтеца слабое зрение? Ведь мы используем лишь малый процент ресурсов нашего мозга, что и делает недоступным полноценное телепатическое общение, способность к которому нам дала природа. Психика принимающего сопротивляется колоссальному объёму информации, который пытается одномоментно транслировать передающий, и ограждает себя защитным барьером. Не остаётся ничего другого, как использовать трансцессоры. То же самое происходит при общении сенситивов, хотя для них имплантаты и трансцессоры не являются столь необходимыми. То же самое происходило некогда на Земле, где сенситивов называли экстрасенсами. Они (и только они!) могли более-менее точно настроиться на чужую волну и выловить из сознания другого человека нужную мыслецепочку. Теория до сих пор не общепринята, считается очень спорной, но именно на её основе Дендайм некогда создал ретроскоп. Тот же принцип, но с существенной поправкой: трансляция пси-сущности именно целиком, и, как следствие, возникновение барьера между взаимодействующими сознаниями. Личность путешественника, оторванная от собственного тела, инстинктивно ищет привычные каналы получения информации, вследствие чего ей обычно открывается ограниченный доступ к органам чувств агента. Остальное довершает наличие у путешественника имплантатов, использование оптимизаторов, владение различными ретрометодиками. Однако временная оторванность от внешнего мира при переходе — это всегда экстремальная, стрессовая

ситуация, что и ограничивает число вхождений. Агент, остающийся в привычной для него обстановке, ничего не замечает. И лишь в отдельных случаях, как теперь известно, может уловить момент вхождения или почувствовать клиента внутри своей пси-сферы.

Стейбус увидел скамейку и свернул с аллеи, увлекая Лию за собой. Из способной и талантливой ретроскопистки, какой он до сегодняшнего утра считал Лию, она для него за время разговора незаметно превратилась в оракула, способного ответить на любой вопрос. Большая часть сказанного была общеизвестна, но никогда Стейбусу не доводилось объединить отдельные фрагменты в единое целое или услышать, чтобы это делал кто-то другой.

— Теперь вы понимаете, — продолжала Лия, когда они сели на скамью, — что дело не только в том, чтобы иметь ретроскоп в голове. Правильно изменив форму черепа, можно получить многое. Тут и ретроскоп, и естественный трансцессор, и синхронизатор. Ленорн — поговорим о нём, раз вы столкнулись именно с ним… В настоящее время Ленорн — один из сильнейших сенситивов во всём Содружестве. И продолжает совершенствоваться.

— Ещё есть Блэкбэд, — заметил Стейбус.

— Да, он тоже, — согласилась Лия. — Но про него мне почти ничего не известно. Ясно одно — эти люди достигли высот и в основном благодаря тому, что очень много путешествовали. Тут мы ступаем на очень зыбкую почву, но есть мнение, что экстрасенсорные возможности сильно зависят от опыта путешественника и наоборот, причём неважно, перемещается ли его сознание во времени целенаправленно или спонтанно. Чем больше вхождений человек совершает, тем более сильным сенситивом он становится. Каждый переход между агентами для него — тренировка, требующая определённого напряжения; каждое вхождение — маленький экзамен, закаляющий психику. Естественно, это относится лишь к тем, кто уже обладает нужными врождёнными или приобретёнными способностями… И чем сильнее сенситив, тем свободнее он перемещается по эпохам — ну, последнее каждому известно.

Стейбус об этом слышал, и о том же свидетельствовал его собственный быстрый прогресс и приобретение качеств, ранее ему совершенно несвойственных. Лет тридцать назад, когда к каждому вхождению готовились так же, как первые космонавты — к выходу в открытый космос, рост пси-потенциала происходил незаметно. А теперь…

— Почему нельзя стать человеком-ретроскопом с помощью одной только духовной практики или чего-то подобного? —

спросил он. — Если всё дело, в конечном счёте, в мыследисциплине…

— А многие ею обладают, кроме врождённых сенситивов? — возразила Лия. — Кроме того, от необходимости использования вогнутых зеркал никуда не денешься. Если у человека череп от природы малопригодной формы, а ведь здесь важны мельчайшие нюансы, ему или придётся держать свои мысли в совершенно неподходящем для его личности и характера русле, или использовать внешние зеркала. Вы никогда не занимались эпохой Мишеля Нострадамуса и им лично?

— Нет.

— Он писал свои катрены, сидя в металлической оболочке, формой напоминающей яйцо. Именно этим объясняются его успехи в предсказаниях, а вовсе не его пророческим даром.

— Стоп. Нострадамус именно предсказывал. Предсказывал будущее, а вовсе не путешествовал в прошлое.

— Ну а какая разница? — удивилась Лия.

Стейбус вскочил со скамейки. Постоял и снова сел рядом с девушкой.

Действительно — какая разница? Время есть время, в какую сторону по нему ни путешествуй. Если нам, алитейцам, до сего дня не удалось заглянуть никуда, кроме прошлого, то это не значит, что в будущее не мог отправляться кто-то ещё.

Достаточно создать зеркало нужной формы и передать серию импульсов определённой частоты — как через антенну. С помощью генераторного блока или собственного мозга… Какая разница?

— И какую же цель ставит троица отцов ретроскопии? — поинтересовался Стейбус. — Ленорн вчера что-то со мной сделал. Похоже на пси-атаку, но я не уверен. По-моему, пси-нападение сопровождалось энергетическим ударом. Хотя я не специалист, наверняка сказать не берусь, а личного опыта пока не хватает. Потом со мной связался Блэкбэд и посоветовал в ближайшие дни не работать на ретроскопе.

— Я уже сказала вам, что про Блэкбэда я не знаю ничего, — ответила Лия. — А Ленорн, Вэлл и Жордан, давно осознав изменчивость прошлого, ставят своей целью его защиту. Удивительно, как много они успели сделать, просто вкладывая нужные идеи в умы современников. Именно им мы обязаны тем, что ещё никто из учёных всерьёз не пытался адаптировать ретроскоп для путешествий в будущее, а ведь это, наверное, совсем нетрудно. Они сказали — такое невозможно, привели обоснования, и им все поверили.

— А Оллентайн, как всегда, промолчал, — ввернул Стейбус.

— Да, Оллентайн просто промолчал, — согласилась Лия. — Но и этого оказалось достаточно. Вспомните, как долго считалось само собой разумеющимся, что мужчины не могут делать агентами женщин и наоборот. А на самом деле там почти никаких трудностей. Маленький секрет, и если его знать… Теперь его все знают. Скоро все поймут, что в ретроскопии вообще нет никаких барьеров, кроме Тёмного периода, и тогда плотину, возведённую знаменитой троицей, прорвёт с таким шумом…

Стейбус напрягся.

— Что такое Тёмный период?

Лия пожала плечами.

— Я не знаю.

Стейбус посмотрел на неё с недоверием и тут же рассмеялся.

— Что? — удивлённо спросила девушка.

— Наконец-то ты на заданный вопрос ответила: «Я не знаю».

— Но я действительно не знаю.

— Хорошо, спрошу ещё — откуда ты вообще столько всего знаешь? И зачем тебе это? За что тебя хочет убить Ленорн?

Лия замолчала, и Покс подумал было, что она откажется отвечать. Но она ответила:

— Я знаю обо всём от Мецената. А уж кому как не ему известны все подробности. Он больше не доверяет Ленорну и остальным. На меня он вышел случайно, после того, как я предприняла некоторые действия в вашу поддержку доктор Покс.

— В мою поддержку? — изумился Стейбус.

— То, что вы делали последние месяцы. Вы многих заставили изменить свои взгляды, взяться за дело. Вначале я вступила в общество, ставящее целью выслеживать и лишать доступа в прошлое особо неадекватных ретроскопистов, вроде самоубийц и им подобных. Потом меня завербовал к себе Меценат. Он предложил мне работать под его началом. Я ухожу из института, доктор Покс. Я собираюсь подать заявление Оллентайну сегодня же.

Глава 3

Вниманию всех путешественников! Обязательно прочтите это, прежде чем ещё раз обращаться к нелегалам. Мы объявляем им войну!

Мы заявляем, что предпримем все усилия по блокированию подпольных хроносайтов. Их владельцы подвергнутся преследованию, вплоть до физической ликвидации. Путешественники, пользующиеся их услугами, ставят сами себя вне закона, со всеми вытекающими.

«Немезида-2». Сообщение на форуме «Перекрёсток времён» в теме «Ретродром».

Придуркам из «Немезиды-2».

С каких пор недоноски, вроде вас, определяют, что есть закон, и решают, кто находится вне его?

Мы принимаем вызов! Хрен вы нас достанете. Мелко плавали — жопу видно. А вот за угрозы в адрес честных путешественников придётся ответить. И наш ответ не заставит себя ждать. С вами будет то же самое, что с первой «Немезидой»…

«Ретродром». Ответ на сообщение «Немезида-2» в теме «Ретродром».

Странное дело, думал Покс. Похоже, разворачивается новое противостояние — между борцами за чистоту прошлого. И каждый считает, что именно он прав.

Ещё недавно я полагал, что достаточно удалить с просторов доступных нам временных зон Рэйва и ему подобных, и вопрос будет решён; Агиляр доказал мне, что я, спасая отдельно взятого мальчика, точнее — отдельно взятый временной эпизод, ковырнул прошлое глубже, чем Рэйв.

Один вариант, если парень, умерший бездетным в двадцать три, умрёт в двенадцать. Другой — если он доживёт до ста с лишним лет, а его ближайшим потомством можно будет заселить пару деревень.

Теперь я, по сути, стал зачинщиком настоящего крестового похода: тысячи путешественников, и среди них — Лия, отправились в прошлое, чтобы изгнать оттуда других путешественников, а полем битвы стали сознания людей, не подозревающих ни о существовании враждующих сторон, ни о начале самой войны.

Да только новые крестоносцы достаточно быстро обнаружили, что война уже давно начата. Вэлл, Жордан, Ленорн

и их сподвижники заняты этим уже долгие годы. Они немногочисленны, но успели приобрести колоссальный опыт путешествий — ведь они начали раньше всех, а их знания — это знания создателей ретроскопа. Они даже нашли способ пси-кодирования неугодных им людей, при котором дальнейшие путешествия становятся невозможны. Меня они вывели из строя на неделю; но я подозреваю, что будь у меня сопротивляемость пониже, я вышел бы из игры надолго, если не навсегда…

Стейбус обхватил руками голову и задумался. Он был дома и только что проводил специалистов, установивших в его жилище усовершенствованную систему внешней защиты и внутреннего контроля, подчинённую отдельному ИРу, независимому от его домашнего. Незваных гостей у себя дома Покс больше не хотел видеть.

Лия многое рассказала ему, в том числе и о пси-кодировании по-Ленорновски.

— Вэлл изобрёл способ отслеживать входящие временные каналы, — говорила она. — И они могут определить местонахождение любого путешественника, которого засекли в прошлом.

Знаю, сам пользовался, подумал Стейбус. Но, выходит, что я изобрёл велосипед. Похожими приёмами пользуется полиция, отслеживая нелегалов-проводников, и теперь понятно, кто им передал технологию. Но полиция никогда не занималась самими путешественниками, да и нелегалов преследовала только за незаконное предпринимательство, мошенничество, нарушение закона о пси-рекламе и за создание неподконтрольных СБИС ресурсов в «Глобале».

— Потом к провинившемуся является посланец, — продолжала рассказывать Лия, — и ставит кодировку, причём обычно они используют спецтехнику. Делается это или непосредственно, или дистанционно, при помощи пси-связи, после установления контакта с путешественником в том же «Глобале». Человека предупреждают, что вход в прошлое ему запрещён на год, на два или навсегда. Нарушение запрета кончается печально, поскольку срабатывание кода означает блокирование или ненормальную работу информационных цепей, связывающих левое и правое полушарие, а также лобные доли головного мозга.

— Меня Ленорн ни о чём не предупреждал, — заметил Стейбус. — И никакую технику не использовал.

— Значит, он переоценил свои силы. Или, скорее, недооценил вас… Нет, неверно. Сенситивы, имплантёры, да и любые более-менее опытные путешественники могут снимать кодировку

полностью или частично, используя виртуальные копии собственного сознания, сохранённые в архивах. Конечно, это ненадёжно, однако некоторым удаётся восстановить первоначальную свободу доступа в прошлое. Кодировщиками заправляет Ленорн, и раз он явился к вам лично, это означает, что они не надеялись вывести вас из строя надолго. А его молчание объясняется просто. Возможно, он не имел ничего против несчастного случая, жертвой которого вы могли бы стать.

— А что конкретно мне угрожало?

— Ваше сознание могло прибыть в прошлое по кусочкам. Причём в разные эпохи, к разным агентам. Вы бы подверглись серьёзному риску никогда не собрать его воедино.

«И превратился в пациента психиатрической клиники, представляющего себя то Наполеоном, то Юлием Цезарем», — подумал Покс.

Он сам не заметил, как повторил эту мысль вслух.

— Это болезнь всех естественных путешественников, — подтвердила Лия. — Тех, кто может перемещать свою личность во времени без помощи ретроскопа, но ещё не овладел методом на сознательном уровне. Или просто ничего не знает о нём.

— Много их?

— Не так мало, как кажется. Примерно один на пятьдесят тысяч. Но людей, изредка способных к спонтанным кратковременным путешествиям, гораздо больше. Иногда достаточно напряжённо и в течение долгого времени думать об давно умершем человеке для того, чтобы вступить с ним в кратковременный контакт в прошлом. А ещё многим знакомо странное чувство: в жизни человека происходит некое событие, и он вспоминает, что когда-то видел произошедшее во сне.

— Ты опять говоришь о путешествиях в будущее.

— Да, — согласилась Лия. — Перемещение сознания по собственной жизненной линии вообще есть естественный процесс. Это намного проще, чем подселение к агенту. Но перемещений в прошлое человек почти не замечает, принимая за обычные воспоминания. Исключение составляют «воспоминания» некоторых людей о столь раннем детстве, что они просто не могут быть объяснены рационально. Перемещения в будущее, инициатором которых обычно является подсознание, наше сознание склонно игнорировать, поскольку не в состоянии отличить действительные события от фантазий или снов. Человек их просто забывает. Настоящие спонтанные путешествия — в другие сознания и другие эпохи — случаются реже. Иногда они чреваты нежелательными последствиями, вроде сдвигов психики или частичного блокирования памяти, отягощённой

необъяснимыми и противоречащими личному опыту человека воспоминаниями. Меценат, отойдя от дел, занялся изучением проблемы вплотную. Оказалось, что до него тему никто толком не разрабатывал. Он посвятил ей свой труд «Сознание в потоке времени», размещённый в «Глобале». К сожалению, никто не обратил на его работу серьёзного внимания. Меценат даже пытался лечить психических больных с помощью ретроскопа. Он утверждает, что минимум один из пяти пациентов, страдающих манией величия или раздвоением личности, является человеком-ретроскопом, потерявшимся в прошлом и принимающим личность агента за собственную. На этой почве и произошёл первый конфликт с Ленорном — почти все закодированные им не принимали запрет всерьёз, поскольку внешне кодировка себя никак не проявляет. Рано или поздно они включали ретроскоп… с самыми печальными последствиями.

— А на Земле были люди-ретроскопы?

— Считается, что были, и немало. По крайней мере, экстрасенсов на Земле было не меньше, чем сейчас сенситивов на Алитее или любой другой планете Империи.

Дальше Лия рассказала следующее. Не имея достаточного числа надёжных последователей, Вэлл, Жордан и Ленорн приступили к вербовке союзников в прошлом. Стейбуса пробирала дрожь при мысли, на что замахнулись бывшие коллеги Дендайма, но он не мог не восхищаться ими. Во-первых, предстояло вступить в контакт с людьми совершенно чуждых культур. Тот факт, что алитейцы являлись далёкими потомками землян, помогало мало, если вообще помогало.

Во-вторых, требовалось заставить избранных землян поверить, что их ещё неродившиеся праправнуки живут и действуют с ними рядом. Более того — внутри них.

Придти к ним и сказать: «Здравствуйте! Мы те, кто родится через тысячи лет».

Мы — смутные чуждые вам мысли, иногда рождающиеся в вашей голове. Мы — нелепые желания, обычно вам не свойственные.

Мы — навязчивые мелодии, крутящиеся час за часом в вашем мозгу; мы — сладострастные фантазии; мы — невнятные голоса, которые вдруг начинают звучать совершенно отчётливо в некоторые моменты вашей жизни.

Вы всегда можете узнать нас по этим признакам. Мы не желаем вам зла, мы всего лишь пользуемся вашими телами и органами чувств, чтобы наслаждаться чужой жизнью, чужой радостью, чужой любовью.

Мы не желаем вам зла — но несём с собой неистребимое зло,

а иногда и убиваем. Вам от нас не избавиться.

Правда, иногда мы помогаем вам. В отдельных случаях можем даже спасти от верной смерти, предупредив об опасности за секунду до вашей гибели, а некоторые из нас способны сотворить настоящее чудо, исцелив от неизлечимой болезни. Но неизвестно, что хуже, наше злое вмешательство или же доброе, поскольку то и другое разрушает храм времени и основу основ мироздания — тонкие невидимые цепочки причинно-следственных связей.

Мы можем внушать вам пошлые мысли или помогать раз за разом выигрывать в казино; можем указать место с зарытым кладом или помочь сделать научное открытие — ведь в наше время каждый ребёнок знает больше, чем ваши мудрецы. В прошлом мы всемогущи, всезнающи и вездесущи, как сам Господь Бог.

Но мы вынуждены обратится к вам за помощью, дабы избежать глобальной хронокатастрофы, которую сами же и готовим…

Попробуйте объяснить всё это жителям Месопотамии времён Авраама или древним римлянам.

Жордан предложил простейший способ — использовать религию. Вера в сверхъестественное существовала всегда, у всех народов, религии тоже существовали всегда. С их помощью можно объяснить что угодно, не вдаваясь в суть проблемы, да ещё подкрепить свои утверждения авторитетом Всевышнего. Какая, в сущности, разница, с кем будет контактировать избранник — с путешественником во времени, ангелом, инопланетянами, безликим эгрегором или своим высшим внутренним «Я»? Главное, он почти наверняка клюнет и начнёт делать то, что от него требуется.

Метод Жордана был признан остальными членами триумвирата крайне аморальным, но в то же время очень эффективным и подходящим для любой эпохи и для любых агентов; следовательно — приемлемым. Учёные считали, что если не прекратить массовое вторжение в прошлое, то хронокатастрофы в настоящем не миновать, а значит, цель оправдывает средства.

Во все времена на Земле жило достаточное число экстрасенсов и обычных людей, чьё сознание не вступало в контакт с сознаниями путешественников — так называемых инертов. Эти люди отличались либо безукоризненной мысленной и эмоциональной дисциплиной, либо крайней степенью тупости, однако обе крайности превращали их психику в бастион, недоступный для любых посягательств. Примитивы Вэлла,

Ленорна и Жордана не интересовали. Оставались экстрасенсы, уязвимым местом которых обычно было тщеславие, возросшее на ниве собственных сверхспособностей.

Будучи непревзойдёнными специалистами в области ретроскопии, Вэлл, Ленорн и Жордан в кратчайшие сроки решили задачу по контакту с инертами и приступили к осуществлению плана по выдворению своих соотечественников из прошлого. Базовой хроноплатформой они избрали эпоху Христа, основным плюсом которой являлся высочайший градус религиозного накала.

Главным способом противостояния путешественникам оставалась мыследисциплина. А так как люди обычно к ней не склонны, как и к повседневной борьбе с пороками ради укрепления психики естественным путём, Жордан изобрёл механизм инициации, при котором в сознание ученика внедрялась копия идеальной личности учителя, своего рода мысленный сторож. В дальнейшем он, с помощью «откровений свыше», обучил способу нескольких наиболее талантливых (или наиболее впечатлительных) агентов, дабы они могли самостоятельно проводить инициацию в своём мире.

Свободно странствуя по дальней временной зоне в обе стороны, Жордан внедрил в разные религиозные традиции наиболее соответствующие изобрётенному методу обряды — или использовал уже существовавшие. Самыми известными из них стали нарекание имени по достижении совершеннолетия, передача духа (когда ученик, припадая ко рту умирающего учителя, принимал в себя его последний вздох), и обряд рукоположения, когда инициация происходила посредством возложения рук учителя на голову ученика. Наиболее удобным в применении оказался обряд рукоположения. Число инертов начало быстро увеличиваться во всех эпохах, но главным образом — в эпоху раннего христианства, что не могло остаться незамеченным опытными путешественниками.

Любое действие порождает противодействие. Некоторые ретроскописты-любители решили, что войны в прошлом с взаимным изгнанием оттуда друг друга — это очень весело. А так как многие из них были не менее талантливы, чем Жордан, то они за пару последних лет породили больше религиозных учителей, магов, шаманов и всевозможных колдунов, чем их могло бы появиться за всю историю человечества естественным путём. Иногда они вступали в противоборство с последователями Жордана, но чаще всего — друг с другом, а также с нормальными «независимыми» инертами, что создавало ужасающую неразбериху.

Стейбус тяжело вздохнул, опять вспоминая свой разговор с Лией.

— Выходит, — сказал он тогда, — Жордан и иже с ним, желая нам всем добра, спровоцировали не только самое грандиозное противостояние в прошлом, какое только можно себе представить, но и дали толчок к развитию мощнейшего религиозного течения в истории человечества. Христианство изменило историю Земли более, чем любое другое вероучение. А Христос кто? Вэлл или, может быть, лично Жордан? Чей он агент?

— Неизвестно. Эпохой Христа и непосредственно им самим мало кто интересовался — до того, как всё началось. Кому раньше на Алитее была особенно интересна жизнь одного из иудейских проповедников, пусть он и считается основателем мировой религии? Вы же знаете позицию наших ведущих религиоведов: главным популяризатором христианства является не Иисус, а апостол Павел… Кстати, он-то стопроцентно подходит на роль главного резидента триумвирата. Достаточно проанализировать историю его обращения, с ослеплением на пути в Дамаск, «гласом с неба» и последующим исцелением. Провернуть такое под силу не только Жордану, но и любому хрон-магистру. И нельзя поручиться, что Павлом занимался Жордан, а не какой-нибудь заскучавший путешественник. Сейчас всё так перепуталось, столько временных нитей уже нарушено, что определить первоначальную последовательность событий не представляется возможным. Раннехристианская эпоха теперь набита агрессивными инертами разных инициаций настолько плотно, что путешествовать туда стало небезопасно. То, что вы видели в Иерусалиме, оказавшись там впервые, просто пустяки по сравнению с тем, что творится там сейчас. Боюсь, мы никогда не выясним наверняка, было ли христианство создано искусственно или возникло естественным порядком. Логично предположить, что религия естественного происхождения, а знаменитая троица лишь воспользовалась уже созданной оболочкой. Вспомните самые первые путешествия — в семнадцатый век, в начало восемнадцатого… Тогда были получены неоспоримые свидетельства существования и деятельности на протяжении всей новой эры христианских церквей и сект. А Жордан начал свою деятельность значительно позднее.

— Я понимаю, — сказал Стейбус. — Но насколько точны те сведенья? Мы имеем дело с хронологической матрицей, перестраивающейся независимо от того, с какого года внесены изменения из нашего времени. Какая теперь разница, что видели первые путешественники в Средневековье? С равным успехом могло быть и наоборот. Без вмешательства извне Христос мог

остаться одним из бесчисленных малоизвестных иудейских учителей, или даже простым плотником.

— Истины мы уже не узнаем, — ответила Лия. — Вы же в курсе, какие огромные куски прошлого ещё абсолютно не тронуты — сотрудники нашего института туда и не заглядывали. Как определить, произошли там изменения или нет? С чем сравнивать? С данными нелегалов? У них там полно противоречий — конечно потому, что они сами незаметно, однако непрерывно изменяли события на протяжении последних лет. Мы в институте никогда не проводили ревизию уже исследованных эпох. Торопились осваивать новое… А зря. Думаю, если сравнить старые институтские хроники с настоящим положением вещей, то выявится масса разночтений. Но и за правильность предшествующих результатов нельзя поручиться. Мы уже давно имеем дело не с подлинным прошлым, а с тем, которое в определённой мере создаём сами.

Теперь, сидя у себя дома, Стейбус пытался ещё раз проанализировать ситуацию. Конечно, существовал ещё большой архив Академии Времени, куда передавал данные и их институт, и другие филиалы; но хроники там постоянно обновлялись. Когда поступала свежая информация — как считалось, более точная и полная — результаты прежних исследований просто стирали. Ведь ещё совсем недавно прошлое считалось чем-то незыблемым и неизменным. Проклятый Ленорн!

Ленорн и его коллеги с самого начала знали, что оно изменяемо; возможно, ими создан личный архив, но не могли же они охватить все эпохи! Это немыслимо.

А изменения от любого воздействия на прошлое могли быть просто сногсшибательными. Чему теперь верить?

— Вот так, Стейбус, — сказал он сам себе. И вдруг вспомнил старую институтскую шутку: — К сожалению, мы так и не узнаем наверняка, чем кончилась Вторая Мировая война. Как и то, была ли она в самом деле.

Услужливая память тут же подсунула очень подходящий и до холодного пота пугающий в свете последних новостей эпизод. Одна из ячеек соседнего отдела, работавшая по России конца двадцатого века, недавно заинтересовалась результатами совместной археологической экспедиции Государственного Исторического музея и Тульского музея археологии, которая в тысяча девятьсот девяносто втором году работала на Куликовом поле. Её техническое оснащение было превосходным. Письменные источники, имевшиеся в распоряжении земных учёных, позволяли им с высокой точностью установить не только само место сражения, но и расположение каждого полка, едва ли не место

каждого воина в строю. Тем не менее, никаких стоящих находок, подтверждающих, что Куликовская битва действительно произошла, найдено не было.

По данным самого Института сравнительной истории, со стороны русских в битве участвовали сто пятьдесят тысяч человек; со стороны татаро-монголов — вдвое больше, причём армия Мамая в основном была конной, а русская — конной более чем наполовину. Князь Дмитрий сжёг мосты через Дон, намереваясь стоять насмерть; татары были уверенны в победе и отступать не собирались. На сравнительно узком пространстве между Непрядвой и Доном в смертельной схватке сошлось почти полмиллиона человек; подвергся поголовному истреблению передовой полк русской армии; наполовину полёг большой полк, затем последовала сокрушительная атака засадного полка под предводительством воеводы Боброка и полный разгром армии Мамая. Короче говоря, на Куликовом поле имело место одно из крупнейших военных столкновений прошлого. Оставшиеся в живых русские воины простояли там ещё две недели, погребая мёртвых. С собой они увезли только тела бояр и знатных людей, да то не всех, поскольку русский обоз был перегружен раненными. Тела простолюдинов все остались на месте, а тела татар — точно; десятки тысяч конских трупов, сотни тысяч наконечников для стрел, сломанные мечи, остатки сбруи, металлические накладки щитов и куски изрубленных доспехов и кольчуг — всё это должно было остаться на поле. Но там ничего не оказалось.

То есть ничего такого, что могло подтвердить хотя бы стычку двух небольших конно-пеших отрядов.

Заинтригованные столь необычными результатами экспедиции Исторического музея, ретроскописты, получившие первые сведенья совершенно случайно, занялись разработкой вопроса всерьёз. Вскоре тема стала настолько интересной, что поневоле обратила на себя внимание не только ведущего исследователя отдела, но и самого Оллентайна, который дал указание срочно проверить доступные смежные источники в прошлом — пока только в двадцатом веке.

Некоторые историки Земли и отдельные представители околоисторических кругов двадцатого века решали парадокс отсутствия находок просто — Куликовской битвы вообще не было или она произошла в другом месте. Они переносили место сражения в Москву на Кулишки, уменьшали число сражавшихся до пяти или десяти тысяч с каждой стороны, а то и объявляли битву чистым вымыслом, построенном на другом событии: междоусобном столкновении двух русских князей, Димитрия и

Маммия, или двух татарских ханов — Мамая и Тохтамыша.

Алитейские историки, которые точно знали, что Мамаево побоище произошло именно на том месте, где и полагалось, не выражали оптимизма по поводу возможности его перенесения на триста километров в сторону или возведения князя Дмитрия в ханы Золотой Орды с присвоением ему имени Тохтамыш. Оллентайн связался с Коллегией Мастеров, которая теперь и пыталась выяснить, что же случилось в прошлом такого, что начисто уничтожило следы весьма заметного исторического события.

Стейбус не знал, каковы на текущий момент успехи Коллегии, но в нём крепло убеждение, что поиски могут остаться безуспешными. Мало ли что могло быть. Для того, чтобы Куликовская битва не состоялась, вовсе не обязательно истреблять оба войска. Любая мелочь… Чем дальше во времени будет отстоять событие, изменившее ход истории, тем большее влияние оно окажет на последующие века.

И только ли Мамаево побоище? Коллеги Стейбуса наткнулись на факт отсутствия археологического подтверждения битвы случайно, в двадцатом столетии. А ещё что пропало? И что появилось нового?

Да нет, успокаивал Стейбус сам себя. Не может быть всё так плохо. Ну сколько всего у нас путешественников, реально способных воздействовать на своих агентов?

Смотря как воздействовать, возражал он сам себе. Если внушить кому-нибудь мысль открыть Америку до Колумба…

Или изобрести огнестрельное оружие во времена фараонов Четвёртой династии…

Или организовать новое откровение свыше одному из странствующих пророков…

В конце концов, кто сказал, что Колумб открыл Америку сам по себе?

Кто сказал, что Магомету не подкинул пару подходящих идей какой-нибудь случайный путешественник?

А Сталин, вообще-то, мог стать священником по окончании Тифлисской семинарии.

Стейбус прошёл на кухню и сварил себе кофе. Когда он спрашивал Лию, что она намерена делать в союзе с Меценатом, она ответила коротко: «Я собираюсь вышвырнуть из прошлого Жордана. Потом — Вэлла. Последнего — Ленорна, но можно и наоборот. Мне безразлично. Потом займусь остальными».

— А ты не переоцениваешь свои силы? — осторожно поинтересовался Стейбус.

— Как знать, — грустно ответила она. — Сейчас я

соответствую уровню магистра. Не бог весть что против патриархов ретроскопии, но всё же… Меценат знает все их слабые места. Патриархи — не единственная цель, и даже не главная. Просто она первая на повестке. Сподвижники Дендайма вообразили, что являются верховными судьями, обладающими монополией на истину, а на свете нет ничего опаснее людей, свято уверенных в своей правоте. Они забыли, что человеку свойственно ошибаться. Меценат также высказал подозрение, что их мотивы сегодня уже не столь бескорыстны, как были вначале… А кроме них нашими врагами будут все, кто намеренно изменяет события любых эпох. Я буду не одна. Нас много, и сейчас мы готовы объединить усилия — во многом благодаря вам.

— Я имел в виду совсем не междоусобицы во времени, — сказал Стейбус. — Тебе не кажется, что ты займёшься именно тем, против чего выступаешь? Ведь ты предпримешь всего-навсего новое вторжение в прошлое.

— В уже изменённое прошлое, — возразила Лия. — У Мецената есть план, как нанести удар в тот момент, когда Вэлл и компания впервые попали в дальнюю временную зону. И сделать так, что они туда не попадут. Все выстроенные ими хроноцепочки рухнут как карточный домик. Прошлое восстановится.

— Всего лишь теория, — отмахнулся Стейбус. — Эксперимент такого масштаба никто не проводил, никто не задумывался над самой возможностью его проведения. И даже если получится, это окажется бесполезным без физического устранения Вэлла, Ленорна и Жордана в настоящем. Иначе они вернутся.

Лия взглянула на него и ничего не ответила. Она просто встала со скамейки и пошла в сторону института. Стейбус вздрогнул, по спине пробежал холодок. Не сказав ничего, девушка сказала всё. Он тоже встал, хотел двинуться вслед за ней, но чуть замешкался, ощутив внезапное неудобство. Дёрнул плечом, и только тогда понял в чём дело — карман его лёгкой куртки оттягивал непривычной тяжестью пистолет.

Глава 4

Жизнь без забот — что может быть лучше? Не думай, будто она доступна лишь богачам. Прошлое — это безбрежный океан наслаждений! Смело пускайся в плаванье!

Методика Фикко позволяет проводить в прошлом пять суток в течение каждой недели. Конечно, придётся питаться почти исключительно концентратом из домашней автономки, но ты этого даже не заметишь, поскольку будешь в то же самое время восседать во главе царского стола! А если ты служащий без категории, то и вовсе ничего не потеряешь. Ведь твой ужин в большинстве случаев из концентрата и состоит, верно?

Долой унылые развлечения реала! Долой ежедневный каторжный труд в ожидании жалкой пенсии! С методикой Фикко ты проживёшь и на пособие по безработице. Тебе не понадобится новая одежда. Не нужно будет никуда ездить. И не всё ли равно, где отсыпаться между длинными вхождениями? Любая комнатушка в объединённых кварталах сойдёт, если всё остальное время ты проводишь во дворце! При помощи ретроскопа ты проживёшь десять тысяч жизней, и каждая из них будет интереснее, чем твоя собственная! Начни сегодня!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

Нормально работать после разговора с Лией Стейбус не мог. Впрочем, проверив на следующий день подконтрольные ему ячейки, он понял, что в его вмешательстве или руководстве никто особо и не нуждается. Ещё только начиная работу в качестве ведущего исследователя, Покс ухитрился собрать вокруг себя едва ли не самых инициативных, способных и самостоятельных сотрудников института. И теперь его отдел функционировал с неиссякаемой энергией вечного двигателя. Руководителей ячеек требовалось скорее сдерживать, чем подгонять, но с последней задачей отлично справлялся его заместитель Рид Кастл. Прагматик и аккуратист, Рид держал отчётность в образцовом порядке. Просмотрев его доклады за последний месяц, Стейбус убедился, что если бы не положения трудовой дисциплины, предписывающие управляющему второго разряда находиться на рабочем месте определённое количество часов, он мог бы вообще не появляться в Дилойме.

В связи с внезапным уходом Лии, Покс ждал вызова Оллентайна, но его так и не последовало. Сделав запрос Пантеону, он узнал, что прошение об увольнении удовлетворено

спустя сутки, то есть в предельно короткий срок. Чёрт знает, чем руководствовался Оллентайн. С одной стороны, Лия была протеже Покса, но с другой — начальником собственного отдела и прекрасным руководителем.

Отсидев в своём кабинете обязательный трудовой минимум, Стейбус, против обыкновения, не задержался ни на минуту. Вернулся домой, но легче не стало, и, переодевшись, он отправился в Лессику.

Когда икар взмыл над столицей и прошёл по дуге вверх, готовясь перевалить за верхнюю точку заданной автопилоту низкой траектории, небо вдруг начало стремительно темнеть. Стейбус бросил взгляд влево и вздрогнул — от ясного ласкового светила Алитеи словно отгрызли здоровый кусок. На миг его охватило чувство, близкое к панике, а потом он вспомнил и расслабился, глубоко вздохнув.

Затмение. О нём болтали в новостях всю последнюю неделю, и будь Покс меньше озабочен своими мыслями, он бы про него не забыл. Гигантский сосед Алитеи в системе — Циклоп — готовился встать между ней и звездой; его мёртвая тень ляжет на планету и накроет её вплоть до наступления настоящей ночи. Редкое явление, случающееся однажды в сто девятнадцать лет; будь алитейцы сейчас на уровне каменного века, оно внушило бы им священный трепет…

Но и в современном Стейбусу мире не ощущалось недостатка в мрачных, угрожающих пророчествах со стороны некоторых сект и отдельных религиозных лидеров. Даже официальная имперская Церковь Благоденствия, обычно очень спокойная и осторожная, не удержалась, и широко использовала Циклопа вкупе с затмением в целях пропаганды.

Во времена упадка, последовавшего после межколониальных войн, когда алитейское общество опустилось едва ли не до феодального уровня, доморощенные местные пророки обычно размещали на Циклопе ад или, как минимум, одну из запасных резиденций дьявола. Больше всего удивляло Стейбуса то, что им искренне верило большинство его предков. Но чего было ожидать от людей, кромсавших друг друга мечами на священных поединках и лишь с грехом пополам сохранявших умение управлять своими почти вечными космическими кораблями, доставшимися в наследство от Гегемонии? Однако не от них, а ещё от землян к людям века сего перешло убеждение, что хвостатые звёзды, затмения и все прочие зрелищные атрибуты небесной механики всегда не к добру.

Покс остановил икар в верхней точке трассы, наблюдая, как Сестрорию поглощает темнота. Так тебе, град греховный, столица

разврата, с усмешкой подумал он. Может быть и жаль, что мы не суеверны. Древние после подобных демонстраций нередко каялись и возвращались на путь истинный, что алитейцам вряд ли угрожает.

У нас всё будет проще. Церковь Благоденствия предаст анафеме сектантов, а сектанты устроят публичное сожжение поддельных церковных хоругвей. Тем и дело кончится, если не считать нескольких исков в адрес Церкви за оскорбление чувств инаковерующих и продолжительных злобных стенаний сектантов, оштрафованных полицией за пожароопасные эксперименты в общественных местах.

По мере того, как Циклоп пожирал дневной свет, внизу зажигались всё новые и новые огни. Вскоре лишь эти искры свидетельствовали о том, что город ещё жив.

— И пала тьма на землю Египетскую, — сказал Стейбус.

Сверху объединённые кварталы и мегабилдинги казались беспорядочным скоплением изрезанных ветром уступчатых скал и гигантских каменных столбов, на которых племена пигмеев разожгли свои крохотные костры. На скалы и от них стремительно мчались светляки икаров — они ныряли в пещеры внутренних транспортных каналов и выныривали оттуда; сверкающие бескрылые драконы поездов Транслайна чертили светящиеся дуги по еле заметным из-за слабой подсветки висячим тропинкам монорельсов; а откуда-то сверху, невообразимо далёкий, но внезапно ставший в этой тьме близким, ощутимо давил своим присутствием Циклоп. И миллионы пигмеев оторвались от своих уютных костров, вышли из безопасных пещер в скалах, чтобы поклониться богу мрака, справить тризну по съеденному им светилу… заснять происходящее на видеокамеры.

Из диспетчерской СБД передали, что лимит пребывания на запрошенной трассе превышен, и Стейбус повёл икар к выбранному наугад кварталу Лессики. Непонятно, почему его всегда притягивал именно этот жилой массив. Он часто бывал здесь по собственному желанию, а стечения обстоятельств, вынуждающие посещать Лессику по необходимости, ещё более усиливали ощущение, что с самым большим, самым грязным и самым нищим жилым массивом Сестрории каким-то образом связана его судьба.

Родители Стейбуса жили в Лессике, правда — на верхнем уровне. И только перед рождением ребёнка они перебрались в мегабилдинг «Атлас», расположенный всё в том же массиве. Его дед обитал на средних уровнях одного из объединённых кварталов, постепенно забираясь всё выше, а прадед жил на подземном.

Стейбусу первому, с момента переселения их семьи на Алитею, удалось преодолеть притяжение Лессики, да и то не до конца. А родители так никуда и не переехали дальше «Атласа». После благополучного окончания их сыном университета, они вдвоём отправились в короткий космический круиз — первый настоящий отпуск за всю жизнь. Чета Покс не планировала входить в большие расходы. Как и предшествующие пять поколений алитейских Поксов, они всю жизнь откладывали деньги, экономя каждый империал; но круиз оказался ещё короче, чем предполагалось. Разгерметизация корпуса лайнера произошла внезапно, едва корабль вышел за пределы атмосферы. Аварию быстро устранили, но к этому моменту девяносто семь человек, в том числе и супруги Покс, оказались мертвы.

Похоронив родителей, Стейбус прервал семейную традицию, плюнул на экономию и переехал в Старый Квартал, купив отдельный жилой модуль. А вскоре он получил место в Институте сравнительной истории, начал неплохо зарабатывать на хрониках, собранных в прошлом, и смог начать жить ни в чём себе не отказывая. Но Алитею покидал только дважды — один раз для того, чтобы получить доступ в архив малолюдного межпланетного альянса Карр, а второй раз для работы в сводном архиве Содружества Человеческих Миров. Все альянсы и планеты-государства блокировали свободный доступ в «Глобале» к своим архивам, опасаясь негуманов и друг друга, а сводный архив Содружества выхода на Галактическую информационную сеть вообще не имел. Узнав всё, что нужно, Стейбус вернулся на Алитею и больше никуда не летал; отправиться же в круиз у него и вовсе желания не возникало. Путешествия во времени вполне заменяли ему путешествия в пространстве.

Оставив икар на стоянке, Покс спустился на третий уровень. Бесцельно переходя по пешеходным дорожкам и вставая на эскалаторы, он постепенно поднялся на шестой уровень, потом спустился на минус четвёртый. Такие его походы в Лессику объяснялись не ностальгией — какая может быть ностальгия по вечной сутолоке и шуму объединённых кварталов? — но жилой массив, бывший местом жительства для шести поколений его предков, странным образом успокаивал Покса.

«Да, Лессика, — думал он. — Въелась ты мне в кожу, заразила кровь и пропитала всё тело. И не избавиться от тебя никак — хоть куда переезжай. Для этого нужно ещё шесть поколений. Или сто тысяч лет в прошлом».

Пару раз на него оглянулись, должно быть, узнавая. Всё же его лицо изрядно примелькалось столичным жителям на митингах и в выпусках новостей.

Свернув наугад ещё несколько раз, он вдруг обнаружил, что стоит на пороге частного ретросалона. Уже повернувшись, чтобы уйти, Покс вдруг подумал — а почему бы и нет?

Действительно, а почему бы?

Шагнув внутрь, он тут же наткнулся на паренька, собирающего плату за вход.

— Желаете развлечься? — равнодушно улыбнулся тот. — Добро пожаловать, господин.

Покса он не узнал. Очевидно, на просмотр новостей просто не оставалось времени. В голосе не ощущалось и тени приветливости, только усталость. Наверняка он сидел тут почти круглосуточно, прерываясь лишь для еды и сна. Общеимперские трудовые нормы, конечно, распространялись и на людей, нанимающихся к мелким частным предпринимателям, однако на практике их соблюдение носило произвольный характер.

— У нас всё легально, — сказал паренёк, по-своему истолковав молчание Стейбуса. — И без обмана. Плата вперёд за час или больше, поминутная. Если кончатся деньги, вас просто выведут из прошлого автоматически. Доплатите — и можете начинать второе вхождение. А если самостоятельно вернётесь раньше, я сделаю возврат.

Покс протянул мальчишке монету в двадцать империалов, так как знал, что на подземных уровнях больше уважают наличные, чем карточки.

— Десятку оставь себе, — сказал он. — И не беспокой меня, пока я не закончу.

Взор парня моментально прояснился, и он снова улыбнулся — на сей раз от души, но тут же помрачнел.

— Все кабинеты заняты, господин. Только места в общем зале. Но, если хотите, я позову хозяина. Он живо выставит кого-нибудь из тех, кто взял кабинет в кредит.

— Я думал, у вас нет кредита.

— Есть. Для завсегдатаев, чья личность подтверждена, — пояснил паренёк.

— Не нужно никого выставлять, — сказал Покс. — Общий зал мне подойдёт как нельзя лучше.

— Тогда прошу…

В помещении, куда его провели, не имелось даже символических перегородок между столами. Сорок рабочих кресел, развёрнутые к стенам, стояли двумя рядами, оставляя между собой узкий проход, и большинство из них были заняты. Стейбус опустился в свободное и включил ретроскоп.

— Шумодавилка «Ультра». Помех почти нет, — сказал паренёк. — Шлем? Автономка? Синхронизатор?

— Ничего не нужно, — ответил Покс. — У меня оружие при себе, — спохватился он. — Наверное, надо было сдать при входе? Разрешение имеется.

— Нет, нормально. Оставьте, где лежит. Я ещё ни разу не слышал, чтобы посетитель начал стрельбу в реале, сам находясь в прошлом. Зал под контролем, в карман к вам никто не залезет. Можете быть спокойны и за вещи, и за деньги. Я же говорю — у нас всё нормально здесь. И камеры с выходом на ближайший полицейский участок.

— Хорошо.

— Ну, я пошёл? Если что понадобится, просто свяжитесь со мной.

— А номер?

— Да нет номера. Встроенный внутренний канал. Позовите: «дежурный!» — я отвечу.

Очевидно, салон был действительно полностью легальный, да ещё из лучших. Система шумоподавления «Ультра», одна из немногих, позволяла сносно работать на нескольких ретроскопах в одном помещении без использования внешней изоляции. Стейбус посмотрел на своего соседа справа. Им оказался грузный черноволосый мужчина лет сорока пяти. Сквозь полуоткрытые веки виднелись белки глаз. Справа сидел курчавый светловолосый парень. Дышал он часто, тело едва заметно подёргивалось.

Ну и местечко… Покс никогда не работал в открытом зале, он вообще в салоны до этого дня не заходил. Всё так на виду… Кто-то тяжело постанывал за спиной. Кто-то еле слышно хрипел, без конца произнося одно и то же непонятное слово. Кто-то разговаривал вслух на чужом языке, и Стейбус не сразу сообразил, что это древнеегипетский. Сколько времени нужно провести в одной эпохе, чтобы язык так въелся в подсознание? Настроив ретроскоп, Стейбус принялся рассматривать дополнительную клавиатуру, установленную в дополнение к обычной. Клавиши на ней шли под номерами, а сверху располагался длинный узкий экран с надписью: «Быстрый доступ. Одно нажатие — справка. Два нажатия — запуск».

Обычные цифровые клавиши Стейбуса не заинтересовали. Он знал, что с их помощью можно выбрать один из множества давно известных, заезженных эпизодов, сто раз обыгранных в художественных пси-постановках. Они представляли интерес разве что для новичка, впервые подключившегося к ретроскопу. Нормальные хронокоординаты нужно набирать на стандартной клавиатуре или на экране, а для чего клавиши с римскими цифрами?

Первая — «случайный агент», подсказала справка. Ну, понятно. Некоторые могут часами перебирать агентов, разработанных кем-то другим. Информация о них вываливается в «Глобал» пачками.

Вторая клавиша — «свой агент», для завсегдатаев низкого уровня, неспособных перемещаться по цепочкам. Один раз вводишь координаты, после чего ИР салона тебя запомнит навсегда.

Третья клавиша — «выбор своего агента», для пользователя рангом повыше, у кого их несколько. Она существует для тех же целей, что и её соседка. Некоторые годами посещают один и тот же ретросалон.

Четвёртая — «случайный агент посетителя». А это что ещё за?..

— Дежурный? — позвал Покс.

— Слушаю, господин. При нажатии четвёртой клавиши происходит случайный выбор агента, уже выбранного кем-нибудь из присутствующих в зале. Можете пообщаться, и ваш сосед подскажет вам, какие эпизоды из жизни его агента наиболее интересны. Конечно, опция действует только с теми посетителями, кто её в отношении себя разрешает. Как в хроносообществах в «Глобале».

— А, понял.

— Если вы не новичок, а просто впервые в салоне, не загружайтесь этой мутью со спецклавиатурой. Сразу выходите на «Перекрёсток» или к нам, на сайт «Ретросёрфинг». Там найдёте всех наших посетителей и ещё двести восемьдесят салонов Лессики. У нас просто ИР дохлый, вот поменяем, и всё станет как у людей.

Но Покса как раз и занимал неведомый ему доселе быт ретросалонов, куда попадают те, кто не в состоянии приобрести собственный ретроскоп.

«Интересно, кто мои соседи?» — подумал он, щёлкая четвёртой клавишей.

Восемь раз он попадал не на того, кто ему был нужен, потом вышел на толстяка справа, и легко нащупал его агента, хотя канал был закрытым.

«Если они разрешили эту опцию, — передразнил он про себя дежурного. — Ещё чего придумал! Впрочем, хрон-магистры навряд ли посещают салоны. Я здесь первый».

К удивлению Стейбуса, черноволосый — по виду типичный наслажденец — занимался в прошлом почти что чистой наукой. Заинтересовавшись, Покс через несколько секунд знал про толстячка в десять раз больше, чем значилось в его (тоже

закрытой) анкете. Он оказался бывшим детским психотерапевтом, лишённым практики за «действия сексуального характера по отношению к пациентам». До ужаса банально.

Не имея больше возможности работать с реальными людьми, черноволосый переквалифицировался в ретропсихолога-любителя, изучающего поведение несовершеннолетних преступников в условиях мегаполисов Земли конца двадцатого века. Зарабатывал на жизнь, приторговывая хрониками криминального и сексуального характера, и давно мог перестать ходить в салоны, если бы не спускал все деньги на проституток. В прошлом тоже развлекался, но умеренно, по большому счёту — попутно. А интересных и по-настоящему ценных материалов собрал целый воз. Несмотря на это, толстяк был Стейбусу неприятен, и он с удовольствием убрался из сознания его нынешнего агента — злобного четырнадцатилетнего монстра, жившего в трущобах Мехико и успевшего в течение года совершить три убийства с целью ограбления и двенадцать изнасилований, сопровождавшихся обязательными издевательствами над жертвами.

Молодой сосед слева оказался «открыт». Он работал здесь же, на подземных технических уровнях Лессики, будучи одним из тысяч служащих без категории, которые обеспечивали жизнедеятельность всего жилого массива. Двадцать два года, в разводе, есть ребёнок, жена ушла к другому. Парень было запил, едва не лишился работы, безуспешно пытался отсудить у бывшей супруги дочку, а потом открыл для себя ретроскоп.

У него имелся единственный агент. Парень из-за своего низкого уровня самостоятельно поменять его не мог, да и не собирался, и Стейбус его решение внутренне одобрил. Рыцарь, участвовавший в войне Алой и Белой роз на стороне Ланкастеров, был поистине замечательным человеком. Он там везде успел. Похоже, это именно он предложил эмблему в виде красной розы для Ланкастеров — в противовес белой розе Йорков. Удачливый и в военных делах, и в любви, агент соседа слева успел принять участие едва ли не во всех крупных и мелких сражениях своей эпохи; дрался на турнирах и поединках; одно за другим покорял женские сердца и, кроме того, был обладателем богатого набора прекрасных человеческих качеств, таких как непоколебимое мужество, честность и верность данному слову, что в его время было такой же редкостью, как и в любое другое.

Стейбус прекрасно знал, что стереотипное представление о рыцарской эпохе, как о чём-то идеальном и возвышенном, было в корне ошибочным. Да, бароны посвящали своим дамам сердца поэмы и собственные ратные подвиги, но при этом не следовало

забывать, что указанные дамы чаще всего являлись чужими жёнами, и почти никогда не становились любовницами воздыхателей. Мужья охотно разрешали такое обожание издали, поскольку поклонники выполняли функцию своеобразного буфера между ними и теми, кто на самом деле был бы не прочь заполучить их супругу, причём навсегда. Ведь прежде чем бросить вызов мужу, им пришлось бы перебить целый отряд рыцарей, чьей дамой сердца она была, и для которых, в свою очередь, играла роль яблока раздора, являясь предметом соперничества на турнирах.

В повседневной жизни, и особенно вне своего круга, рыцари галантностью не отличались. Для них не считалось потерей чести походя изнасиловать какую-нибудь крестьянку или воспользоваться услугами проститутки. Грабёж собственных подданных считался законным средством получения дохода, а набеги на соседей — проявлением героизма. Во времена первого крестового похода, освободители Гроба Господня не брезговали каннибализмом по причине недостатка нормальной пищи. Многочисленные случаи людоедства имели место при взятии Маарат Ан-Нумана и позднее, при продвижении колонн крестоносцев к Иерусалиму. Внутри собственно рыцарской среды нарушение религиозных обетов и взаимных договоров редкостью не были. Клятвопреступление и предательство превращались в эффективное средство личной политики наряду с клеветой. Так что агент соседа Покса выгодно выделялся на общем фоне.

Задержавшись ненадолго в его сознании, Стейбус принялся более подробно оценивать прочих посетителей салона. По интересам публика почти не отличалась от старожилов «Кроноса» и «Ретродрома». Они наслаждались участием в бесконечных и однообразных (с точки зрения Покса) боевых эпизодах, любовных приключениях, пирах. Один находился в десятом веке новой эры и упивался властью над подданными, сидя на троне африканской империи Сонгай. Другой, в конце восемнадцатого века, готовился к отплытию из Нантакета на китобойном судне. Третий, в первом веке, участвовал в Иудейской войне под командованием Веспасиана. Четвёртый…

— И ты всерьёз полагаешь, что они откажутся от всего этого?— возник вдруг в его сознании голос Блэкбэда.

— Откуда ты взялся? — вздрогнул Стейбус. *— Где ты сейчас?*

— И то и другое неважно. Но ты, я вижу, никак не успокоишься. Только что тебя щёлкнули по носу, и ты сам был вынужден признать, что проиграл всю свою плохо спланированную кампанию по запрету или ограничению путешествий. И что же? Начнёшь сызнова?

— Я ничего не собирался начинать, — разозлился Покс.

Больше всего его раздражало то, что он не мог определить местоположение Блэка. По идее, он должен был присутствовать в той же эпохе и в сознании того же агента, что и он сам сейчас — адъютанта маршала Нея после отступления от Москвы в Смоленск наполеоновской армии. Но, несмотря на все старания, Покс не мог нащупать рядом никого, кроме посетителя салона, чьим агентом являлся молодой француз.

— Не собираешься начинать, значит… А зачем тогда сюда пришёл? — спросил Блэкбэд. *— Зондируешь настроение масс? Оно — то же самое, что было три месяца назад. Или хочешь спасти парня?*

— Какого? — не понял Стейбус. *— Адъютанта или его клиента?*

— Понятно, клиента, — сказал Блэкбэд. *— Я не подозреваю тебя в намерении сознательно изменять прошлое. Адъютанта убьют вскоре после выхода корпуса Нея из Смоленска. Клиент вполне может отправиться к праотцам вместе с ним, поскольку не знает точного момента его кончины. Одно Восстановление у него уже было… Или хочешь спасти адъютанта тоже?*

— Сам знаешь, что нет. И клиента не собираюсь трогать. Я не могу нянчиться с каждым по отдельности.

— Ты и со всеми вместе не можешь. Именно это я и пытаюсь тебе вдолбить.

Стейбус взглянул на заснеженный Смоленск и группу обмороженных, голодных французских солдат, на которых в эту минуту задержал взгляд адъютант Нея. Сам он тоже немало страдал от холода и недоедания, что отчасти передавалось Поксу.

— Как видишь, не все путешественники склонны лишь к удовольствиям, — заметил Блэкбэд. *— Лишения и трудности их тоже влекут. Парень хочет перепрыгнуть в сознание Нея и пережить дальнейшее отступление наполеоновских войск в шкуре бравого маршала. Если у него всё получится, он останется жив, а впереди будет много интересного. Хотя, при желании, он может всегда отдохнуть от русских морозов, переместившись в Индокитай времён Вьетнамской войны двадцатого века. Его второй агент доблестно сражается в рядах армии США. Во Вьетнаме тепло. Даже жарко.*

— Чего ты от меня добиваешься? — устало спросил Стейбус. *— И откуда ты сейчас говоришь со мной?*

— Я хочу, чтобы ты прекратил заниматься чужими делами и взялся за самосовершенствование, — ответил Блэкбэд. *— Повысишь свой уровень — поймёшь, откуда я говорю, как мы с тобой общаемся, и сам научишься делать так же. Тебе ещё расти*

да расти, но как раз это и прекрасно. Возможности для бесконечного саморазвития. Тысячи прожитых жизней вместо одной твоей. Ты ведь только начал. И я уверен, что ты извлечёшь из подобного существования больше пользы, чем твои нынешние соседи по ретросалону.

— Сладко поёшь. Слушай, Блэк, а во время сорокадневного поста Иисуса в пустыне, на горе Искушения с ним беседовал не ты?

Стейбус физически ощутил нетерпеливое недовольство собеседника, словно они были в одной комнате и Блэкбэд резко встал и прошёлся из стороны в сторону. Поксу почудилось даже, что он услышал шорох его цветастого халата.

— Пойми же наконец, что ничего ты не изменишь, — начал Блэк после паузы, словно заново собравшись с мыслями. *— Как думаешь, почему из всех народов Содружества ретроскоп изобрели именно алитейцы? Точно ответить на такой вопрос не сможет никто, но взгляни на это вот с какой стороны: большинство алитейцев приковано к своей планете из-за изнеженности местным климатом. И немалая часть упомянутого большинства всю жизнь проводит в дурно организованных резервациях, почему-то называемых городами. Люди ведь не живут здесь — их сюда загнали. Загнала необходимость иметь работу, загнала невозможность жизни где-то ещё. Многие годами не только за городскую черту не выезжают — вообще не покидают своего квартала, если работают здесь же. Ретроскоп для них — всё равно что персональный кондиционер в своём углу преисподней.*

— Это не оправдывает правительство, ставящее граждан в подобные условия и предлагающее подобные утешения, — сказал Стейбус. *— Не оправдывает и самих граждан.*

— Точно! — как будто даже обрадовался Блэкбэд. *— Но что здесь можно поменять? Люди тупеют от однообразного, убивающего творческое начало труда, от изнурительного неестественного распорядка жизни, скроенного для благополучного существования и развития промышленности. Человеку по природе свойственно отдыхать в средине дня — но работодатель не позволит своим служащим устраивать сиесту часа на три. Плевать ему на природу. Интенсификация трудового процесса — вот что для него важнее. А людей, задавленных нуждой и однообразием, как и во все времена, не интересует ничего, кроме хлеба и зрелищ. Когда хлеба становится совсем мало, требуется повышенная доза зрелищ, и граждане получают её с помощью ретроскопа.*

— Ну, у нас никто не голодает, — возразил Стейбус. *— Концентраты — дерьмо на вкус, но в них содержится всё необходимое. Собственно, они обеспечивают даже более*

полноценное питание, чем обычная пища.

— И этого достаточно?

— Отстань. Сам знаю, что нет. Но ведь не только служащие без категории готовы жить в ретроскопе!

— Верно, верно, — согласился Блэкбэд. *— У нас чёткое и чертовски контрастное расслоение общества на бедных и богатых. Но тут мы попадаем на другую крайность. Когда брюхо туго набито и счёт в банке лопается, человек постепенно пересыщается всем, что можно получить за деньги. И ему требуется, опять-таки, стимуляция зрелищами. Вспомни древних римлян. Колизей посещали как простолюдины, так и те, для кого были зарезервированы четырнадцать рядов. Нельзя сказать, кто из них делал это с большей охотой.*

Блэкбэд внезапно надолго замолчал. Покс обдумывал его слова. С одной стороны, он признавал неуязвимость логики Блэка, с другой — всё его существо сопротивлялось чужим призывам смириться с происходящим. И Стейбус не мог не признать, что, действительно, задумав сегодняшний поход в Лессику, он уже подсознательно готовился к новому этапу борьбы, хотя пока и не представлял себе с надлежащей ясностью своих дальнейших шагов.

— Самое главное, что никто ничего не хочет менять, — сказал Блэкбэд. *— Хотя они могли бы. И все вместе, и порознь. Вместе можно строить лучшее общество, а порознь — добиваться личного успеха. И сейчас это проще, чем двести лет назад.*

Поксу опять пришлось согласиться. Его предки после переселения на Алитею на протяжении трёх поколений торчали в служащих без категории — совсем не от недостатка ума или трудолюбия. А сейчас любой переселенец с планет Гойи может (при наличии способностей, упорства и небольшой доли везения) подняться до высших руководящих должностей. Времена меняются…

— Времена меняются, — угадал его мысль Блэкбэд. *— Не меняются только люди. Ты просто не хочешь признать, что основная масса алитейцев — тупое инертное быдло, неспособное проявлять разумную инициативу, искать выход; неспособное даже ради собственного благополучия. Куда их повели, туда они и шагают. Они упорно станут зарывать свой талант в землю — тот самый талант, который есть у каждого; они с радостью втопчут в грязь любого, кто станет баламутить их уютное болото, пытаясь всплыть наверх; они не сменяют свой ужин, и вечер, наполненный глупыми и бесполезными развлечениями, на упорный труд и работу над собой ради отдалённой перспективы; обязательно упустят свой шанс и в конце жизни окажутся там*

же, где были вначале.

— Ты не прав. Не все таковы.

— Нет, прав! — рявкнул Блэкбэд на такой пси-ноте, что Стейбус мысленно поморщился. *— И я не говорил про всех,* — добавил он уже спокойнее. *— Я говорил про большинство. Но именно большинство решает, каким будет мир — пассивно или активно. Иногда своей волей, иногда своей глупостью, иногда — своим страхом, и всегда — своим безразличием. Именно большинство воздвигает идолов и низвергает монархии; оно правит при демократическом строе и служит оплотом любой диктатуры, даже рабства. Помнишь сказание про исход евреев из Египта? Ведь они были в рабстве там — и обрели свободу! Но, как только начались первые трудности, они совсем было собрались обратно, легко соглашаясь променять благоприобретённую волю на рабскую хижину и ежедневный кусок хлеба. Помнится, Моисею и другим здравомыслящим ребятам стоило больших трудов разубедить народ вновь надевать ярмо на шею. И в Библии ясно сказано, что хрен бы у Моисея что вышло без поддержки самого Господа. Стадо ведёт вожак, но зачастую он направляется не туда, куда хочет сам, а туда, куда хочет стадо. Вот такие дела. И во все времена бывало так, а не иначе. Ты же историк, Стейбус! Вспомни, что тебе известно!*

— Нет, ты не прав, — повторил Стейбус. *— Я отказываюсь признавать своих соотечественников за скотину. Они просто зажаты обстоятельствами, зажаты от рождения и не знают ничего лучшего. Именно поэтому к лучшему и не стремятся.*

— Ты идеалист, — устало сказал Блэкбэд. Когда Покс хотел ещё что-то возразить, рядом уже никого не было.

Стейбус ещё раз взглянул глазами адъютанта Нея на втягивающиеся в Смоленск растрёпанные остатки наполеоновской армии, наугад перешёл к агенту другого посетителя салона и оказался в Афинах как раз в тот момент, когда вбежавший в город человек крикнул: «Радуйтесь афиняне, мы победили!..» — и упал мёртвым, не закончив фразу.

Двенадцатое сентября четыреста девяностого года до новой эры. Победа греков над персами при Марафоне. Радостная весть передавалась от человека к человеку, из одного переулка в другой, волной катилась по улицам и перекрёсткам, пока не выплеснулась на агору. Люди высыпали на улицы, обнимались друг с другом, позабыв о различии в происхождении и вообще о всяких правилах. Их переполняла радость!!! Стейбус не мог не чувствовать её через своего агента, даже несмотря на отключённый синхронизатор эмоций.

Шквал всеобщего ликования был настолько силён, что Покс,

пожалуй, невольно поддался бы ему, не сознавай он чётко, что это чужая радость и чужая победа. Персы бились с греками на морском побережье неподалёку от Марафона; одни проиграли, другие выиграли. Путешественники из Алитеи сражались на обеих сторонах, и проиграли все, поскольку это была не их война.

И ещё его обеспокоило точное совпадение эпизода с легендой. Согласно ей, воин по имени Фидиппид пробежал без остановки тридцать четыре с половиной километра, отделявших поле боя от Афин, дабы первым сообщить весть о победе. Но, согласно старым данным Академии Времени, тот же Фиддипид был послан в Спарту за помощью ещё перед битвой, преодолел за два дня более двухсот километров, однако спартанцы на выручку афинянам не пришли.

Человек, только что умерший от физического перенапряжения, и настоящий Фидиппид — это один и тот же гонец? Разные люди? Или кто-то из путешественников, увлёкшись личными фантазиями, подгоняет историю под предания?

Стейбус мысленно махнул рукой и вышел в своё время. Чёрт с ним, с Фидиппидом. В любом случае, эпизод с ним не станет самым кардинальным изменением Известной истории.

Глава 5

Сенсация! Открытие века, и совершили его мы!

Ты всё ещё странствуешь по жалкому кусочку прошлого планеты, которая, как говорят, была нашей прародиной? Советуем тебе забыть об этих детских забавах как можно скорее! Мы открыли для путешествий близкое прошлое — присоединяйся!

Что было перед Новым Расцветом? История старой Алитеи! Наша история!

Междоусобная вражда бывших земных колоний! Разруха и анархия! Звёздные войны на пространстве сегодняшнего Содружества! Узнай первым!

Новый Расцвет. Становление Империи. Эпоха завоеваний. Война Алитеи и Лидии за обладание планетами Гойи!

Но и это ещё не всё! Следи за новостями. Мы поведём тебя дальше — ближе и ближе к настоящему времени!

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

После похода в Лессику, Стейбус, преодолевая приближавшуюся депрессию, побывал в институте, а последующие два дня просидел дома, чувствуя себя словно с глубокого похмелья. Тело оставалось здоровым, однако сумятица в мыслях не давала возможности сосредоточиться на чём-нибудь серьёзном. Новые ППУ-аномалии невероятной силы, накрывшие на этот раз не только Сестрорию и столичный округ, но и весь континент, давали хороший повод не ходить на работу. Институт почти не функционировал. День после затмения стал последним спокойным днём — в плане метеоусловий, но погода безнадёжно испортилась уже к вечеру.

Ночью зародившийся буквально на пустом месте чудовищный смерч прошёлся по северной окраине Дилойме. Здания устояли, однако в воронку втянуло всё, что было промеж них, включая оказавшихся на улице людей, деревья и полосы мобильных пешеходных дорожек. Пройдя вдоль русла протекавшей по городу реки, смерч сорвал плиты с набережной и высосал воду, оголив дно на протяжении трёх километров. За городом он разросся, ещё набирая мощь, выдёргивая из земли опоры монорельсов и сдирая верхний слой почвы вместе с растительностью. За воронкой потянулась чёрная полоса, похожая на длинный извилистый шрам шириной почти в километр.

Повсюду в тропическом поясе зарождались грандиозные смерчи, выбрасывавшие свою добычу вверх на тысячи метров;

одновременно метеорологи отмечали сильнейшие нисходящие потоки, втягивающие в себя охлаждённый почти до космических температур воздух из верхних слоёв атмосферы. Один из таких потоков обрушился на Южное побережье, превратив десяток курортных городков и всю прилегающую местность в ледяную пустыню. На площади в двадцать тысяч квадратных километров температура упала до девяноста градусов ниже нуля; мелкие озёра промёрзли до дна, из местных жителей мало кто уцелел. Выжили только те, кто на момент катастрофы находился в наглухо закрытых помещениях или под землёй. Таких было немного, и на помощь им никто не спешил, поскольку везде хватало своих неприятностей. На окраинах пострадавшего района температура медленно приближалась к нормальной, растапливая покрывшую землю корку из снега и льда, но в эпицентре всё ещё царствовал полярный холод, подпитываемый отдельными струями терявшего силу нисходящего потока.

Столицу беда на сей раз обошла стороной. Стейбус поначалу следил за сводками погоды, затем переключился на более интересную для него тему. Если верить нелегалам, а не верить им оснований не было, они прорвались, наконец, в ближнюю временную зону, и Покс пытался оценить, чем их прорыв угрожал Алитее в ближайшем будущем.

Или уже поздно строить прогнозы? Может быть, невероятные погодные аномалии последних лет и есть начало конца?

«Первым делом меняется климат».

Не может быть, уговаривал себя Покс, просто не может быть. Первые ППУ отмечены задолго до начала путешествий.

И мы уже успели так изменить прошлое, что хронокатастрофа, случись она в самом деле, была бы просто сокрушительна. Нынешние природные явления — при всей их силе — просто жалкое подобие того, что должно было бы начаться здесь, у нас, будь в наших поступках заложена хоть сотая часть предсказанных для подобного вмешательства последствий.

«Глобал», как и всегда, радовал широким разнообразием мнений. Сотни экспертов повытаскивали на передний план всегалактического информационного пространства теории на любой вкус — начиная от новейших и кончая теми, что были в ходу ещё на Земле.

Главный метеоролог Империи утверждает: между путешествиями и ППУ нет никакой связи.*Всё, чему мы стали свидетелями в последние сутки, это лишь часть естественного глобального процесса, как и некоторая климатическая нестабильность последних лет. С нашей точки зрения природные бедствия выглядят ужасно, однако в жизни экосистемы Алитеи*

они незначительны, я бы сказал — незаметны. Циклические изменения климата характерны для любой планеты, и Алитея — не исключение.

Ага, подумал Стейбус. Расскажи это тем ребятам, которые сейчас медленно вымерзают даже под землёй в городах на Южном побережье. Их эта новость чрезвычайно обнадёжит.

День страшного суда. *Наивно полагать, что наши действия в прошлом не отразятся на настоящем. Время расплаты настало. Кара, уготованная нам Творцом за хронопреступления, будет ужасной!*

Чудесно, а где же ваши аргументы? Хотя — что это я?.. Провозвестники апокалипсиса никогда не снисходят до обоснования своих идей. Они пророчествуют.

Конец света для дураков. *Только полный идиот может считать, будто чихнув чёрт знает в какой эре, мы изменим ход истории. Вы что, вообразили себя центром мироздания? Думаете, у Времени нет своих защитных механизмов?*

Очень жаль, что уважаемый автор не удосужился хотя бы вскользь обрисовать указанные волшебные механизмы…

Впрочем, в «Глобале» имелось сколько угодно статей с таблицами, графиками, аргументами и доказательствами, опровергающими аргументы и доказательства противной стороны, что не вносило, однако, желаемой ясности ни по одному из пунктов.

Трансформная Вселенная. *В мире, где изменения прошлого возможны на практике, любое такое изменение становится частью истории, органично вписывается в неё; следовательно, его можно считать естественным и законным.*

Вот так даже. Хорошо, изменения законны, но последствия-то они будут иметь? Если некто убьёт моего прадедушку на законных основаниях, а я потом не появлюсь на свет — мне что, легче от правомерности совершённых тем парнем действий?

Только хорошие новости! *Пока теоретики спорят, мы предлагаем тебе чистые удовольствия! Хочешь присутствовать при закладке первого здания на месте будущей Сестрории?*

Надоела твоя тесная конура в одном из объединённых кварталов? Перенесись в то время, когда их ещё не существовало! Первозданная Алитея! Никакого перенаселения! Никакой безработицы и скудного жалования служащего без категории!

Нелегалы, по своему обычаю, практичны. Для чего забивать голову? В прошлом столько интересного… Обращайся прямо сейчас!

Приближался вечер, и Покс всё чаще поглядывал на часы. График дежурств своего друга Кену Стурво он давно знал

назубок, и сегодня у него первая дневная смена. Следовательно, он освободится вечером, и будет очередной совместный ужин.

Стейбусу не терпелось увидеть всегда невозмутимого сенситива. Может быть, почувствовать его молчаливую поддержку… Глупо. Раскис он, вот что. Ведь и Кену вовсе не так спокоен, как кажется. Просто умеет держать себя в руках. У него своих проблем хватает, в основном с этой его подружкой — Абеллой. Вроде бы она слишком увлечена ретроскопом и путешествиями… За всё время Кену так их между собой и не познакомил, но Стейбус знал, как она выглядит — вполне даже симпатичная, на полголовы выше коренастого диспетчера.

За окном казалось ещё темнее из-за нависших над городом туч. Покс вышел на террасу, поднялся на эскалаторе уровнем выше и уселся за их с Кену столик. Владелец давно приметил парочку завсегдатаев, и уяснив, по каким дням они посещают заведение, обычно заранее выставлял табличку «Занято». Постоянных клиентов в Старом Квартале ценили. Но во время ППУ находилось мало желающих покушать на свежем воздухе — как и желающих кушать вообще. Если открытая часть кафе сегодня пустовала совершенно, то закрытая была пуста наполовину.

Диспетчер опаздывал, что было совершенно не в его правилах. Стейбус даже забеспокоился. Через полчаса к нему нерешительно приблизился официант и спросил, будет ли он делать заказ.

— Моего друга всё ещё нет, — ответил Покс. — Я бы подождал его, если вы не против.

— Конечно, господин. Как вам будет угодно.

Низкие сплошные облака отсюда, с террасы, казались мягким грязно-серым куполом, опрокинутым на город уставшим держать небеса атлантом. Отдельные тучи опускались ещё ниже, цепляясь за башни мегабилдингов, обволакивали их, скрывая от глаз верхние этажи. Незаметно совсем стемнело, и Стейбус, просидев в одиночестве больше двух часов, наконец сделал заказ и медленно поужинал в одиночестве.

Потом он ещё долго сидел, наблюдая за подсвеченными городской иллюминацией тучами, и редкими икарами, проносящимися по открытому транспортному каналу между кварталами. Кену так и не появился, его трансцессор оказался заблокирован. Не зная что и думать, Покс пошёл домой, машинально выбрав другой путь — через кафе и верхний уровень, а потом вниз, по внутреннему эскалатору. Он собирался зайти к диспетчеру, но обнаружил Кену перед дверью в его квартиру.

— О-о, дружище… — смущённо протянул тот. — Я же совсем

забыл включить связь.

Он выглядел страшно усталым и каким-то внезапно постаревшим.

— Что случилось? — спросил Стейбус и неожиданно догадался: — Абелла? Что-то с Абеллой?

— Слава богу, нет, — ответил Кену. — Да что мы стоим здесь, проходи.

В гостях у друга Покс бывал редко. Собственно, для общения им хватало совместных ужинов в кафе раз в несколько дней — они успевали и поговорить, и помолчать.

— Ты уже поел? — спросил диспетчер. — Ну а я ещё нет. У нас в ЭМП началось светопреставление. Временщики-нелегалы поднялись к настоящему Алитеи чуть ли не до вчерашнего дня, и миллионы придурков ринулись инспектировать личную жизнь своих бабушек и дедушек. Не слышал? Да ты шутишь! Неужели я, в кои-то веки, оказался в таких делах более осведомлён, чем ты?

Кену связался с кафе и заказал ужин домой:

— Не важно что… Можете прислать то же, что подавали моему приятелю. Или дежурное блюдо. Или подошвы от ботинок в собственном соку… Мне безразлично. Только быстрее, иначе лишитесь постоянного клиента — я умру голодной смертью.

Через десять минут Кену вовсю работал челюстями, иногда прерываясь для того, чтобы бросить пару фраз. По мере насыщения его речь становилась всё более связной.

— Горячка началась пару недель назад, — рассказывал он. — Тогда ЭМП доставила в дежурную клинику целую команду временщиков в состоянии различной степени тяжести. Насколько я понимаю, это и были первопроходцы. И пошло!.. У нас не успевают устанавливать дополнительные диспетчерские терминалы, а все врачебные бригады работают без выходных. И вот, сегодня диспетчеров заставили трудиться сверхурочно целых четыре часа — впервые за всю историю ЭМП! Ты же знаешь нашу специфику. Если нарушать рабочий график — сгоришь как свечка. Именно поэтому мы так рано уходим на пенсию. Но руководство пошло на это, а всё потому, что они не успели перевести специалистов с Гойи, как хотели, а кого попало диспетчером «экстры» не поставишь. Когда я передал смену, то даже дышать не хотелось, не то что ужинать. Думал, что окажусь не в силах проглотить ни кусочка. Взял такси и улёгся прямо в икаре на заднем сиденье — готовый труп, хоть сейчас в крематорий. Пилот спрашивает, кто я такой; я говорю, что работаю в ЭМП. Он ржал всю дорогу — решил, что это шутка. Тебе, говорит, самому помощь ЭМП не помешает, только пусть везут не в клинику, а сразу в морг. Весёлый парень, и меня в

конце концов развеселил. Ну, я ожил — видишь, какой аппетит!

— А с Абеллой что? — спросил Стейбус. Он не мог отделаться от мысли, что с подругой диспетчера не всё в порядке.

Кену внимательно посмотрел на него поверх стакана с чаем.

— Соображаешь, временщик, хвалю. Имплантат давно поставил?

— Давненько, — уклончиво ответил Стейбус.

— Я подозревал, да не хотел спрашивать. Впрочем, я всегда считал, что у тебя врождённые задатки первоклассного сенситива. Поругался я с ней — здорово поругался. Точнее, просто устроил ей хорошую выволочку по связи, когда нам приказали оставаться на рабочих местах. Был десятиминутный перерыв, ну я и сорвался. Сказал, что если она в ближайшие дни включит ретроскоп, то я прилечу к ней и вышвырну её в окно вместе с этой чёртовой машинкой. Накричал ни с того ни с сего. Она так перепугалась, что даже не стала спорить. А я ещё больше расстроился, так что и тебя забыл предупредить, чтоб не ждал. Мне, знаешь ли, совсем немного до пенсии осталось…

Стейбус всё прекрасно понял. Кену боялся, что в эти последние дни с Абеллой что-то случится в прошлом, окажется бесполезным его ожидание, не будет обещанной Абеллой свадьбы, отдельного дома за городом, спокойной совместной жизни… Точнее, будет, но уже с другой женщиной. С такой, какой она станет после Восстановления.

Кену вытер губы салфеткой. Взгляд диспетчера внезапно стал задумчивым.

— Как думаешь, это очень плохо — то, что мы проникли в близкое будущее? Я многое успел узнать — сам, по-любительски, — но я не очень разбираюсь в сути. Может в результате произойти хронокатастрофа, о которой так много болтают? Я знаю, что у тебя на этот счёт своё мнение…

Стейбус, не спрашивая разрешения, взял сигарету из лежавшего на столе портсигара Кену. Раньше он изредка курил ради удовольствия, но никогда — чтобы успокоиться.

— Я тебе так скажу: и без всяких хронокатастроф дело обстоит достаточно хреново, — ответил он, глубоко затягиваясь. — Близкая временная зона — это близкая временная зона, что говорит само за себя. Наше ближайшее прошлое. Тот, кто получит над ним контроль, получает всё на свете, разве непонятно? Да забавы нелегалов или какого-нибудь Общества самоубийц по сравнению с нашими сегодняшними перспективами просто лёгкая щекотка! Тоталитарная власть над временем, над государством, над гражданами, над нашим будущим!..

— Теперь ты готов орать на меня, как недавно я — на Абеллу,

— заметил Кену.

— Извини, — сказал Стейбус, понижая голос. — Орать я не буду, но ты меня понял. Ещё недавно я был уверен, что в итоге всё кончится хорошо, что мы сумеем разрулить ситуацию. Теперь я не уверен ни в чём. Я всегда считал, что главные тайны хранит Тёмный период и Хаос. Я и теперь так считаю. Разгадай мы причину появления того и другого — и мы, возможно, поймём… — Стейбус замолчал, оборвав себя на полуслове и затушил в пепельнице недокуренную сигарету.

Глава 6

Невозможно переоценить важность исследований близкого прошлого. Это не только изучение малоизвестных периодов ранней истории Алитеи. Это, в первую очередь, возможность решения практических задач, например — раскрытия и предотвращения преступлений. Дайте нам шанс подняться ещё выше по временной шкале — и ни один преступник не будет чувствовать себя в безопасности.

Следователь сможет увидеть убийцу глазами его жертвы. Террористический акт мы сумеем предотвратить, просто отследив события нескольких недель перед его совершением, делая агентами предполагаемых свидетелей подготовки злодеяния. И не надо говорить мне о нарушении права на неприкосновенность личной жизни. Конечно, круг подозреваемых, которых подвергнут проверкам, в последнем указанном случае будет гораздо шире, чем обычно бывает сейчас. Но я глубоко убеждён, что каждый законопослушный гражданин согласится с необходимостью подобных действий, если они приведут к торжеству закона и, в конечном счёте, всеобщей безопасности.

Начальник полицейского управления Дилойме, полковник Станневан. Статья «Новый мировой порядок» на сайте «Алтарь правосудия» в Галактической информационной сети «Глобал».

Через две недели после разговора с Кену, Покс попытался связаться с Блэкбэдом. Это оказалось удивительно легко.

Он уже понял, что без посторонней помощи ему в тайны Тёмного периода не проникнуть, а помочь здесь мог только один человек. Отдел Стейбуса, работа которого, как и работа всего Института сравнительной истории, то и дело прерывалась участившимися ППУ, поднялся вверх по дальней временной зоне до 2012 года и застрял на этой отметке намертво.

Неделю назад сам Покс, используя нижние хронокоординаты близкой временной зоны, выложенные нелегалами в «Глобале», предпринял отчаянную попытку продавить верхнюю границу Тёмного периода, действуя, так сказать, с другого края, но попытка окончилась неудачно.

В среде временщиков достигнутые им успехи сочли бы полным триумфом, поскольку он опустился вплоть до относительно мирного времени, очевидно, предшествовавшего эпохе междоусобных войн земных колоний, то есть до момента, когда Земная Гегемония находилась в полном здравии. Хаоса ещё

не существовало…

Или он только что возник.

Да, наверное, в этом всё дело. Хаос только что поглотил Млечный Путь, это и есть начало безвременья для оставшихся бесхозными колоний землян в Андромеде и других галактиках.

Ну а причём тогда начало двадцать первого столетия? Разделённая на государства Земля, а за ней и Земная Гегемония, должны были безбедно существовать ещё, как минимум, семьсот лет. Почему же нельзя подняться выше?

Проникнув за верхнюю границу Тёмного периода так глубоко, как ещё никто не проникал, Стейбус не успел там толком осмотреться и разобраться, что к чему. Неведомая слепая сила выдавила его обратно в настоящее. Борясь с ней, он совсем выдохся. Нечего было и мечтать о повторении попытки, как и о скором заходе в неизвестную зону снизу, как обычно.

Неужели Тёмный период и Хаос не связаны между собой, как он всегда считал?

Опасаясь, что в его рассуждениях кроется какая-то ошибка, Стейбус не находил себе покоя. Он чувствовал, что на его вопросы должен существовать ответ, и даже подозревал, кому он может быть известен.

— Амиго Блэкбэд, — пробормотал он со злостью. — Сучий потрох! Ты, вроде, говорил мне, что всегда чувствуешь, когда кто-то думает о тебе плохо. Тогда самое время насторожиться, компадре. Поверь, ещё никто на свете, начиная с твоего рождения, не думал о тебе так плохо, как я в эту минуту!

— Я совсем не то имел ввиду, — возник в голове Покса голос Блэка, и он поёжился. Сенситив, свободно читающий мысли на любом расстоянии — на кого он только что разевал рот? Лучше выбирать выражения.

— Я говорил не столько про того, кто желает мне зла, сколько о тех, кто способен нанести ущерб, даже совсем того не желая.

— Иногда мне кажется, что я с радостью нанёс бы тебе любой возможный, — признался Стейбус.

— Но это же глупо, Стейб, — заметил Блэкбэд. *— Ты злишься на меня потому, что я больше твоего знаю и умею, но не спешу своими знаниями делиться?*

— Я злюсь на тебя потому, что ты мог бы принимать поближе к сердцу то, что происходит вокруг. Но ты предпочитаешь проворачивать свои тёмные делишки, зашибать деньги, командовать Синдикатом и морочить голову начинающим временщикам своими фокусами, отдающими чёрной магией.

— А почему я должен что-то принимать к сердцу? Мне и так

нормально. Я никому не навязываю свой товар. Люди сами охотятся за ним, и готовы платить любые деньги. Ты-то сам как на меня вышел? Нужны были оптимизаторы покруче институтских, и ты нашёл Агиляра, а он оказался моим человеком.

Стейбус вздохнул. Так и было.

— Теперь люди увлечены освоением близкой временной зоны, — продолжал Блэк, *— и я всего лишь делаю так, чтобы они как можно реже нуждались в Восстановлении. Твой последний штурм Тёмного периода — много шансов у тебя было остаться целым без «Вавилона»? Ты попёр туда дуриком, без подготовки, один, без внешней поддержки… Ну?..*

И это он уже знал… Стейбус вздохнул ещё тяжелее. Отчитали как ребёнка.

— Ты хотел меня спросить кое о чём, так спрашивай, — предложил Блэкбэд. *— Я человек занятой.*

— Почему мы не можем перепрыгнуть две тысячи двенадцатый год? — поинтересовался Покс для разминки.

— Пора бы самому догадаться, — ворчливо заметил Блэкбэд. *— И тысяча девятьсот сорок второй, на котором вы стояли, и двухтысячный, на котором вы застряли снова, и две тысячи двенадцатый — всё это ключевые даты. Поворотные точки большого временного потока, вроде перекрёстков. При реальном ходе событий здесь может происходить что угодно.*

— И что произошло в двенадцатом году? — спросил Покс.

— Да ничего особенного.

— Как ничего??? Ещё древние пророчества цивилизаций Земли, например майя, указывали именно…

— …указывали именно на такой вот временной перекрёсток, — перебил Блэкбэд. *— Но если вероятность экстраординарных событий в данное время невероятно высока, то это не означает, что непременно что-то произойдёт. Не на каждом настоящем перекрёстке ведь случаются аварии.*

— То есть, мы его преодолеем. Ладно, тогда скажи мне…

— Вряд ли преодолеете, — опять перебил Блэк. *— Где-то здесь и начинается настоящая нижняя граница Тёмного периода. Сопротивление, которое вы встречали при прохождении двадцатого столетия — лишь прелюдия, как полоса препятствий перед главной линией обороны.*

— Но почему? Почему возник Тёмный период? Что он из себя представляет? Ты знаешь?

— Да, конечно.

Блэкбэд сообщил об этом так спокойно, что Стейбус на минуту оторопел.

— И что он такое?

— А вот этого, мой друг, я тебе и не скажу.

— Хвастун! — возмутился Покс. *— Ни хрена ты не знаешь!*

— Ошибаешься, знаю, — возразил Блэк. *— Ты вот думаешь, что я вышел сейчас с тобой на связь потому, что уловил твои мысли, находясь чёрт знает где, и считаешь меня суперсенситивом. А тебе не приходит в голову, что я просто заранее знал, что тебе понадоблюсь?*

— Ты путешествуешь в будущее? — спросил Стейбус вслух внезапно севшим голосом. Он, конечно, понимал, что чисто теоретически путешествия в будущее возможны, но…

— Вот тебе и причина, по которой я не беспокоюсь за Алитею, — подхватил Блэк. *— Просто я точно знаю, чем дело кончится.*

— Но тогда ты можешь всё изменить! — крикнул Стейбус, теряя контроль над собой. — Ты способен предотвратить…

— Предотвратить что? Судя по твоим словам, ты уверен, что Империя кончит совсем плохо.

— А разве не так? — Стейбус продолжал говорить вслух, не задумываясь, каким, собственно, способом они теперь общаются.

— Она кончит не очень, — подтвердил Блэк. *— По правде говоря, настолько не очень, что я не собираюсь при этом присутствовать. Но я и не намерен ничего предотвращать.*

— Почему? Почему??? ПОЧЕМУ?..

— Да потому, что мне плевать, — спокойно ответил Блэкбэд.

— Мерзавец! — заорал Стейбус, вскакивая с кресла и стискивая кулаки.

На мгновение он забыл, что в комнате никого, кроме него, нет. А когда пришёл в себя, Блэк уже не отзывался.

— Сукин сын, сукин сын! — простонал Покс, и так шарахнул кулаком по столу, что совершенно отбил руку.

Вон оно что… Блэк свободно путешествует в будущее. Ну конечно же, конечно! А я был его агентом, подумал Стейбус. С ума сойти — я его агент! Он со мной жил, ел, спал… Вот откуда он всегда всё знал про меня! И когда я недоумевал, как он со мной общается, он просто был в моей голове, в моём сознании. Нашёл способ обходить защитный экран — если вообще такая проблема стояла. Как знать, может он со мной и в прошлое путешествовал.

Покс почувствовал непреодолимую брезгливость, почти отвращение; словно, сидя за столиком в дорогом ресторане, придвинул к себе тарелку с салатом и обнаружил там противного жирного червяка.

Это черномазое чудовище угнездилось у меня в голове, думал он. Наверное, и сейчас там… Стоп, а ты-то сам сколько раз

использовал в качестве агентов людей из прошлого? Подсчитай и успокойся.

— Ну что ж, я вижу, что теперь ты лучше подготовлен к конструктивному диалогу, — хмыкнул вновь появившийся невесть откуда Блэкбэд. *— Только я не понял твоего выпада относительно «черномазого чудовища». Будь у меня кожа белая, или там зелёная — тебе что, легче стало бы?*

— Кто, чёрт побери…

— Кто дал мне право вторгаться в твою личную жизнь? — услужливо подхватил Блэк.

— Ладно, не будем заострять на этом внимание, — вслух предложил Стейбус, совсем успокаиваясь. — Я ведь могу не утруждать себя мыслесвязью, верно?

— Такие вопросы называют риторическими, — согласился Блэкбэд. *— Конечно, я прекрасно слышу твой голос твоими же собственными ушами. Понимаю, ты несколько выбит из колеи внезапной переменой ролей, но что ещё могло бы так помочь тебе в полной мере оценить взаимоотношения клиентов с агентами?*

— И давно ты у меня в гостях?

— Секретная информация. Попробуй с другого конца.

— Зачем я тебе нужен?

— Боже ты мой! А твои агенты тебе зачем нужны? Да просто ты мне интересен — и я получаю через тебя те сведенья о настоящем, которые мне требуются. И ещё — ты профессиональный исследователь, работаешь по стоящим темам, и мне не приходится тратить время на анализ данных, собранных тобой в прошлом. Хотя, как понимаешь, такие понятия, как прошлое, настоящее и будущее, для меня вещи очень относительные.

— Не может этого быть. Для сознания — согласен, и то не полностью. Но у тебя есть твоё тело. Ты всё равно привязан через него к определённой точке времени.

— Предлагаю тебе оставить выяснение моей привязки на потом, — предложил Блэкбэд. *— Задавай вопросы, которые действительно тебя интересуют.*

Стейбус вздохнул поглубже, собираясь начать, и тут сообразил, что ему нет необходимости сидеть в кресле, как на собеседовании. Блэк у него в голове и никуда не денется, если только сам не захочет уйти. Тогда Покс пошёл на кухню и сделал себе кофе; вернулся назад и снова сел, устраиваясь поудобнее.

— Вот так-то лучше, — похвалил Блэкбэд. *— Начинаешь осваиваться.*

— Что такое Тёмный период? — спросил Стейбус.

— А сам как считаешь?

— С некоторых пор я подозреваю, что он возник вследствие нашего вторжения в прошлое. Мы изрядно напакостили в дальней временной зоне, и прошлое каким-то образом оградило себя от дальнейшего вмешательства.

— Почти в точку, — одобрил Блэкбэд. *— Время, как основа мироздания, имеет свою защитную систему. Представь, что ты брызнул себе на руку кипятком. Повреждённая кожа вздуется, появится волдырь. Таким образом организм изолирует живые ткани от мёртвых, а повреждённым даёт возможность восстановиться. Тёмный период и есть волдырь на теле времени, точно так же как Хаос — волдырь на теле Вселенной.*

— Откуда взялся Хаос?

— Оттуда же. Согласно некоторым теориям, материя и пространство — это не что иное, как вырожденное время. Вернее — другие его состояния, точно так же, как лёд и водяной пар являются другими состояниями воды. Так вот — теоретики правы, и потому всё, что имеет отношение к времени, не только затрагивает существующий порядок вещей, вызывая изменение событий, но и зеркально отражается в материальном мире. Тёмный период и Хаос — неприкосновенные участки времени и пространства, своего рода буфер. Защитная зона, призванная предотвратить глубокое изменение будущего; преграда на пути ужаса, который земляне назвали «эффектом бабочки». Вот почему действия наших соотечественников в прошлом до сих пор не привели к мутации событийных цепочек в настоящем — любое изменение в дальней временной зоне поглощается Тёмным периодом. Иначе и миллионной доли воздействия, оказанного на прошлое путешественниками, хватило бы, чтоб Алитейская империя, а вместе с ней и всё Содружество Человеческих Миров, просто перестали существовать.

— Значит, перемены в климате Алитеи не являются признаком хронокатастрофы, — сказал Стейбус. — Но ты ведь говорил…

— Не путай одно с другим. ППУ есть следствие вторжения алитейцев в собственное близкое прошлое. А следующим нашим шагом станет проникновение путешественников в далёкое прошлое родной планеты. Этого ещё не произошло, однако произойдёт; и время уже реагирует.

— ППУ случались ещё до изобретения ретроскопа.

— Ничего странного. Изменения прошлого — словно камень, брошенный в озеро. Правда, в нашем случае волны распространяются в основном в будущее. Но и в прошлое тоже — в самое близкое, на несколько десятилетий.

— Выходит, коррекция климата началась ещё до того, как

возникла её причина?

— Да, верно. Прошлое и будущее существуют лишь с нашей ограниченной точки зрения. Время едино. Если сравнить его с живым существом, то можно сказать, что время уже знает, что случится, что сделаем мы, его жители.

Стейбус долго сидел, прихлёбывая кофе. Затем не торопясь выкурил сигару. За Блэка он не беспокоился. Если его утомит бездействие, он просто перескочит через длинный промежуток молчания.

— Мне не даёт покоя твоё сравнение с брошенным в воду камнем, — сказал Покс наконец. — Ты говоришь, что хронокатастрофа может отразиться на ближайших десятилетиях прошлого от момента первых изменений. Пусть ППУ начались недавно, однако Хаос возник не за пятьдесят лет до изобретения ретроскопа, и даже не за пятьсот. Он существует уже несколько тысяч лет. Именно с его возникновением началась изоляция бывших земных колоний, их упадок. Как ты это объяснишь?

— Ответ напрашивается. Причиной возникновения Хаоса были не мы.

— Тогда кто?

— Элементарно… Приготовься, Стейб, сейчас ты услышишь нечто очень для нас всех непривычное. Дело в том, что ни алитейцы, ни остальные народы Содружества не являются потомками землян. По крайней мере — их прямыми потомками. Земная Гегемония, простёршая свою власть над целой галактикой, никогда не существовала. Должна была существовать — но на самом деле её не было. Земная цивилизация погибла в двадцать первом веке, так и не основав ни одной звёздной колонии.

Стейбус замер, точно парализованный. Уж что-что — а такое он никак не ожидал услышать.

— Знаю, звучит неправдоподобно, — спокойно продолжал Блэкбэд. *— Тем не менее, это правда. Наша современная культура — призрак. Химера, материализованная в настоящем волей самой Вселенной, воспоминание Универсума, о котором тот не захотел забыть… Земная Гегемония должна была возникнуть и развиться точно так, как сие записано в наших архивах. Она достигла бы невероятных высот и колонизировала сотни планет в Андромеде, в том числе и Алитею. Она существовала бы и сейчас, правда, уже с гораздо меньшей степенью величия. Междоусобные войны колоний между собой, а точнее — войны колоний друг с другом и с Гегемонией тоже, всё равно произошли бы, вследствие чего наступил бы упадок и периферии, и метрополии, их полный разрыв. Но развитие Гегемонии должно было длиться не столетия, как считают наши учёные, а десять тысячелетий. Потом ещё тысячи*

лет упадка. А потом наступил бы Новый Расцвет… Собственно, именно отсюда можно начинать отсчёт нашей реальной истории… И вот, где-то на завершающем этапе затяжных беспорядочных войн, из небытия Тёмного периода выныривает Алитея и прочие Человеческие Миры. Строго говоря, у нас не было предков. Мы — всего-навсего восстановленная цепочка событий, некогда прерванных глобальной катастрофой, в эпицентре которой находилась Земля. Время не просто защищает себя. Оно себя восстанавливает. Универсум открыл дальнейшее течение истории сразу же, как только это стало возможно.

— Невероятно, — пробормотал Стейбус. — Не может быть.

— *Нет, только так и может быть,* — с нажимом сказал Блэкбэд. — *А ты думал, что возня жалких козявок способна нарушить планы Творца относительно всего Мироздания в целом? Ошибка землян, давным-давно уничтоживших свою собственную расу, отразилась на судьбах Вселенной только до определённого предела — до конца Тёмного периода. А начиная с Нового Расцвета жизнь уже пошла в точности так, как и должна была идти. Существуй Гегемония сейчас, мы всё равно не соприкасались бы с ней, развиваясь самостоятельно.*

— Хорошо, но мы бы помнили…

— *Что мы помнили бы, недоумок?* — возмутился Блэкбэд. — *Прости Стейб, но лучшего определения ты не заслужил. Да ты хоть представляешь себе, какой мощью должно обладать галактическое государство, державшее в своих руках двести миллиардов звёздных систем? Каковы будут иногалактические колонии такого государства, и какое оружие пойдёт в ход в случае войны между ними? Молекулярная пыль на месте обитаемых планет, пустыни на месте звёздных скоплений и кубические килопарсеки кипящего вакуума, непроходимые для космических кораблей обеих сторон! Вот что будет в театрах военных действий, а вслед за ужасающей, но скоротечной войной с Гегемонией, последовали бы тысячелетия упадка и изнурительных сражений колоний между собой… Так что ни хрена мы не помнили бы — и уж точно не намного больше, чем сейчас.*

Стейбус нервно разминал в пальцах ещё одну сигару. Ему страшно хотелось закурить, но вторая сигара в течение часа была бы неслыханным нарушением его личных правил. С другой стороны, человек не каждый день узнаёт, что его далёкие предки-алитейцы вовсе не появились на свет законным порядком, как ранее предполагалось, а возникли из ничего в некий момент времени, в рамках развёрнутой Универсумом программы по восстановлению событийной цепочки.

Дабы избежать искушения курить, он снова сходил на кухню

и сделал себе двойную порцию молочного коктейля.

— Чтобы люди приняли твою гипотезу, тебе потребуются веские доказательства, — сказал он. — Чёртова уйма очень веских доказательств.

— *Не будь идиотом,* — ответил Блэкбэд. — *Понимаешь же, то у подобной версии доказательств нет, да и быть не может. Они похоронены внутри Хаоса и Тёмного периода. И кое-где ещё, куда человеку путь заказан.*

— А ты, значит, пробрался, — ехидно заметил Стейбус.

— *Да, и не только я, но я не совсем человек.*

Покс подавился коктейлем и пролил белую жидкость себе на колени.

— *И не спрашивай меня, кем я себя считаю и кем являюсь на самом деле,* — сказал Блэкбэд, предупреждая расспросы. — *Ты сам идёшь к тому же. Всё узнаешь, всё… Хотя процесс познания может не доставить тебе особого удовольствия, как и окончательный результат.*

— Но ты можешь мне сказать, что случилось с Землёй? С настоящей? Почему она не превратилась в центр Гегемонии? Что произошло тогда, в двадцать первом веке? Кто виноват в гибели цивилизации?

— *Конечно, сами люди,* — спокойно сказал Блэкбэд. — *Землю погубили земляне. И они же стали причиной начала Тёмного периода и возникновения Хаоса.*

— Что? Что они сделали?

— *А ты не догадываешься?* — Блэк на минуту замолчал, словно давая возможность Стейбусу поразмыслить, а потом ответил: — *Это просто, приятель. Они изобрели ретроскоп.*

Глава 7

Любовные похождения в близком прошлом! Ещё год назад вы и представить такого не могли!

В нашей коллекции — знаменитые красавицы Алитеи всех веков, а если тебе прискучили обычные развлечения, то мы в состоянии предложить и нечто особенное!

Подглядывал за своими родителями в детстве? Хочешь сделать агентом своего отца и заняться любовью с собственной матерью? Обратись сейчас! Обещаем поймать момент твоего собственного возможного зачатия! Незабываемые ощущения! Твоя мамочка была привлекательной в молодости?

Отчим трахал твою юную сестрёнку? Хочешь побывать на его месте? Обратись сейчас! Хочешь ощутить то, что ощущал он? Не стесняйся! Зачем отказывать себе?

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

Весь следующий день Стейбус посвятил поиску и анализу необходимой информации.

Выяснилось, что на границе второго и третьего тысячелетий люди Земли не только прекрасно знали, что такое вогнутые зеркала, но и успели провести первые серьёзные опыты с ними. Самые последние эксперименты уже можно было смело назвать научными.

Различными разновидностями вогнутых зеркал земляне пользовались с глубокой древности. Их издавна использовали для магических целей, и нередко — для предвиденья будущего. Типичными примерами могли служить легендарное зеркало Соломона, и менее известное, но, очевидно, куда более действенное зеркало Бэкона. О первом Стейбусу не удалось выяснить почти ничего, за исключением заверений авторов нескольких манускриптов, что это была поистине замечательная вещь, и примерно таких описаний его изготовления:

«О способе создания таинственного Зеркала Соломона, подходящего для всех прорицаний. Очисти помыслы свои, убели мысли свои, и ты узришь в сём Зеркале всё, что пожелаешь.

Разумный да руководствуется при изготовлении Зеркала фазами луны.

Ни мастер, ни его помощники не должны ложится с женщиной и иметь блудных мыслей. От всего сего следует воздерживаться сорок дней…

Пластину для Зеркала должно ковать из чистого железа.

Негоже перековывать для Зеркала изделия, бывшие в использовании, тем паче нечистом. Мечи и прочие ратные орудия также не годятся, тем паче те, что были обагрены кровью…

Прежде, чем выгнуть пластину, произнеси следующие заклинания…

Шлифовка его (Зеркала) должна быть выполнена со всяким прилежанием. А в углах кровью белого голубя напиши имена Предвечного Бога нашего…

В новолуние, в первый час после захода солнца, обрати свой взор к небесам и скажи с трепетом и почтением: “О Всемогущий и Вездесущий! О Невидимый и Невыразимый! К Тебе, Господу Богу моему и Творцу всего сущего обращаю я лице свое! Призри на молитву ничтожного и недостойного раба твоего и исполни мое прошение…”»

Дальше следовали уверения в том, что правильно изготовленное зеркало способно наделить его владельца ясновиденьем, а также упоминание факта, что Соломон получил прославившую его мудрость именно благодаря сему магическому предмету. К разочарованию Стейбуса, авторы манускриптов почему-то избегали размещения в своих работах точных чертежей волшебного зеркала. То ли секрет был утерян к моменту написания текстов, то ли авторы считали свои пояснения вполне достаточными. Как вариант — точные размеры могли быть искусно зашифрованы в словах цветистых и неясных заклинаний. Ясно одно: речь шла о металлическом вогнутом отражателе, предназначенном для получения информации из будущего, очевидно, квадратном или прямоугольном, для использования которого требовалась «чистота помыслов» — жёсткая мыследисциплина.

Технология производства зеркала Бэкона осталась для Стейбуса полной загадкой, однако францисканский монах, очевидно, куда глубже проник в тайны вогнутых зеркал вообще, используя своё собственное со знанием дела и по прямому назначению. Он обходился без убийства белых голубей и, судя по его достижениям, ставил перед собой задачи, весьма близкие современной алитейской ретроскопии. Живший в тринадцатом веке, Роджер Бэкон предсказал изобретение автомобилей, самолётов, пароходов, подводных лодок, микроскопов, телескопов и водолазных костюмов; а также изобретение пороха за двести лет до Бертольда Шварца. Ему было многое известно о строении живой клетки, образовании эмбрионов от слияния сперматозоидов и яйцеклеток и наличии в космосе нескольких галактик, местоположение одной из которых он определил довольно точно.

Зеркало Мишеля Нострадамуса имело яйцеобразную форму, а свои видения он записывал, используя такое количество иносказаний и специальных астрологических терминов, что непосвящённый тонул в них, как чугунная статуя в болоте. Да оно и понятно — в его времена люди попадали на костёр и за меньшее, чем путешествия в будущее.

Из того, что земляне активно интересовались событиями грядущими, вовсе не следовало, что их совсем не занимало прошлое. Они общались с душами умерших при помощи больших чаш с тщательно отшлифованной внутренней поверхностью, получая необходимую информацию из загробного мира, и Стейбус даже вздрогнул, представив, как жрецы совершают гипервременной переход и вселяются в сознание агента, жившего сотни, а то и тысячи лет назад. Уж это-то было ему прекрасно знакомо.

Кроме этого, вогнутые зеркала были найдены в Древнем Египте, где они, как считалось, использовались для освещения длинных переходов и прочих помещений в пирамидах и усыпальницах, передавая солнечный свет снаружи, но с равным успехом могли служить другой цели. Ещё были зеркала Тулу, найденные близ плато Наска; тибетские каменные зеркала; и великое множество упоминаний о различных схожих по назначению предметах в преданиях, мифах и сказках всех народов мира.

По всему выходило, что земляне в древности, пусть и на примитивном уровне, знали о вогнутых зеркалах намного больше, чем алитейцы до изобретения трансцессоров и начала экспериментов Родерика Дендайма.

В двадцатом веке профессор Козырев выдвинул идею, что плотность времени можно ослаблять с помощью специальных экранов или усиливать, фокусируя его с помощью вогнутых зеркал. Это уже было, что называется, горячо.

Через несколько лет после его смерти, Влаиль Казначеев проводил опыты по сверхчувственному восприятию с применением вогнутых зеркал. Всего было задействовано более четырёх с половиной тысяч участников из нескольких стран мира. Одни из них мысленно передавали образы из заполярного посёлка Диксон и Новосибирска, а другие принимали их в различных точках бывшего СССР, Европы, Азии и Америки. Приём мысленных образов оказался достаточно устойчив, и тогда же был отмечен хорошо знакомый алитейцам феномен «отстающей трансляции» — в отдельных случаях приём мыслеобразов происходил на несколько часов раньше начала передачи.

Настоящие ретроэффекты при работе с вогнутыми зеркалами

на Земле также обнаружились сразу. У людей появлялись необычные видения даже в том случае, когда им никто и ничего не транслировал, причём наблюдаемые картины относились к прошлому.

Больше Стейбус ничего не нашёл, так как, имея в виду серьёзность темы, пользовался лишь отчётами лицензированных историков и хрониками Академии Времени с высоким индексом достоверности. Но и найденного было более чем достаточно.

Сопутствующие материалы, большую часть которых Покс извлёк из архива собственного отдела, свидетельствовали о следующем.

В конце двадцатого — начале двадцать первого века, земляне могли сохранять в своих базах данных и передавать на расстояние большие объёмы информации, сравнимые с объёмом, необходимым для записи отдельно взятой человеческой личности; даже эксперименты по ментальному сканированию сознания и созданию первого виртуального индивида в недрах компьютера уже проводились. Правда, Поксу не удалось выяснить, увенчались ли они успехом, однако сам факт попытки такого рода говорил о многом.

В экстрасенсах Земля никогда недостатка не испытывала, а ведь все они потенциальные спонтанные путешественники — люди-ретроскопы.

Правда, земляне ещё не применяли мыслесвязь с использованием трансцессоров, однако обычные средства коммуникации стабильно развивались и совершенствовались, и даже подобная «Глобалу» информационная сеть у них уже была — в аудиовизуальном варианте. Фактически, им не хватало лишь учёного, способного объединить имеющиеся знания в единое целое.

Или просто умельца-самоучки, который соберёт простейший ретроскоп из подручных материалов.

Так что утверждение Блэкбэда об изобретении землянами ретроскопа невероятным не казалось — у них имелись все возможности.

Когда же это произошло? Блэкбэд не уточнил дату, если вообще знал её.

Та-а-ак… Если земляне заполучат в своё распоряжение собственную машину времени, они тут же начнут её использовать — любому дураку понятно. Никто не удержится от искушения сунуть нос в прошлое ещё до того, как будут просчитаны все риски. Препятствий к контакту с агентами, подобных тем, с которыми сталкивались алитейцы, у них не будет, поскольку они

состоят со своими собственными предками в более близком родстве. Оптимизаторы им не потребуются, следовательно, путешествия они смогут начать ещё до изобретения трансцессоров и начала массового использования мыслесвязи.

И тогда…

Тогда у них должно начаться то же самое, что в последнее время происходит на Алитее.

Стейбус продолжил поиск и вскоре обнаружил то, что и ожидал. Домашний ИР, выполняя указания хозяина, послушно собирал в «Глобале» отчёты временщиков — теперь уже и официалов, и нелегалов.

Во второй половине двадцатого века на Земле в обиход вошёл термин «глобальное потепление» и участились природные катаклизмы. Точно так же, как на Алитее, учёные связывали климатические сдвиги и погодные аномалии либо с хозяйственной деятельностью людей, либо со сменой естественных циклов, либо с изменением активности светила своей звёздной системы. Они точно так же оказались бессильны построить достоверный долговременный прогноз развития событий в будущем. Но, в отличие от алитейцев, земляне были куда устойчивее к колебаниям климата, поэтому никто особенно не беспокоился.

«У нас ППУ начались лет за пятьдесят до изобретения ретроскопа, — подсчитывал Стейбус. — Блэк говорил, что это естественно. Если он прав, а сам процесс обратного влияния на обеих планетах проходил примерно одинаково, то земляне сделали свой первый ретроскоп где-то в начале двадцать первого века. А точнее?»

Точнее сказать было сложно, и Покс вновь попробовал связаться с королём временщиков уже проверенным способом. Про себя он окрестил его «призыванием святого имени великого Блэкбэда».

— Ну чего тебе? — недовольно отозвался тот. *— Ты думаешь, что у меня нет занятий интереснее, чем отвечать на твои дурацкие вопросы?*

— Я думаю, что тебе стоит относиться ко мне лояльнее, — парировал Стейбус. — Как-никак, ты всего лишь квартирант в моём сознании. Станешь возникать — обучусь изгнанию бесов и выселю тебя к чёртовой матери.

— Не так-то просто будет добиться желаемого результата, но если хочешь — попробуй, — ответил Блэкбэд. *— И к кому же ты собираешься обратиться за наукой? К нашей троице великих или к своей бывшей подчинённой? Я слышал, она делает успехи у Мецената.*

— Что ты знаешь про Лию? — быстро спросил Покс.

— Ничего особенного. Она работает вместе с двумя десятками ретроскопистов, которых набрал Меценат. Скоро выбьется в командиры. Способная…

— Ей ничего не угрожает?

— А что это ты так забеспокоился? Не строй из себя дурачка. Естественно, угрожает, да ещё как. Не стоило ей связываться с Ленорном и прочими. Кишка тонка.

— Ты можешь её предупредить? Я бы сам, но не знаю, где она…

— Предупредить — о чём? — перебил Блэкбэд. *— Она в курсе всего, и гораздо лучше, чем ты. Давай, спрашивай что хотел.*

— Мне надо знать, когда именно земляне создали ретроскоп и кто изобретатель.

— Не скажу. Правда, Стейб, не скажу. Ты ведь боец по натуре, сразу кинешься в драку. Не забывай, что я читаю твои мысли и знаю, что у тебя на уме. Да только ты глупый боец, вроде того парня, который сражался с ветряными мельницами. Открой я тебе личность изобретателя — ты, чего доброго, попытаешься ему помешать.

— Я не собираюсь…

— Конечно собираешься! — недовольно возразил Блэкбэд. *— Нет изобретателя — нет ретроскопа. Нет ретроскопа — нет Тёмного периода и Хаоса, история идёт естественным путём. Ты уже всё просчитал и воображаешь, что ничем не рискуешь. Ведь прошлое Алитеи — а значит, и настоящее — не изменятся. А вот будущее землян — очень даже! Сейчас у них совсем нет будущего. А без ретроскопа оно будет, да ещё какое! Величие Гегемонии, славные деяния, миллиарды счастливо прожитых жизней тех, кто не родился в результате хронокатастрофы. Признайся, что ты думал об этом.*

— Я и тебе советовал бы задуматься.

— Восторженный невежественный чурбан! Хаос уже вписан в другую историю — историю Универсума — соображаешь? Это тебе не какая-нибудь песчинка, вроде Земли или Алитеи. Организм Мироздания успешно лечит себя, и впоследствии Хаос превратится просто в старый шрам на его теле; а ты сейчас хочешь расковырять едва затянувшуюся рану!

— Так ты не скажешь имя изобретателя?

— Нет конечно. А если захочешь найти его самостоятельно, это окажется трудней, чем тебе представляется сейчас. И тебе не удастся нейтрализовать саму идею. Дело в том, что на Земле ретроскоп изобрели почти одновременно сразу в трёх местах, и в двух случаях это были госразработки конкурирующих держав,

ворующих технологии друг у друга. Представляешь, скольких людей придётся убрать? Почему ты решил, что у них там всё шло как на Алитее? Нет, на Земле эпоха свободных путешествий началась не сразу, исследования прошлого и будущего велись в засекреченных лабораториях, ретроскоп стал плодом коллективного труда сотен людей.

— Они сразу начали путешествовать в будущее тоже? — спросил Стейбус.

— Да, они оказались способнее нас, — ответил Блэк. *— Ты вот решил, что в начале двадцать первого века у землян имелось всё необходимое для изобретения ретроскопа? Плохо думаешь о них — они уже имели и сам прибор. Но державы, ведущие исследования, вовсе не собирались пускать его в свободную продажу. Это случится чуть позже — перед самой катастрофой, и виноваты в ней окажутся не рядовые путешественники. Третий — независимый — изобретатель долгое время будет находиться под колпаком спецслужб собственной страны. В конце концов он найдёт способ обнародовать идею, и ретроскопы станут общедоступны. Но к тому времени вмешательство в прошлое и будущее, проводящееся в рамках поднятия уровня обороноспособности отдельных держав, уже станет привычным делом.*

— Что произойдёт?

— Они станут действовать в нескольких областях, но наиболее заметны последствия разработки двух стратегических направлений. Первое — коррекция прошлого с целью изменения самого близкого будущего: устранение неугодных путём изменения событий жизни их предков, даже стирание целых родовых линий. Результатом станут многочисленные необъяснимые исчезновения людей по всему миру. Уже в двадцатом веке независимые исследователи Земли заметили, что таких случаев намного больше, чем это допустимо естественными причинами. Люди просто уходят из дома и не возвращаются. Самые разные люди, но в основном — с низким социальным статусом. Никто, конечно, не мог спрогнозировать, кем могли бы стать их дети. Это незаметные фигуры на общем фоне, но объединяет их одно — память о них стирается удивительно быстро. Был человек — и нету, а через несколько лет о нём перестают вспоминать даже близкие друзья… Обнаружить причину такой «забывчивости» сложно, если не знать, что все они стали жертвами хронопреступлений, с последующей зачисткой их поля влияния.

— А второе направление?

— То самое, о котором мечтает твой институтский коллега Фауст Вагнер. Заимствование высоких технологий, но только не

из прошлого, как хочет он, а из будущего. Прибавь к сказанному конкуренцию нескольких держав, в данном случае — трёх. Но они недолго сохранят монополию на ретроскоп. А вмешательство в собственное будущее, это, брат, такое дело… Оно похуже, чем вмешательство в прошлое.

— Почему?.. Знаешь, у меня просто в голове не укладывается, как можно украсть технологию из собственного будущего, — пожаловался Стейбус, не дождавшись ответа на заданный вопрос. — Ведь для них его ещё не существует. Они сами его создают. И ведь его вообще не будет — ты сам говорил!

— Эх ты, а ещё временщик, — с сожалением сказал Блэкбэд. *— Учить тебя… Будущее для землян существовало, пока они сами себя этого будущего не лишили. Да оно и сейчас существует, но только не для них! Они ведь не уничтожили его, а лишь закрыли туда доступ — себе, но не другим. Весь путь эволюции Гегемонии, жизнь каждого родившегося и неродившегося землянина — всё записано в энергоинформационном Поле Вселенной, иначе откуда бы возникла Алитея и лично ты? Пора уже расширить своё сознание для понимания элементарных вещей. Хочешь, поставлю диагноз? Твой естественный прогресс закончен. Ты не сможешь развиваться дальше, если не научишься работать с несколькими агентами сразу.*

У Стейбуса на языке вертелась привычная фраза: «Это невозможно», однако он не стал произносить её вслух. Все последние месяцы злые волшебники ретроскопии, вроде Блэкбэда, казалось только и делали, что разрушали привычные для него представления о том, что возможно, а что нет. Действительно, если посредственный путешественник может создать тысячу копий собственного сознания в голове одного агента, с целью заставить совершить его некие действия, то почему хрон-магистр Блэкбэд не в состоянии создать сотню своих копий для сотни агентов? Или — ту же тысячу. Или…

— Блэк всемогущий и вездесущий, — пробормотал он.

— Да, почти так. А ты думал, что я бываю занят исключительно тобой? — съязвил Блэкбэд. *— Ты мне нравишься, но — слишком много чести... Сейчас я советую тебе заняться тем же. Самое трудное — активировать свои оставленные без присмотра копии. Ведь они не более дееспособны, чем те, которые путешественники сохраняют в информбанке «Кроноса» на предмет Восстановления. Но между ними есть большая разница: последние есть просто мёртвая совокупность информации, а копия в сознании агента — такая же совокупность, но подключённая к его энергоинформационному полю и органам чувств. Активировав копии, необходимо наладить с ними полноценную связь. Для начала*

научись раздваивать сознание, потом делить натрое… Иначе рискуешь навсегда застрять на своём нынешнем уровне. Помни, что чем больше времени ты проводишь в путешествиях, тем сильнее развиваются экстрасенсорные способности. Используя одновременно множество агентов, ты сможешь наращивать потенциал в геометрической прогрессии.

— Зачем мне это?

— А ты подумай. Ну, а сейчас, чтобы ты больше не плакался, что я оккупировал твоё сознание, я ухожу. Вскоре ты предпримешь нечто такое, что мне глубоко не по душе, и я не хочу участвовать в твоих делах даже косвенно.

— А что я предприму?

— Бог мой! Я, что ли, должен сказать, что ты предпримешь? Ты же сам и решишь. А ухожу я для того, чтоб ты был уверен, что это твой собственный выбор.

Блэкбэд исчез. Или — нет? Может, Блэк лукавит, а сам готовит атаку на его сознание? А что если атака уже была и завершилась успешно, а он и не заметил? Сколько вообще решений в жизни были его собственными?

Стейбус выругался, пнул ногой стойку рабочего стола и приказал домашнему ИРу включить новости. То, что он увидел на экране, сразу заставило его забыть и о Блэкбэде, и о землянах с их ретроскопом. Там показывали какую-то комнату с расстрелянными стенами и мебелью, заваленную мёртвыми телами. На переднем плане в рабочем кресле сидела Лия. В над левой бровью девушки чернело пулевое отверстие. Крупная капля крови проложила от него вниз короткую дорожку и застыла на ресницах.

— Мы ведём свой репортаж из предместья Энен, расположенного в двадцати километрах за городской чертой Сестрории, — возбуждённо тараторил голос за кадром. — Здесь, в одном из роскошных особняков, который по непроверенным данным принадлежит миллиардеру Фолди Шеппингу, известному среди ретроскопистов под псевдонимом Меценат, произошло настоящее сражение между многочисленной охраной и группой хорошо вооружённых налётчиков. Судя по обнаруженной технике, вилла Шеппинга была оборудована не хуже, чем любое отделение Академии Времени. Что касается нападавших, то они, помимо шести трупов, оставили на месте преступления несколько приборов, входящих в обычный медицинский комплект для психокоррекции сознания. Сейчас их изучают специалисты, но уже можно сказать, что ретрокодирование, в результате которого путешествия в прошлое становятся невозможными, совсем не вымысел. Очевидно, именно кодирование работавших на вилле

ретроскопистов являлось первоначальной целью преступников; однако, встретив упорное сопротивление, они просто всех уничтожили. Общее число жертв, по предварительным подсчётам, достигло пятидесяти трёх человек…

Теперь камера показывала полицейский икар, неловко зарывшийся носом в клумбу перед входом в здание. Чуть поодаль лежали два трупа в форме. Очевидно, у налётчиков начались трудности со стражами правопорядка при отходе, но Стейбуса это уже не касалось.

— Не знаю, слышишь ли ты меня сейчас, Блэк, — сказал он сквозь зубы. — Но если ты в ближайшее время встретишь Ленорна, передай ему, что я убью его. В прошлом или в настоящем — неважно, но я его найду.

* * *

Первым делом Стейбус связался с Институтом сравнительной истории.

— Тео, это доктор Покс, — сказал он, обращаясь к главному ИРу. — Пожалуйста, соедини меня с приёмной Оллентайна… Он свободен?.. Нет, ничего конфиденциального… Добрый день, профессор. Я прошу немедленно освободить меня от занимаемой должности. Думаю, мой заместитель, глава аналитиков Рид Кастл, вполне способен меня заменить.

— Что? — недоумённо поднял брови Оллентайн. На экране он всегда выглядел более представительным и официальным, чем на самом деле. — Что значит — освободить? Надеюсь, вы понимаете, что сотрудника вашего ранга нельзя взять и уволить просто так, в одночасье. Вы на особом счету в Академии. А потом — где ваше чувство ответственности? Я не в состоянии…

— С моей ответственностью всё в полном порядке, — перебил его Стейбус. — Я никогда ещё не чувствовал её так остро.

— Но в чём дело? Вы, хотя бы, можете объяснить?..

— Объяснения могут затянуться надолго. И у меня нет никакого желания что-либо объяснять. Скажу лишь, что если вы не рассчитаете меня обычным порядком, я перестану выходить на работу, и вам придётся уволить меня за продолжительное отсутствие без уважительной причины.

Не дожидаясь дальнейших возражений, Покс отключился, и в течение следующего часа сделал массу распоряжений своему домашнему ИРу, технической службе Старого Квартала и столичным службам быстрой доставки. Два часа спустя в его жилой модуль привезли ретроскоп, установку шумоподавления

«Ультра» и несколько контейнеров с пищевыми концентратами, могущими обеспечить полноценным питанием одного человека в течение года. Техслужба произвела осмотр всего имевшегося оборудования, и был создан ещё один резервный контур энергообеспечения в придачу к уже существующему.

Установив новый ретроскоп рядом со старым, Покс настроил прибор, заблокировал главный вход в квартиру и выход на террасу, полностью изолировав помещение от внешнего мира. Сев в рабочее кресло, он сунул в рот мундштук автономной системы питания, чего раньше не делал никогда; но на этот раз он намеревался провести в прошлом неопределённо долгое время. ИР выключил все внешние каналы связи и включил выход на «Глобал» через один ретроскоп, оставив второй работать в спящем режиме, для подстраховки. Информбанк «Кроноса» привычно принял на хранение последнюю копию личности Покса.

«Сначала посмотрим, что нового на «Ретродроме», — подумал Стейбус. — Хорошо бы совсем раздавить ваше гадючье гнездо, но это подождёт. Сначала — главное, а потом, ребята, боюсь, не смогу отказать себе в удовольствии…»

Глава 8

Суперпредложение от «Ретродрома»! Убойная программа «Всё прошлое»! Не путайте с жалким проектом Института сравнительной истории — они с нами даже рядом не стояли!

Сюда мы собрали самое лучшее — от мезозойской эры Земли до вчерашнего дня Алитеи!

Больше нет преград! Теперь тебе доступны путешествия в прошлое любых планет Содружества! Узнай, какими были Человеческие Миры во времена Нового Расцвета и сто лет назад!

Войны Человеческих Миров с негуманами! Десять самых известных конфликтов! И ты можешь поучаствовать в них не только на стороне людей!

Впервые — негуманы в роли агентов! Надеемся, ты понимаешь, что это значит! Не только новые приключения! Вскоре мы будем знать об их планетах больше, чем они сами! Алитея станет центром обитаемой Вселенной! Имперской разведке такое и не снилось, но мы поделимся с нею сведеньями! Мы тоже патриоты…

Реклама в Галактической информационной сети «Глобал». Нелегальный сайт «Ретродром».

Впервые с того момента, как Стейбус начал путешествовать в прошлое, он видел перед собой не временные зоны далёкой Земли, не её города, а Сестрорию. Благодаря наскоро подготовленным нелегалами хроноплатформам, сюда теперь стало достаточно просто попасть любому способному сенситиву или имплантёру. А скоро сверхблизкая временная зона станет доступна каждому желающему.

Идея решить все вопросы разом пришла внезапно. Наверное, Лие нужно было умереть, чтобы Стейбус понял, как она дорога для него.

Почему, почему ей нужно было умереть для этого?!?

«Мы хотим отчистить прошлое, — говорила ему Лия во время последней встречи, перед её увольнением из института. — Всего лишь восстановить его в том виде, в котором оно находилось до первого визита первого путешественника. Меценат готов отдать ради этого все свои миллиарды, которые он заработал, создав «Ретроскоп технолоджи». Необходимо удалить из прошлого всех путешественников; запретить сами путешествия, а запретить их можно только добившись соответствующего постановления правительства; отследить любое когда-либо совершённое вхождение и тщательно его проанализировать на предмет малейших изменений событийной матрицы. Последнее — самое

трудное. Уйдут годы, десятилетия… И людей понадобится много, и работать придётся настолько же упорно, насколько безответственно мы вели себя до сих пор. Затем потребуется откорректировать каждое изменённое событие и подчистить свой собственный след. Я не знаю, насколько выполнима предложенная Меценатом программа, но лишь на этой дороге возможно искупление. И я не пожалею всей жизни…»

Искупление!.. Лия сдержала слово и отдала свою жизнь за него — жизнь слишком короткую, чтобы проложить даже начало пути.

Покс закрыл глаза. Точнее, глаза закрыл его агент. Теперь он видел перед собой лишь темноту, в которой плавали разноцветные кривые пятна… Темноту и безысходность.

Икар стоял на открытой посадочной площадке мегабилдинга, расположенного в четырёх километрах от жилого массива Лессика. Где-то там, прилепившись к стене одного из объединённых кварталов, невидимый на таком расстоянии, жил своей жизнью частный шестикомнатный модуль, в котором расположилась скромная лаборатория неизвестного пока никому молодого учёного по имени Родерик Дендайм.

«Род жил скромно, — вспомнил Стейбус отрывок из мемуаров Ленорна — того Ленорна, который ещё не был хрономаньяком и не думал спасать прошлое при помощи убийств в настоящем. — Дендайм купил этот модуль сразу же после того, как его эксперименты были признаны общественно-безопасными и он смог отказаться от аренды специального помещения в Цибойских лабораториях. Собственно, Род пользовался в личных целях только одной комнатой, примыкавшей к кухне. Остальные пять занимала лаборатория, а на кухне мы устроили нашу собственную миниатюрную общественную столовую. Что касается нас четверых, то все мы обитали в разных районах столицы, а Оллентайн — вообще в пригороде, так что кто-то постоянно оставался ночевать у Дендайма, дабы не тратить время на дорогу. Ссорились ли мы? Нет, было некогда, работали семь дней в неделю. А разногласия — да, случались…»

Агент Стейбуса открыл глаза и, выдвинув из-под приборного щитка мини-хранилище, стал бесцельно перебирать кристаллы с записями. Взяв один, хотел вставить в приёмник, но замешкался и уронил его на пол. Потом неожиданно сгрёб все кристаллы и швырнул их через плечо назад, за сиденье. Разноцветные зёрнышки едва слышно застучали по обшивке кабины.

«Единственный серьёзный спор произошёл тогда, когда икар самоубийцы врезался в арку внутреннего транспортного канала рядом с нашим модулем. Никто не пострадал, но мы пережили

несколько неприятных минут, наполненных запоздалым испугом. После этого случая Вэлл и Жордан принялись уговаривать Рода перенести модуль в более безопасное место. Дендайм отказывался, ссылаясь на то, что места возле транспортных каналов стоят намного дешевле. У него были деньги, и немалые, но он желал тратить их на исследования и только на исследования».

Именно в этом икаре и находился сейчас Покс, глядя через лобовое стекло глазами своего агента. Его совсем не интересовало, почему тот решил свести счёты с жизнью. Главное, что он разбил свою машину об арку не далее чем в двадцати метрах от лаборатории Дендайма, когда там находились четверо из тех, кто через три года создаст ретроскоп.

Олентайн в тот день отсутствовал. Неделей раньше он заболел, и сейчас лежал в клинике, в тридцати километрах от места событий.

А сам Стейбус ещё даже не родился.

После того, как он узнал о смерти Лии, его первым побуждением было пробиться к моменту налёта на виллу Мецената и предотвратить… Останавливал простой здравый смысл. Это уже не просто близкое прошлое — сегодняшний день. Так высоко ещё никто не забирался… кроме Блэкбэда. И даже если получится — чего он добьётся?

Стейбус помнил, насколько решительно была настроена Лия во время их последнего разговора. Она не остановится, продолжит то, чем занималась, и тогда Сейбусу не останется ничего другого, как превратиться в её телохранителя, сделав своим агентом.

Так поступил в своё время Блэкбэд. Ну, по крайней мере однажды Блэк его точно спас от смерти; его и Ская — тогда, в квартире Рэйва.

Кстати, почему он это сделал? Наверняка Покс не знал, а гадать не хотелось.

Вот тогда он и задумал отправиться в тот период, где можно исправить всё разом. Не только смерть Лии — вообще всё. Вторжение в прошлое, «Ретродром», ППУ-аномалии, современные незавидные перспективы Алитеи… Не будет Дендайма — не будет ничего, один Оллентайн ретроскоп вряд ли изобретёт. А если изобретёт, то он, со своим здравомыслием, наверняка сможет им распорядится получше, чем в компании с остальными. О моральной стороне дела Стейбус старался не думать, яростно затаптывая выползавших на поверхность сознания червячков сомнений. Нет времени сомневаться.

И, как знать, не поможет ли такое лекарство людям из

далёкого прошлого? История о трёх независимых изобретателях ретроскопа на Земле выглядела более чем подозрительно. Двое — ещё куда ни шло, но трое? Что если идею землянам подкинули путешественники? Покс полагал, что такое предположение не будет натянутым. Многие научные прорывы на далёкой прародине могли быть инициированы именно алитейцами. Каждому приятно почувствовать себя в роли этакого бога-просветителя.

Убить Дендайма… Как к нему подобраться? Ленорн, Жордан и Вэлл наверняка предусмотрели такую возможность и оградили собственное личное прошлое от вмешательства не хуже, чем свою базу в эпохе раннего христианства. Внушить кому-нибудь из них мысль спрыгнуть с крыши мегабилдинга не представлялось возможным. Покс не сомневался, что «тройка великих» в области исследования любых эпох опережает даже «Ретродром» и Синдикат. Если они пока не применяют уничтожение своих противников из настоящего в прошлом, предпочитая кодирование и пули, то это, скорее всего, из-за их общих установок…

Хотя кто поручится, что не применяют? Или — что не применят впоследствии?

Они хотят изгнать из прошлого всех и вся, но сами, похоже, уходить не собираются. Каковы их тайные цели? Превращение всего временного пространства в свою личную вотчину? Основание хронокоролевства?

Ленорн, по свидетельствам хорошо знавших его людей, был властным и жестоким человеком, что впоследствии не единожды доказывал на деле. Жордан отличался непомерным честолюбием, тщательно, однако не очень успешно скрываемым ото всех. Один Вэлл был чуть ли не святым, но с годами люди меняются. Все трое не могли не понимать, какие последствия будет иметь их всемерная поддержка маленькой иудейской секты, превратившейся впоследствии в основную движущую силу человеческого общества Земли. Так чего они хотели? Спасти прошлое ценой наименьших, с их точки зрения, потерь? В том, что такова была исходная цель, Стейбус не сомневался. А сейчас? Насколько заманчивой оказалась для них идея навсегда остаться богами Известной истории?

Эпизод из мемуаров Ленорна, не публиковавшихся нигде, кроме двух – трёх сайтов в «Глобале», Стейбус вспомнил случайно. Пилоту-самоубийце достаточно взять на двадцать метров вправо — и эпоха путешествий даже не начнётся. Тут и внушать ничего особо не надо. Икар в момент столкновения шёл на скорости свыше четырёхсот километров в час. Достаточно руке нервно вздрогнуть на штурвале… Просто лёгкая судорога.

Конечно, Ленорн и его сподвижники могли предусмотреть и это. Но выбора не оставалось.

Прибыв точно в интересующий его день и час, Стейбус произвёл тщательнейшую разведку. Он мог бы поклясться, что рядом нет никаких путешественников, чужих личностей, чужих сознаний. Только потенциальные агенты. Никто не собирался ему мешать. Покс вздохнул с облегчением. Они не предусмотрели… Никто не может предусмотреть всего.

И теперь перед ним лежала Сестрория недалёкого прошлого. Несколько лет до собственного дня рождения…

Неожиданно его охватил страх. Куда ты пришёл, Стейбус? Что собираешься совершить?

Покс быстро вернул сознание обратно в своё время, вытащил изо рта мундштук системы питания и с некоторым удивлением оглядел свою квартиру. Вся кухня забита припасами. Он ведь думал, что поиск решения проблемы займёт не один день, возможно — недели и месяцы…

Однако раздвоение сознания и подселение сразу к двум агентам удалось на удивление легко. Покс полагал, что потребуется второй ретроскоп. Но он не понадобился. Сейчас Стейбус вернулся из сознания пилота икара и одновременно продолжал оставаться дальней временной зоне, в теле ничем не примечательного землянина, мелкого предпринимателя на отдыхе, сидящего на берегу реки с удочкой. Между двумя агентами несокрушимой тысячелетней глыбой лежал Тёмный период.

Дальняя временная зона… Почти родной дом. Оттуда Покс планировал возвратиться в своё время, когда всё закончится. И только сейчас понял, насколько это глупо. Никуда он не вернётся. Дай он себе время подумать, то сообразил бы сразу. Блэкбэд прав: он — глупый боец, кидающийся в сечу очертя голову.

Когда всё закончится — ретроскопов больше не будет. Ни тех, что стоят сейчас у него дома, и никаких других тоже. Их не изобретут.

Или изобретёт Оллентайн, но тогда начнётся совсем другая история.

Всех последствий задуманных действий даже вообразить невозможно. Последствий бездействия — тоже.

Стейбус сидел неподвижно, чувствуя, как кожу на спине дерёт мороз. Не слишком ли далеко ты зашёл, дружище? Не слишком ли?

— Не намного дальше, чем остальные, — сказал он наконец. Во рту внезапно пересохло, язык ворочался с трудом. — И ведь остальные непременно будут там, где я сейчас, или ещё дальше.

Ретродромовцы уже здесь. И другие подтягиваются. Пока у них на уме только приключения. Но если я ничего не сделаю, они будут там же, где я, а кто-то встанет перед тем же выбором, что и я, если не хуже.

И кто знает, что они выберут? Наверное, это и вправду конец света…

Можно подняться на сорок лет выше… Увидеть Лию тогда, когда они только что встретились. Сделать агентом себя самого и повернуть свою жизнь по-иному. Но затем туда же придут тысячи других, и каждый будет менять окружающее, как ему заблагорассудится. Или, что ещё хуже — менять походя, не сознавая этого.

Стейбус придвинул кресло ближе к столу, и его сознание нырнуло в знакомый ретроканал.

Пилот икара придвинул кресло ближе к пульту и произвёл выбор траектории вручную.

Бортовой ИР отключён, чтобы не мешал. Мощная оптика приблизила расчётную точку конца короткой скоростной трассы. Вот она — массивная арка транспортного канала, пронизывающего объединённый квартал Лессики. Основной поток машин идёт далеко. Никто не пострадает, подумал пилот.

Совсем рядом — тонированные стёкла окон лаборатории Дендайма. Если воткнуть икар точно в окно, сверхпрочные внешние стенки модуля погасят взрыв, а от него самого мало что останется. Соседние блоки не пострадают, подумал Стейбус. Вот здесь надо едва заметно дёрнуть штурвал… Судорога. Просто лёгкая судорога, похожая на нервный тик.

Ожили двигатели, электромагнитный компенсатор включился автоматически. Икар взмыл над плоской крышей мегабилдинга и рванулся по наклонной вниз, словно скользя по склону невидимой стеклянной горы.

* * *

Ленорн не без труда разблокировал дверь в модуле Стейбуса и, шагнув в квартиру, тщательно запер её за собой.

— Ах, доктор Покс, ну можно ли быть таким самонадеянным? — насмешливо спросил он, глядя на неподвижное тело в кресле. — Ваши баррикады очень ненадёжны…

Снисходительно потрепав Стейбуса по плечу, Ленорн вытащил у него изо рта мундштук и сбросил с его колен на пол свернувшийся в кольцо шланг автономной системы питания.

— Мне жаль вас разочаровывать, но план нашего коллективного убийства не одобрен вышестоящими инстанциями.

Он поставил на стол кейс, открыл его, и вытащил оттуда странное приспособление, похожее на гигантскую механическую креветку. Аккуратно посадив монстра на грудь Стейбусу, Ленорн вскрыл ретроскоп и заблокировал шлюзы каналов обратного перехода.

— Я и не предполагал, что моя предыдущая попытка кодирования будет иметь такой слабый эффект, — продолжал он. Произносимый вслух монолог ничуть не мешал движениям — быстрым и точным. — Придётся прибегнуть к помощи техники. Гордитесь, Покс, вы станете первым пациентом такого рода. Ретрокодирование без выхода из прошлого. Мне очень жаль, но оно превратит вас в круглого идиота… Хотя, нет. Почему — превратит? Вы вели себя по-идиотски на протяжении всей жизни.

Ленорн вдруг почувствовал что-то и повернулся назад с такой скоростью, какой никто не ожидал бы от человека его возраста, но всё равно опоздал. Правда, парализующая игла, вместо того, чтобы попасть ему в спину, вошла в грудь.

— Ах, господин Ленорн, ну можно ли быть таким самонадеянным? — передразнил Блэкбэд, пряча игольник в карман цветастого халата. — Стоило бы взять с собой хоть парочку своих головорезов!

Ленорн несколько секунд стоял, упрямо борясь с действием парализатора, потом резко выдохнул и свалился на пол.

Из прихожей вышел Агиляр, взял старика за ноги и оттащил в сторону.

— Ещё подальше, — сказал Блэкбэд. — Я не хочу, чтобы нашего друга запачкало чужими мозгами.

— Что ты собираешься делать? — хмуро спросил Агиляр. — Мог бы хоть что-нибудь объяснить заранее… Не по душе мне это. Его люди могут находиться поблизости.

— С каких пор ты перестал мне доверять? — удивился Блэкбэд.

Он сунул руку в карман висевшей на спинке кресла лёгкой куртки Покса, и достал его пистолет.

— Собираешься убить его? — опять спросил Агиляр.

— Ну что ты, малыш. Нет, конечно. Он убьёт себя сам.

С этими словами Блэкбэд аккуратно вложил пистолет в руку Стейбусу, приоткрыл ему рот и, вставив туда ствол, нажал на спуск.

* * *

Икар самоубийцы летел вперёд на последнем отрезке пути между мегабилдингом, откуда он стартовал, и Лессикой. Красные аварийные огни на арке транспортного канала и на пульте в самой машине вспыхнули одновременно.

— Борт L-295-847, немедленно измените курс! Включите экстренное торможение и перерасчёт траектории!

— Не стоит, — ответил пилот, бросая короткий взгляд на экран заднего обзора. На нём было хорошо видно, как машину догоняет полицейский перехватчик, нелепо растопыривший затянутую сетчатыми перепонками лапу аэроловушки.

Стейбус напрягся. Ещё немного… Вот здесь!

Но он ничего не успел сделать.

В его сознании вдруг раздулся и гулко лопнул радужный прозрачный шар, рассыпавшийся на множество таких же ярких, но маленьких шариков, а ход мыслей замедлился, и он почувствовал, что теряет связь с агентом. Думать стало так же трудно, как пытаться бежать, находясь по шею в воде.

Арка была совсем рядом, а сбоку — окна модуля Дендайма, и Поксу даже показалось, что он разглядел человеческие фигуры сквозь густую тонировку стёкол, чего, конечно, не могло быть. Вот здесь, вот здесь надо свернуть, но… Но руки пилота, сжавшие штурвал, остались тверды. Через секунду икар врезался в арку.

Не было ни вспышки света, ни боли, ни грохота взрыва — ничего.

Стейбус осознал себя сидящим на берегу реки с удочкой. Объединённые кварталы и мегабилдинги Сестрории исчезли. Осталась трава, берег, неторопливое течение реки и луг перед берёзовой рощей на той стороне. Двадцать первый век, Россия. Подмосковье, кажется…

Второй агент Покса, о котором он совершенно забыл, заметил поклёвку, сделал подсечку, но рука неожиданно дрогнула и рыба ушла.

— Чёрт, сорвалась! — с чувством сказал рыбак. — Проклятая судорога — откуда ещё? Как не вовремя!

Действительно, подумал Стейбус, глядя на расходящиеся по воде круги. Совершенно не вовремя…

* * *

— Зачем ты убил Покса? — спросил Агиляр. — Я считал, что наша цель — Ленорн.

Они сидели в одной из принадлежавших Блэкбэду квартир на

пятом подземном уровне объединённого квартала в массиве Гатри. Стандартная обстановка, никаких личных вещей, да и какие могут быть личные вещи у человека, обречённого постоянно кочевать с места на место? Единственная дорожная сумка.

Ну, ретроскоп здесь, конечно, имелся. Не для себя — для гостей.

— Так зачем ты его убил? — снова спросил Агиляр. — Он был неплохим парнем.

— Он и сейчас неплохой парень.

— Да, но только теперь он мёртвый.

Блэк указал на пластиковый пакет, в котором лежали две пары резиновых перчаток и пистолет-парализатор, из которого он подстрелил Ленорна.

— Почему ты не избавился от этого? Хочешь оставить как сувенир? Пресветлой памяти дражайшего Покса и так далее? Уверяю тебя, он живой.

— Ну ясно, — пожал плечами Агиляр. — Каким же ещё может быть человек, который лишился куска собственного черепа и большей части мозгов? Да ещё он одновременно погиб в прошлом при взрыве икара — вместе со своим агентом.

— Правда, — кивнул Блэкбэд. — Стейбус стал первым человеком, который погиб сразу в прошлом и настоящем. Тем не менее, он жив. Тем и замечателен.

— Я не понимаю, — сказал Агиляр. — Совсем не понимаю. Сначала мы рискуем собственной шкурой, раскрываемся, суёмся в самое пекло, хотя ты сам говорил, что с Ленорном и его дружками лучше лишний раз не связываться, и я с тобой полностью согласен. Я и Поксу в своё время советовал это… Мы подставляемся, ты спасаешь Покса из лап Ленорна, но, оказывается, только для того, чтоб его пристрелить. Ладно. Но на Ленорна-то можно было повесить это убийство? Вложить пистолет в руку ему, а не Стейбусу. Связаться с полицией… Хоть бы пользу извлекли. С двумя святыми бороться проще, чем с тремя. Сколько мы с ними воевали? Меня они вышвыривали из прошлого девять раз. Хорошо что в реале не нашли.

— Ты забыл сделать две поправки, — сказал Блэкбэд. — Во-первых, никто не знает, что Ленорн — это Ленорн. Он так себя переделал, что его почти невозможно опознать. Во-вторых, при его способностях он сделает так, что его освободят под залог. И без способностей — тоже. Никто не поверит, что он пришил Покса, а потом выстрелил из игольника сам в себя. А как только его освободят, он исчезнет. Не стоило возиться.

— Тогда, может быть, стоило убить его?

— Желающие убить Ленорна, да и любого из его компаньонов, сейчас становятся в очередь, — сказал Блэкбэд. — Ты думаешь, Меценат просто так забудет зачистку своей виллы? Его самого только чудом не превратили в решето — прикрыли телохранители. Предоставим делать грязную работу другим. Нам не нужна война с Жорданом и Вэллом, которые непременно начали бы мстить. Что касается Покса… Они так или иначе достали бы его. Не в этот раз, так в следующий. Сохрани он каким-то образом личность после повторного кодирования, Ленорн мог бы сделать его своим агентом. В будущее Ленорн путешествовать не способен, а в настоящее — вполне… Или они занялись бы Поксом все трое. А ты понимаешь, что это значит, когда за тебя всерьёз берутся три таких сенситива? Это конец. Они так или иначе доведут человека до сумасшествия. Навязчивые мысли, голоса в голове, невозможно ни на чём сосредоточиться. Невозможно нормально спать. Как бы ты ни устал — стоит тебе погрузиться в забытьё, как тебя словно кто-то в бок толкнёт или в ухо крикнет; или покажется, что пиликает сигнал вызова на трансцессоре, хотя на самом деле никакого вызова не было. А если всё же уснёшь, разнообразие и реалистичность твоих кошмаров окажется на высшем уровне, причём тебя возьмут именно тем, чего ты больше всего боишься. Потом начнутся кошмары наяву. Галлюцинации… Да что продолжать! Зайди в «Глобале» на сайт «Торквемада». Там тусуются временщики, которым доставляет удовольствие раскопать в прошлом парня, совершившего какое-либо преступление, или просто того, кто им лично не нравится, и так мучить. Они называют это «наказанием грешников».

— Больно нужны мне такие извращенцы, — поморщился Агиляр. — Верю на слово. Но мёртвому Стейбусу от этого не легче.

Он почти пожалел о последней фразе. Не стоило надоедать Блэку, повторяя одно и то же, как попугай. Но Блэкбэд ответил по-прежнему спокойно:

— Да жив он, жив. Сознание нельзя уничтожить, прекратив жизнедеятельность тела. Наоборот — можно, да и то не всегда. Ты же знаешь о «синдроме ретро», и что тогда происходит. Личность путешественника никогда не распадается до конца, но после внезапной смерти агента она может распасться частично. Тело начинает гнить заживо… А если сознание мутирует, мутирует и тело — ткани, отдельные органы, или всё целиком. Слышал о неудачных Восстановлениях? Это когда изуродованная пси-травмой личность путешественника стремится вернуться в тело, вступая в конфликт с сохранённой копией. В результате

рождаются настоящие чудовища — моральные и физические. Правительство пока не знает, что с ними делать. Они объявляют таких людей погибшими, но на самом деле… Пока их держат в секретных лабораториях ГУСС. Но вскоре, я думаю, им найдут применение.

— Ты всё знаешь об этом, да?

— Я их видел, — коротко ответил Блэк.

Агиляр почувствовал, что настал тот самый момент, когда можно бы спросить Блэкбэда о нём самом. А вопрос о том, кто такой Блэкбэд, волновал Агиляра не меньше, чем любого, кто его знал или о нём слышал.

— Говорят, что ты подселялся не только к животным и в тела негуманов с разных планет, но и к растениям, — осторожно начал он.

— Да, так говорят, — улыбнулся Блэк.

— Говорят также, что ты поднимался в будущее до крайнего предела. Туда, где уже нет времени. И в прошлое опускался до эпох, когда ещё не существовало жизни. Что ты вообще не нуждаешься в агентах.

Блэк пренебрежительно махнул длинной худой рукой.

— Много чего болтают, — сказал он.

— А ещё говорят, что ты вообще не из нашего мира.

Блэк расхохотался:

— Неужели так заметно?

Агиляр внимательно посмотрел Блэкбэду в лицо, пытаясь что-нибудь понять по глазам, по мимике.

— На «Ретродроме» ходят слухи, что ты не с Алитеи, — упрямо продолжал он. — И вообще не из Содружества Человеческих Миров. Говорят, что ты путешественник из прошлого, с Земли. Один из тех, кто там изобрёл ретроскоп и перешёл в наше время. Что ты первый, кто смог полностью подчинить своего агента. Вышвырнул родное сознание прочь, а тело забрал себе.

— А ты-то сам как считаешь? — прищурился Блэкбэд.

Агиляр помолчал, а потом медленно проговорил:

— Я не знаю. Может быть, ты сам дьявол. По крайней мере, ты чёрный, как и он.

Блэкбэд опять захохотал, откинув голову назад.

— Раз рожа чёрная, значит, дьявол! — выдавил он в перерыве между приступами смеха. — Так ты ведь сам только что говорил, что тело не моё? А может, я не дьявол, а Бог?

— Может, — отозвался Агиляр.

Он уже понял, что Блэкбэд опять ничего не скажет, как и во всех предыдущих случаях, когда он пытался вызвать его на

откровенность.

— Ну, естественно, я — Бог! — крикнул Блэк, вскакивая с места и простирая руки вверх. — Чёрный бог чёрных душ человеческих! Блэкбэд всемогущий и вездесущий, Блэкбэд всезнающий — владыка прошлого и будущего!!!

Он смеялся и смеялся, потом замер, наклонившись к Агиляру.

— Кое-что я тебе скажу. Не потому, что такой добрый, а чтоб ты успокоился на счёт своего дружка Покса. По совместительству я ещё и смотритель царства теней, где обитают души погибших временщиков. Можешь не верить, но все те, кому не помогло Восстановление, на самом деле не умерли. Их сознания продолжают блуждать по прошлому, выискивая для себя агентов.

— Ты серьёзно? — недоверчиво спросил Агиляр. — Или опять зубоскалишь?

— Я никогда не зубоскалю, — заверил Блэк. — Я всегда серьёзно.

Агиляр посмотрел на него с неприкрытым сомнением, но Блэк, похоже, и вправду не шутил.

— Но ведь это же… Это же…

— Ты прав. — Блэкбэд не сел, а скорее обвалился в своё кресло и уставился на собеседника. — Это вечная жизнь. Вечная жизнь на необозримом пространстве времени. После смерти уже нет прошлого и будущего. Одно только бесконечное Время — великий разрушитель миров! И великий благодетель для тех, кто стал ему другом. Сознание вечно, однако живёт лишь в движении. Наше тело рождается, растёт, стареет — оно есть лодка, плывущая по реке. Сознание движется вместе с ним, но после смерти тела замирает в одной точке. Оно пытается обрести новую реальность, но ему не из чего создавать её, как только из себя самого. Подумай, из чего будут создавать собственную вселенную большинство людей? Из неутолённых желаний, подсознательных страхов, комплексов, которые они копили всю свою жизнь! Это и есть ад. Вспомни свои сны, и всё поймёшь. Ведь сон есть прообраз смерти. Часто ли ты видишь радостные и счастливые сны?

Блэкбэд замолчал, глядя перед собой остекленевшим взглядом.

— Единственный выход — снова начать движение, — прошептал он. — Но как выполнить это бедняге, который всю жизнь крепко держался за борта хлипкой лодочки собственного тела, боязливо глядя на окружающую его тёмную воду времени? И путешественники ничем не лучше. Они отправляются в иные эпохи, но мысленно цепляются за жалкий полутруп, оставленный в кресле у ретроскопа. Гибнут вместе с агентами, и цепляются за их личности, срастаются с ними, порождая уродливые гибриды,

раздираемые противоречиями, ужасающие и злобные, но на деле слабые и беспомощные… Им всем нужны костыли.

Агиляр не выдержал созерцания окаменевшего лица Блэка и отвёл взгляд в сторону. Он всё ещё не знал, верить или нет.

— Беда в том, — сказал Блэкбэд очнувшись, — что немногие могут путешествовать без ретроскопа. Они не в состоянии понять, что тело — обуза, череп — клетка для мозгов, а техника — вовсе не помощница. И мало кто может путешествовать после смерти. Их нужно учить. И, поверь мне, я ещё встречусь со Стейбусом.

— Теперь я начинаю понимать, почему ты не убил Ленорна, — задумчиво сказал Агиляр.

— Конечно. Я бы только помог его прогрессу, — согласился Блэкбэд.

— А ты?

— Я умирал не раз.

Агиляр вздрогнул, но промолчал.

— Стейбус был прав, когда опасался, что Алитею ждёт хронокатастрофа? — спросил он после длинной паузы.

— По большому счёту — да. Но лично тебе не о чем волноваться. И всем моим друзьям. Точнее — тем, кого я считаю друзьями. — Блэк вновь рассмеялся, на сей раз совершенно издевательски: — Взмолись Блэкбэду в час скорби своей — и спасёшься!

— Что будет с Алитеей? Со всем Содружеством? И что произошло с Землёй? Она ведь не исчезла совсем? Она продолжает существовать там, в центре Хаоса, да?.. Но, самое главное — что нас ждёт здесь и сейчас?

— Думай сам, друг Агиляр, думай… Может, ещё один Тёмный период. Может, ещё один Хаос… Почему я должен тебе рассказывать? Чего доброго, у тебя пропадёт страсть к путешествиям в прошлое. А в будущее и вовсе никогда не попадёшь…

Эпилог

В Старом Квартале столицы, в модуле, некогда принадлежавшем Стейбусу Поксу, медленно приходил в себя Ленорн. Игла, изготовленная из сухого, спрессованного под давлением парализатора, полностью растворилась в его организме. Старик поднялся на ноги, подошёл к столу и осмотрел тело Стейбуса, лежавшее в рабочем кресле.

— Ну что ж, это тоже выход, — кивнул он. — До встречи в прошлом.

Ленорн снял с трупа своё странное приспособление, которое так и не успел использовать, спрятал его в кейс и тщательно уничтожил все следы своего пребывания в квартире. В последнюю очередь почистил память обоих установленных в модуле ИРов и вышел, аккуратно заперев за собой дверь.

В России двадцать первого века Стейбус по-прежнему находился в сознании своего агента, пытаясь понять, что представляет собой его нынешнее бытие — нормальную форму существования личности или остаточное явление, которое должно вскоре исчезнуть без следа, растворившись в Энергоинформационном Поле Вселенной.

Где-то, по временным зонам Земли и Алитеи, от агента к агенту странствовала Лия, пытавшаяся найти Покса. В момент своей физической смерти она тоже находилась в прошлом, но, в отличие от Стейбуса, знала о феномене автономной жизни сознания гораздо больше.

В диспетчерской пятого столичного отделения ЭМП, расположенного на верхних этажах одного из мегабилдингов Сестрории, Кену Стурво закончил своё последнее дежурство. Он отключил мыслесвязь, встал из кресла, с наслаждением потянулся и бросил на пульт обруч трансцессора, который был обязан носить несмотря на свои способности, и осточертевшую телефонную гарнитуру.

— Ну что, Кену, на покой? — улыбаясь во весь рот сказал его сосед-диспетчер из второго отсека. — Но ты не можешь считать себя на пенсии до тех пор, пока мы всей «экстрой» не обмоем это дело. За твой счёт, разумеется.

— Иди подальше! — миролюбиво отозвался Кену. — Сначала я собираюсь отдохнуть недельку-другую от ваших рож, поскольку меня от них, честно говоря, давно тошнит. А потом, так и быть, устрою званый вечер.

Он, как и всегда, отправился домой на такси. Выходя из лифта на своём уровне Старого Квартала, он едва не столкнулся с

незнакомым пожилым мужчиной, державшим в руке небольшой чемоданчик.

— Извините, — пробормотал Кену. — Задумался.

— С дежурства, да? — сочувственно поинтересовался незнакомец. — Работа в ЭМП нелегка, понимаю.

Мимоходом удивившись, откуда старик его знает, Кену направился к своей двери. Кто-то из соседей? Знакомый знакомого?

Ему и в голову не пришло прощупывать случайного собеседника, он никогда так не делал.

Войдя в свой модуль, Кену небрежно сбросил одежду и с наслаждением растянулся на кровати. Первый день на пенсии! Впереди — свобода, и он ещё достаточно молод. Но, самое главное, у него есть Абелла. Стоит жить на этом свете — в самом деле.

То проваливаясь в лёгкий сон, то вновь на минуту открывая глаза, он строил планы на ближайшее будущее. Расчёт с места работы при выходе на пенсию происходит автоматически. О переопределении социального статуса тоже не стоит беспокоиться. Первым долгом — отоспаться как следует, и когда ещё он мог бы заснуть с большим удовольствием? Некуда спешить.

Завтра воскресенье. Официальный имперский выходной для служащих всех категорий, и большинство свободных предпринимателей также предпочитают отдыхать — значит, Абелла свободна. Хотя, впрочем, что это он?.. Конечно, она свободна, поскольку знает. Специально ведь не поднимала в последнее время тему о пенсии, наверняка готовит сюрприз… Преподнести ответный? Махнуть за город, подальше, на природу, на море… куда угодно. Давно ведь обещал ей поездку. Просто выползти за городскую черту Сестрории…

А Абелла как раз в этот момент беседовала с представителем фирмы, занимающейся скупкой и перепродажей подержанной бытовой техники. Служащий, пришедший вместе с ним, уже успел осмотреть и упаковать ретроскоп. Чёрт с ними, с путешествиями, думала Абелла. Если Кену так расстраивается из-за её увлечения, лучше от него отказаться, и сегодня самый подходящий день. Пусть успокоится. Не стоит начинать совместную жизнь с пререканий по пустякам. Проще подобрать для себя другое увлечение, чем искать другого мужа. Кену надёжен, как фундамент мегабилдинга; десять лет вместе, и… И, конечно, она его любит несколько больше, чем бездушную коробку, набитую интеллектроникой и вогнутыми зеркалами.

Кену ничего о решении Абеллы не знал, но его настроение, и

без того приподнятое, ещё улучшилось. Всё-таки он был очень сильным сенситивом, и хотя не мог ясно видеть сквозь пространство, душевное состояние любимой женщины прекрасно чувствовал на любом расстоянии.

Конечно, должна быть свадьба. Пусть скромно, но торжественно, чтобы запомнилось. Скоро у него будет настоящая семья. И ведь действительно, им ещё не поздно завести детей…

Но сначала — мирный, расслабляющий пикник на природе. Он всегда хотел провести свой первый по-настоящему свободный день именно так.

Кену подумал, не пригласить ли Стейбуса, но потом решил — нет. В первый раз — только вдвоём с Абеллой. Со Стейбусом они могут отметить благополучное окончание его диспетчерской карьеры и позднее.

— Какая погода в окрестностях столицы? — спросил он домашнего ИРа. — На завтра?

— Прогноз весьма благоприятен, — ответил тот. — Никаких ППУ. Температура — плюс двадцать четыре, солнечно, ветра не будет. Похоже, ожидается просто чудесный денёк.

18 декабря 2011года.

Другие книги автора

Другие книги Юрия Соколова вы можете найти на его сайте «ФАНТАСТИКА плюс ФАНТАСТИКА» по адресу:

http://uusokolov.blogspot.ru/

Информация об издании

Обложка для данного издания предоставлена творческой группой «СамИздат»

http://sam-izdat.org/

Художник – Михаил Евдокимов.

notes

1

Экстренная медицинская помощь.

2

Одноместный или многоместный летательный аппарат, предназначенный для перемещения в атмосфере.

3

Трансцессор — двусторонний транслятор мыслей, помогающий их чтению и передаче. Его работа основана на преобразовании сложных мыслеобразов в простые символы или текст и обратно в образы, но в уже адаптированном для восприятия конкретного человека виде.

4

То же, что и экстрасенс. Разница заключается в активном использовании сенситивами техники — как внешней, так и вживлённой в мозг.

5

Искусственный разум.

СБИС — Служба безопасности информационных сетей.

СБД — служба безопасности движения.

8

ППУ — общеупотребительная аббревиатура для любых метеорологических аномалий: плохие погодные условия.

9

Обычные люди, чьи экстрасенсорные возможности обеспечиваются лишь наличием мозговых имплантатов.

10

Встроенный в трансцессор пси-фильтр, отсеивающий лишние мыслеобразы и реконструирующий неясно сформулированные.

11

Программа для трансцессора, призванная помочь восприятию мыслеобразов людей определённой эпохи или этнической группы.

12

Программы-переводчики.

13

Траллс — раб.

14

Современная Франция.

15

Драккар — ладья викингов.

16

Галактическая или, по-другому, глобальная информационная сеть — «Глобал»

17

Здесь — специалисты, занимающиеся восстановлением утраченных произведений искусства.

18

Саксонский остров — Британия.

19

Майор Юстас Шайберт был прусским иностранным наблюдателем при штабе генерала Ли в ходе гражданской войны в США между юнионистами и конфедератами.

20

Хименес де Кесада — испанский конкистадор, чья экспедиция якобы обнаружила в бассейне реки Амазонка племя, состоявшее из одних женщин.

21

Апостол Пётр

22

Настоящий крест напоминал букву «Т». Седикула — нижняя косая перекладина. Под крестом изображали человеческий череп, поскольку считалось, что именно на месте распятия Иисуса Христа была ранее захоронена голова Адама.

23

Главное управление секретных служб

24

Первые четырнадцать рядов Колизея предназначались для сенаторов и всаднического сословия.